

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1 9 6 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3

1969

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Эугениуш Кушко</i> (ПНР). Ленин и польский национальный вопрос	3
<i>В. Д. Королюк</i> . Ленинские места в Польше и Чехословакии в гравюрах К. С. Козловского	9
<i>Г. М. Славин</i> . Советская общественность и Антифашистское вече народного освобождения Югославии	14
<i>Любомир Е. Гавлик</i> (ЧССР). Представления о родственности славянских народов в древней Моравии и Чехии	27
<i>Е. П. Наумов</i> . Об авторстве анонимной болгарской хронике XV века	41
<i>Н. Б. Яковлева</i> . Поэзия Югославии в годы народно-освободительной борьбы (1941—1945)	43
<i>А. В. Липатов</i> . Проблемы классицизма	55
<i>Л. С. Кишкин</i> . Статья о русской литературе в «Карлсбадском альманахе» за 1831 год	60
<i>И. И. Ревзин</i> . Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного)	66

Вопросы историографии

<i>А. С. Бейлис</i> . Исследования М. Димитрова по истории болгарского Возрождения	79
--	----

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Г. В. Попов</i> . Малоизвестный памятник станковой живописи «юго-западной» школы XIV в. из Костромы	92
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. И. Черняеский</i> . Из истории борьбы БКП за единый фронт в 20-х годах	95
--	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>А. С. Мильников.</i> Новая книжная серия Государственной библиотеки ЧССР	96
<i>А. П. Каждан.</i> «Афонские архивы»	99
<i>Т. П. Агапкина.</i> Польский театр в годы второй мировой войны	100
<i>И. Бунина, С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова,</i> <i>Т. В. Попова, В. В. Усачова.</i> Карпатский диалектологический атлас	102
<i>З. Н. Стрекалова.</i> Новый словарь древнепольского языка	106
<i>Г. К. Вендиктов, П. Пашов.</i> Българският глагол	108
<i>М. И. Ермакова, Н. Schuster-Sewc.</i> Sorbische Sprachdenkmäler XVI—XVIII Jahrhundert	111

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1968 г.	112
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в конце 1968 — начале 1969 г.	117
Содержание иностранных журналов	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

На VI Международном съезде славистов

<i>В. Грачев, А. Рогов.</i> Проблемы средневековой истории славянских стран	127
<i>Л. С. Кишкин.</i> Вопросы сравнительного литературоведения	130
<i>С. Никольский.</i> Проблематика литературных жанров	133

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР

<i>Г. П. Клепикова, Т. П. Блинова.</i> Защита диссертаций	135
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. ВЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕР,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРГОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

ЭУГЕНИУШ КУШКО

ЛЕНИН И ПОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Имя Владимира Ильича Ленина неразрывно связано с историей польского революционного рабочего движения. В. И. Ленин очень внимательно следил за развитием событий на польской земле. В его сочинениях много раз затрагивается сложная политическая и историческая проблема — польского национально-освободительного движения и борьбы польского рабочего класса за национальное и социальное освобождение.

Ленин посвятил, как известно, очень много места в своих теоретических трудах полемике с Розой Люксембург, видной деятельницей польской социал-демократической партии. Это произошло не только потому, что значительная часть польских земель входила в состав царской империи, а польская социал-демократическая партия с IV съезда РСДРП была автономной частью российской социал-демократии. Факты убедительно говорят о том, что Ленин уделял Польше и ее революционному движению большое внимание также потому, что польский национальный вопрос имел существенное значение для глубокой и всесторонней теоретической и политической разработки национального вопроса вообще и отношения рабочего класса к национально-освободительному движению в частности.

Начиналась новая эпоха в развитии капитализма — эпоха монополистического капитала — империализма. Феодално-монархическое угнетение народов стало переплетаться и соединяться с буржуазно-империалистическим порабощением. Буржуазия Западной Европы, выступавшая раньше в качестве борца за национальное освобождение, стала теперь главной силой, угнетающей и порабощающей слабые и отсталые народы мира. В. И. Ленин видел громадное революционное значение борьбы угнетенных народов за свое освобождение в период империализма.

Национальный вопрос все больше привлекал внимание социалистического движения. Российская революционная социал-демократия, развивая марксистское учение, последовательно боролась против всяких проявлений национализма и национального нигилизма. Оппортунистическое крыло II Интернационала прокламировало идею национально-культурной автономии. Исходя из этой идеи, Бунд требовал монополии в политическом представительстве еврейского трудового населения. Сильные националистические тенденции выражала в Польше партия правых социалистов — ППС, отрицавшая решающую для освобождения Польши связь польского национально-освободительного движения с борьбой за победу революции в России. Против этих тенденций выступила польская революционная социал-демократия (СДКПиЛ), полагая, однако, что при капитализме национальная свобода малых народов невозможна, а при социализме — национальный вопрос теряет свое значение. Возражая против ленинского

положения о праве наций на самоопределение, делегация СДКПиЛ покинула II съезд РСДРП.

Национально-освободительное движение в Польше, начиная с конца XVIII в. вплоть до 1863—1864 гг., имело своеобразный классовый характер. Во главе его находилась передовая часть шляхты, и прежде всего наиболее пауперизированная прослойка шляхты, которая очень охотно принимала буржуазно-демократические лозунги и программы, так как не видела для себя никаких перспектив в условиях феодального строя. Буржуазия, вначале весьма слабая, не играла самостоятельной роли и блокировалась с шляхтой, а затем, несколько укрепившись, заинтересованная в рынках стран, разделивших Речь Посполитую, по существу отказалась от борьбы за национальную независимость. Основная сила, от которой в XIX в. зависела судьба польского освободительного движения, — крестьянство не могло быть полностью вовлечено в национально-освободительное движение, так как питало, и не без основания, глубокое недоверие ко всей шляхте, не исключая шляхетских революционеров.

Шляхетские революционеры-демократы боялись аграрной революции, добивались передачи крестьянам в собственность лишь крестьянской наделенной земли. Фольварочная земля должна была остаться в руках помещиков. Шляхетские революционеры опасались, что аграрная революция отбросит большинство шляхты в сторону царизма и, тем самым, воспрепятствует созданию единого национального фронта. Они осуждали помещичью шляхту, пугали ее народным гневом, но не в состоянии были решиться на окончательный разрыв с большинством собственного класса. Но особенность польского национального вопроса не ограничивалась только своеобразием упомянутого соотношения классовых сил. Большое значение имел и духовный облик этого движения и весь политический климат тогдашней Польши.

«Нет ни малейшего сомнения, — писал В. И. Ленин, — что стоящие против самоопределения голландские и польские марксисты принадлежат к лучшим революционным и интернационалистским элементам международной социал-демократии. Как же это *может* быть, что их теоретические рассуждения представляют из себя, как мы видели, сплошную сеть ошибок? ни одного правильного общего рассуждения, ничего, кроме „империалистского экономизма“!

Дело объясняется вовсе не особо дурными субъективными качествами голландско-польских товарищей, а *особыми* объективными условиями их стран. Обе страны 1) маленькие и беспомощные в современной „системе“ великих держав; 2) обе географически расположены между наиболее остро соперничающими империалистскими хищниками гигантской силы (Англия и Германия; Германия и Россия); 3) в обеих страшно сильны воспоминания и традиции тех времен, когда обе были *сами* „великодержавными“: Голландия была более сильной, чем Англия, колониальной великой державой; Польша была более культурной и более сильной великой державой, чем Россия и Пруссия; 4) обе сохранили до сих пор привилегии, состоящие в угнетении чужих народов: голландский буржуа владеет богатейшей Голландской Индией; польский помещик угнетает украинского и белорусского „хлопа“, польский буржуа — еврея и т. п.

Такого своеобразия, которое состоит в сочетании этих четырех особых условий, вы не найдете в положении Ирландии, Португалии (она была одно время аннексией Испании), Эльзаса, Норвегии, Финляндии, Украины, края латышского, белорусского и многих других. И вот в этом-то своеобразии *вся суть дела!*»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 45—46.

Если народ, который имел раньше большое государство, терял свободу, то это порождало особые настроения среди этого народа. На такой почве национализм особенно быстро простирал свое влияние на широкие массы. Вот, например, в Польше исключительной популярностью уже много десятилетий пользуются исторические романы знаменитого писателя Генрика Сенкевича. Они, конечно, прекрасно написаны, имеют большую художественно-литературную ценность. Но их популярность — это не только результат писательского таланта Сенкевича. Во время национального угнетения читали и любили Сенкевича прежде всего за то, что он с прекраснейшим литературным мастерством показывал Польшу, занимавшую видное место в Европе, охватывавшую громадную территорию и имевшую храброе рыцарство. И несмотря на то, что как раз тот период, который охватывают романы Сенкевича, являлся началом упадка Польши, увлечение читателя не уменьшалось, ибо было показано величие его государства в историческом прошлом.

Чтобы понять особенность польского национального движения и его взаимоотношения с рабочим движением, необходимо учитывать два основных момента: своеобразное соотношение классовых сил в этом движении и не менее своеобразную его духовную атмосферу.

С самого начала своего существования польское рабочее движение натолкнулось на национальный вопрос и споткнулось на нем. Правое крыло этого движения — ППС — пыталось возглавить национально-освободительную борьбу. Но для того чтобы руководить национально-освободительным движением, необходимо было дать ему оценку с пролетарской точки зрения и тесно связать его с интересами рабочего класса. Но правые социалисты, недооценивавшие или игнорировавшие классовый аспект движения, не могли это сделать. Восприняв положительные и отрицательные традиции национального движения (оно имело сильные шляхетские традиции и недостаточно критически относилось к порокам прошлого), ППС стремилась продолжать их в новой обстановке, когда существенно изменились характер и роль этого движения. В результате на первый план выдвигались отрицательные тенденции, и ППС все более переходила на националистические позиции.

В отличие от ППС левое крыло польского рабочего движения — СДКПиЛ — из-за отрицательных сторон национального движения не оценило по достоинству прогрессивного революционного характера борьбы за национальное освобождение. СДКПиЛ недооценивала значение национального вопроса и уклонялась от борьбы за руководство национальным движением, рассматривая ее как недостойное пролетарской партии дело.

Вместе с тем СДКПиЛ была наиболее революционной силой народа, она решительно боролась против царского самодержавия и германской оккупации (1915—1918), за братский, интернациональный союз с русским пролетариатом. Все это оказывало существенное влияние на национально-освободительную борьбу пролетариата, содействовало ее успешному развитию.

Борьба с национализмом в Польше требовала, прежде всего, революционного пролетарского руководства национально-освободительным движением народа. Ведь на протяжении десятилетий одним из существенных моментов, способствующих прочному сохранению националистических тенденций среди мелкой буржуазии, крестьянства и интеллигенции, было отсутствие марксистско-ленинского руководства национальными стремлениями польского народа. Когда СДКПиЛ отказалась от руководства этим движением как «утопичным», руководить им стали мелкобуржуазные националистические партии, которые смогли создать себе массовую базу в стране и иногда небезуспешно пытались проводить политику изоляции революционного пролетариата.

Но ленинское учение постепенно и неуклонно прокладывало себе путь среди польских марксистов. Когда-то Ленин сказал, что Россия марксизм не только изучила, но и выстрадала. Подобное было и в польском рабочем движении в отношении национального вопроса. Польское рабочее движение не только овладевало ленинским учением по национальному вопросу, но поистине выстрадало его на протяжении долгих исторических испытаний.

Ленин указывал, что самое важное в национальном вопросе для пролетариата и борьбы за социализм — интернациональная братская дружба и классовая солидарность пролетариата всех народов. Поэтому необходимо прежде всего устранить все то, что мешает классовой солидарности пролетариев разных народов, больших и малых, более развитых и отсталых, угнетающих и угнетенных. Даже если бы в единичных случаях в данный период практически было невозможно осуществить полное самоопределение национальности вплоть до ее отделения, необходимо последовательно бороться за это право, ибо только на этом пути может создаться полное взаимное доверие пролетариев разных народов. Нужно бороться за это право, даже если бы на следующий день после отделения по тем или иным причинам произошло добровольное объединение этих народов. В этом заключается глубокая внутренняя связь интернационализма и национального освобождения. Залогом свободы Польши было взаимное доверие польских и русских пролетариев.

В новой обстановке, когда судьба польского национального освобождения зависела прежде всего от победы русской революции, лозунг независимости Польши, как задача актуальной борьбы, не мог выдвигаться на первый план.

«Ставить лозунг независимости Польши, — указывал Ленин, — *теперь*, в обстановке *данного* соотношения империалистских *соседних* держав, значит действительно гоняться за утопией, впадать в узкий национализм, забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революции... Все это очень *верно против* лозунга независимости Польши *теперь*, ибо даже революция в одной Польше ничего бы тут не изменила, а внимание польских масс отвлечено было бы от *главного*: от связи их борьбы с борьбой русского и немецкого пролетариата.

Но те же самые аргументы, верные с точки зрения *особых* условий Польши в *данную* эпоху, явно неверны в той *общей* форме, которая им придана»².

В таких условиях выдвижение этого лозунга вело бы к отрыву освободительной борьбы польского народа от русского революционного движения, обрекало бы ее на неудачу. Но тогдашние польские марксисты совершали большую ошибку, когда из этого делали вывод, что лозунг независимости Польши вообще потерял свою актуальность на все времена.

Ленин был глубоко прав, утверждая, что независимость Польши возможна и реальна только после победы революции в России.

Война между Германией и царской Россией привела в 1916 г. к созданию «польского государства». Но какое это было государство, какая это была независимость Польши, когда вся власть находилась в руках германского генерал-губернатора фон Безелера! Рухнула тогда вся концепция правых социалистов, утверждавших, что надо ожидать освобождения Польши от победы Германии и Австро-Венгрии над русским царизмом. Следуя ей, Пилсудский организовал в 1914 г. польские легионы, участвовавшие на стороне Германии и Австрии в мировой войне. Германские протекторы рассматривали его как орудие, но вскоре он оказался ненужным. Ворота тюрьмы ему открыла именно революция в Германии, связанная с револю-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 48—49.

цией в России, которую он презирал и от которой желал отделить Польшу барьером национализма и русофобии.

В ноябре 1918 г. польский народ получил возможность создать свое независимое национальное государство, благодаря тому, что на русской земле победило дело Ленина, победила пролетарская революция.

История доказала, что независимая Польша — это не мелкобуржуазная утопия польского романтизма, а настоящая историческая реальность.

«В результате Великой Октябрьской социалистической революции в России, — говорил В. Гомулка, — в результате военного поражения центральных держав в первой мировой войне и революции в Германии и Австро-Венгрии возникли условия, в которых смогло возродиться независимое польское государство. Было много причин для того, что власть в Польше, возрожденной в ноябре 1918 г., оказалась в руках буржуазии и помещиков, что II Речь Посполитая сложилась как буржуазное государство. Политические силы, которые в этом государстве взяли власть в свои руки, не сумели сделать выводов из уроков истории, из упадка шляхетской Речи Посполитой и неволи после разделов. Идя навстречу интересам магнатов восточных районов Польши, они продолжали тащить Польшу на пагубный путь экспансии на востоке и интервенции против революционной России, создавали многонациональное, основанное на угнетении других национальностей государство, пренебрегая защитой жизненных интересов страны на западе»³.

Коммунистическая партия Польши, созданная в декабре 1918 г. в результате объединения СДКПиЛ и ППС-левицы постепенно приходила к правильному пониманию того, как следует бороться с польской реакцией и оппортунистами в рабочем движении в условиях существования независимой Польши.

Можно и надо было уже в 1918 г. бороться против буржуазной Польши за независимую народную Польшу. Буржуазно-помещичье государство не улучшило жизненные условия широких масс населения. Но так велико было стремление народа к независимости своей страны, что даже в тяжелых условиях инфляции и большой безработицы парламентские выборы в 1919 и 1920 годах выигрывали те партии, которые умело играли на национальных чувствах народа. Демагогия национальная оказалась более эффективной, чем правосоциалистическая. Национальные стремления и чувства выдвигались на первое место, несмотря на то, что все более усиливалось недовольство масс капиталистическими порядками в стране, которое в ноябре 1923 г. переросло в Краковское восстание. Даже правые социалисты, которые много говорили о независимости Польши, не получали столько мест в сейме, сколько ярые реакционные националисты, сумевшие переиграть всех в национальной демагогии.

Политика правящих кругов Польши с самого начала находилась в резком противоречии с интересами подлинной независимости страны. Независимость Польши требовала освобождения страны от ига иностранного капитала, правительство, напротив, содействовало усилению позиций иностранных капиталистов. Независимость страны требовала быстрой ликвидации экономической отсталости, буржуазные же правители по существу закрепляли эту отсталость. Независимость Польши требовала установления добрососедских, дружественных отношений с Советским Союзом, буржуазно-помещичье правительство, напротив, проводило антисоветскую политику, несмотря на возрастающую угрозу Польше со стороны германских империалистов.

³ «Trybuna Ludu». 22 VII 1966.

События межвоенных лет во весь рост поставили перед польскими коммунистами вопрос борьбы с национализмом путем умелого сочетания социальных, классовых и национальных устремлений народа и защиты национальной независимости, поставили задачу овладения ленинским учением. КПП много сделала для преодоления ошибок в национальном вопросе. На II съезде в 1923 г. она приняла ленинскую программу по национальному и крестьянскому вопросам. Хотя на ее дальнейшей деятельности в той или иной мере сказывались прежние представления, польские коммунисты шли в первых рядах борьбы за независимость своей страны, за демократическую, социалистическую Польшу.

Ленинское учение, а особенно постановка и анализ польского национального вопроса имели исключительно большое значение для польского рабочего движения, оказали неоценимую помощь польскому народу. Полное овладение ленинским учением Польской рабочей партией в годы партизанской борьбы с гитлеровцами позволило преодолеть многие затруднения, стоявшие на пути освободительного движения польского народа, и добиться столь важных успехов в классовой и национально-освободительной борьбе, воплощением которых является народная Польша, успешно строящая социализм под руководством своей марксистско-ленинской Польской объединенной рабочей партии.

Когда великий Советский Союз вместе с другими социалистическими странами и всем передовым человечеством будет торжественно отмечать столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, мысли и чувства польского рабочего класса, польского народа еще раз сольются в единое целое с мыслями и чувствами всех советских людей, выражая любовь к лучшему другу и учителю польского революционного коммунистического движения.

В. Д. КОРОЛЮК

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА В ПОЛЬШЕ И ЧЕХОСЛОВАКИИ В ГРАВЮРАХ К. С. КОЗЛОВСКОГО

Два года в самый канун первой мировой войны прожил В. И. Ленин в Польше. Пребывание в братской славянской стране было связано с важными событиями в жизни Владимира Ильича. Переезд в 1912 г. из Парижа в Краков обуславливался нарастанием нового революционного подъема в России. Поселившись в Кракове (весной 1913 г. В. И. Ленин временно выехал в Поронино, в деревушку Белый Дунаец), вблизи от русской границы, Владимир Ильич получил возможность непосредственно и оперативно направлять революционную деятельность большевиков. Отсюда им осуществлялось руководство деятельностью центрального партийного органа — «Правды» и большевиков — депутатов Государственной думы. В течение двух лет, проведенных В. И. Лениным в Польше, в Кракове и Поронино состоялись два совещания с партийными работниками, три совещания с членами Центрального Комитета партии, совещание с депутатами Государственной думы — большевиками и совещание Центрального Комитета с представителями думской большевистской фракции. Возглавляемый В. И. Лениным Центральный Комитет поддерживал в эти годы, как показывают опубликованные материалы ¹, связи с сотней населенных пунктов Российской империи от Петербурга и Москвы до Ташкента, Иркутска и Владивостока. Одновременно велась огромная работа по мобилизации революционных сил за пределами России.

Внимательно следя за развитием революционных событий в России, В. И. Ленин твердо верил в неизбежность социальной революции, готовил к ней партию, в процессе превращения которой в пролетарскую партию нового типа столь важным переломным этапом была Пражская конференция РСДРП 1912 г. «Мы стоим на пороге новой эры», — говорил Ленин в Кракове.

Жизнь в Кракове и Поронино сблизила Ленина с польским обществом, позволила лучше разобраться в польском революционном движении. В Кракове Владимир Ильич дважды выступал с докладами перед польской аудиторией: в апреле 1913 г. на тему «Современная Россия и рабочее движение» и в марте 1914 г. — «Российская социал-демократия и национальный вопрос».

* * *

Польские годы В. И. Ленина, как и памятные ленинские места в Праге, неоднократно привлекали к себе внимание советских художников. Приближающееся столетие со дня рождения вождя Октябрьской революции ес-

¹ В. И а й д у с. Ленин в Польше. М., 1957; Ю. С е р а д с к и й. Польские годы Ленина. М., 1963 (см. карту, показывающую связи ЦК РСДРП с партийными организациями России в 1912—1914 гг., на стр. 32—33).

тественно побудило многих советских графиков и живописцев сосредоточиться на освещении биографии В. И. Ленина средствами изобразительного искусства. В числе этих художников следует назвать и имя известного украинского графика К. С. Козловского.

В ветхом, деревянном домике на окраине Киева, с которым связана вся жизнь мастера, им только что закончена большая серия гравюр на дереве. Она посвящена ленинским местам. Подготавливая свою серию к столетию со дня рождения вождя Октябрьской революции, К. С. Козловский изучил огромный иллюстративный и литературный материал. Работе над гравюрами предшествовала многолетняя подготовительная работа, множество рисунков и композиционных проб. Художник отдавал себе отчет в том, что выступает не только в качестве мастера пейзажного и архитектурного эстампа, но и в ответственной роли историка, работающего над художественной биографией В. И. Ленина. Он стремился совместить в серии гравюры, связанные с личной жизнью Владимира Ильича, с ксилографическими листами, характеризующими обстановку, в которой происходили важные, переломные события в истории КПСС, памятные места, ставшие символом развития и утверждения ленинизма.

Всего в серии 120 листов. Из них десять посвящены ленинским местам в Польше и два — в Чехословакии.

Нужно сказать, что Константин Степанович Козловский — один из самых популярных и плодовитых украинских графиков — оказался хорошо подготовленным к этой работе. Ученик А. Усачева, И. Плещинского и В. Касияна, он после окончания в 1931 г. полиграфического факультета Киевского художественного института очень быстро нашел свой собственный творческий путь художника-реалиста, мастера станковой гравюры и книжной иллюстрации. Испробовав свои силы в литографии, линогравюре и офорте, К. С. Козловский выбрал, однако, трудное ремесло ксилографа. С 1933 г. им было исполнено большое число станковых ксилографий, в которых он показал себя мастером батального жанра и архитектурного пейзажа (серия «Лермонтовские места») и своеобразным портретистом (портреты русских и иностранных писателей, композиторов и артистов). Нарезанные им иллюстрации к произведениям русской и европейской классики, к сочинениям советских поэтов показали, что в украинское искусство книжной графики вошел новый, оригинальный и темпераментный художник книги. Главной темой ксилографических композиций художника оставалась всегда Украина, ее природа, история и люди. Лирическим образом родной украинской природы, памятным местам, связанным с жизнью и творчеством Тараса Шевченко, посвящены лучшие станковые гравюры на дереве К. С. Козловского. Иллюстрации к произведениям Т. Шевченко, к стихам современных украинских поэтов М. Рыльского, В. Сосюры и др. занимают особое место в его книжном творчестве.

Значителен интерес художника к польской жизни и культуре. Особенно близким украинскому художнику, поклоннику великого Кобзаря, оказался польский романтизм XIX в., о чем свидетельствуют его иллюстрации к произведениям А. Мицкевича. К. С. Козловским был нарезан выразительный портрет польского поэта, а также портрет Ф. Шопена. В дальнейшем сюжеты из польской истории стали появляться и в экслибрисных работах художника, с конца 50-х годов ставших очень важной частью его гравюрного творчества (Козловским исполнено около 500 книжных знаков). Повидимому, не случайно польская тематика нашла широкое отражение и в самой крупной ксилографической серии работ художника, над которой он трудился последние годы и о которой сейчас идет речь.

» Выбор тем для польских и чешских эстампов ленинской серии определялся ее общими установками. Особенно подробно охарактеризованы в

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Все эти эстампы выполнены в характерном для творческого почерка Козловского плане. Хороший рисовальщик, владеющий трудным искусством композиции гравюры, он и здесь заявил себя не только опытным мастером ксилографии, но прежде всего темпераментным и ярким художником, от природы наделенным большими артистическими задатками. Его творческому почерку свойственно большое разнообразие изобразительных приемов. Если в одних работах он пользуется приемами традиционной тоновой гравюры, строя изображение на плавном чередовании штрихов и линий,

эстампах ленинские места в Польше. В польскую часть серии входят гравюры: «Поромино. У подножия польских Татр», «Рынок старого Кракова. Место прогулок В. И. Ленина и Н. К. Крупской. 1912 г.» (рис. 1, все гравюры публикуются в уменьшенном виде), «Белый Дунаец», «Поромино. Общий вид. 1913 г.», «Краков. Дом, в котором жил В. И. Ленин в 1912—1913 гг.» (рис. 2), «Краков. Вольский лес. Любимое место прогулок В. И. Ленина. 1912—1913 гг.» (рис. 3), «Поромино. Дом, где происходило летнее совещание ЦК РСДРП. 1913 г.» (рис. 4), «Пансионат Гуты Мостового. 1913 г.», «Белый Дунаец. Дом, где жил В. И. Ленин в 1913—1914 гг.» (рис. 5). Завершается польская часть серии гравюрой «Краковский музей В. И. Ленина».

Два эстампа посвящены Праге: «Старая Прага. Здесь бывал Ленин в 1901 и 1912 гг.», «Прага. Дом, где в 1912 г. состоялась Пражская конференция большевиков» (рис. 6).

Рис. 5

на их серебристых переходах, то в других — изображение komponуется преимущественно на контрастных противопоставлениях черных и светлых пятен, на взаимодействии острой штриховки и крупных черных масс. Лирическая напевность штрихов и линий сочетается в его работах с обращением к смелому, напряженному, иногда подчеркнuto взволнованному штриховому рисунку. Очень часто различные приемы, идущие от тоновой гравюры и от свободного рисунка пером и кистью, естественно совмещаются в одной работе, придавая ей особую, типично украинскую певучесть в сочетании с документальной точностью изображения. Именно этой особенностью отличаются публикуемые гравюры серии. Документализм изображения, являясь характерной чертой творческого метода графика, очень показателен и для этих его последних работ. Но это — документальность «красноречивая», опоэтизированная взволнованным настроением художника. Оригинальность и богатство графического почерка К. С. Козловского, сила его художественного документализма, придающего его работам особый оттенок подлинности, близость к традициям русской реалистической графики позволяют считать художественно-документальные гравюры ленинской серии К. С. Козловского заметным явлением в советской художественной Лениниане.

В свои шестьдесят четыре года (он родился 21 мая 1905 г. в Киеве) К. С. Козловский работает увлеченно и неистово, словно молодой художник, еще только пробивающий свою дорогу в искусстве. Об этом свидетельствуют и работы, публикации которых предпосланы эти строки.

Рис. 6

Г. М. СЛАВИН

СОВЕТСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И АНТИФАШИСТСКОЕ ВЕЧЕ НАРОДНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЮГОСЛАВИИ

На гербе Социалистической Федеративной Республики Югославии запечатлена дата — 29 ноября 1943 г. В этот день более четверти века назад был заложен фундамент новой Югославии. Таким фундаментом явились решения Второй сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), собравшегося 29 ноября 1943 г. в старинном боснийском городке Яйце. Сессия постановила на время освободительной войны преобразовать Антифашистское вече народного освобождения Югославии в верховный представительный, законодательный и исполнительный орган. Одновременно был образован Национальный комитет освобождения Югославии — высший исполнительный и административный орган власти.

Решением сессии АВНОЮ эмигрантское правительство лишалось всех прав, а королю Петру II Карагеоргиевичу запрещалось возвращение в страну до окончания войны. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках Национального комитета освобождения — первого народного правительства Югославии.

Вторая сессия АВНОЮ осуществила давнюю мечту народов Югославии о национальном равноправии — она приняла решение о строительстве нового государства на федеративной основе, обеспечивающей равные права народам Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

Ныне ясно видно, какое огромное значение имели решения Второй сессии Антифашистского вече для народов Югославии. Они ознаменовали победу народной революции и предопределили дальнейшее развитие Югославии по социалистическому пути. Недаром в гербе югославского государства значится именно эта дата — 29 ноября 1943 г.

Но то, что ясно видно сейчас, труднее было оценить по достоинству 25 лет назад. Ведь историческое событие в маленьком боснийском городке в горах Югославии произошло в разгар второй мировой войны... И тем не менее советские люди сумели разглядеть зарю новой Югославии. С первых дней Великой Отечественной войны Советского Союза народы СССР и Югославии находились в одном боевом строю. И хотя они были отделены друг от друга огневой линией фронтов, их объединяла общая ненависть к фашистским поработителям и обоюдное стремление к победе над врагом. Поэтому все, что происходило в Советском Союзе, встречало отклик в сражающейся Югославии, а советские люди, в свою очередь, с живейшим интересом и симпатией следили за героической борьбой югославских народов, что нашло отражение на страницах советских газет и журналов, в

передачах советского радио. Можно без преувеличения сказать, что советская печать стала своеобразной летописью освободительной войны в Югославии. Она запечатлела не только важнейшие события этой войны, но и такие драгоценные для историка детали, которые дают возможность воочию представить и героизм народов Югославии и те огромные жертвы, которые они принесли на алтарь победы.

При этом советская пресса и радио не были бесстрастными летописцами. Они выражали горячее чувство искренней дружбы и боевого товарищества, которое питали советские люди к своим югославским братьям по оружию.

Таким чувством проникнуты все комментарии, статьи, сообщения о событиях в Югославии, о борьбе ее народов с фашизмом, появившиеся на страницах советских газет и журналов и передававшиеся по московскому радио в годы Великой Отечественной войны.

«Партизанская борьба в Югославии» — в сообщении под таким заголовком «Правда» 6 июля 1941 г. отмечала, что «в связи с вероломным нападением германских фашистов на СССР народы Югославии усиливают свою активность против оккупационных германских войск»¹.

7 июля 1941 г. в Сербии началось вооруженное восстание, организованное и руководимое коммунистической партией, вскоре охватившее всю Югославию. Уже 8 июля Советское Информбюро, к сводкам которого прислушивался весь мир, передало сообщение о массовых выступлениях против германского фашизма в поработочной Гитлером Югославии². Отмечая солидарность югославских трудящихся с советским народом, развертывавшим борьбу против общего врага, Советское Информбюро в своих сводках с уверенностью утверждало, что сопротивление народов Югославии фашистским оккупантам будет неуклонно усиливаться. Так, например, в сообщении от 10 октября 1941 г. говорилось: «Антифашистское движение в городах и селах оккупированной Югославии ширится с каждым днем. Крупные партизанские отряды югославских патриотов осаждают города, занятые немцами, и нападают на военные объекты германских войск»³.

Советская пресса, систематически освещая героическую борьбу народов Югославии, показывала, как постепенно вооруженные выступления в Сербии, Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Словении и Македонии перерастали во всенародную освободительную войну против фашистских захватчиков. Народы Югославии сумели создать новый фронт, сковавший значительные силы врага. Фашистские войска несли в стране большие потери.

«Югославия уже становится мало похожей на оккупированную страну, — писала „Правда“ 23 марта 1942 г. — Она все больше превращается в страну, ведущую борьбу с противником.

Своей беззаветной храброй борьбой за освобождение родины от чужеземного фашистского ига югославские патриоты поставили себя на первое место среди других народов поработочной Европы, поднимающихся против германского фашизма»⁴.

Отмечая большие успехи народов Югославии в освободительной войне, советская печать указывала на значение боевого опыта югославских партизан для других поработочных народов Европы. В упомянутой выше статье «Правды» говорилось, что своей борьбой югославский народ дал ответ на вопрос: возможна ли партизанская война в современных услови-

¹ «Правда», 6 VII 1941.

² «Известия», 9 VII 1941.

³ «Правда», 11 X 1941.

⁴ «Правда», 23 III 1942.

ях? Можно ли братья за оружие и действовать партизанскими методами против механизированной армии, поработившей Европу? Патриоты Югославии, — писала «Правда», — героическим делом своим показали, что можно не только бороться, но и побеждать ненавистных поработителей.

В конце 1942 г. в Москве была издана большим тиражом брошюра Б. Н. Пономарева «Народы Европы против Гитлера». Автор отдал должное героической борьбе югославских партизан, подчеркнув, что «Югославия идет в первом ряду антигитлеровского фронта народов оккупированных стран».

Обобщая практику партизанского движения в Югославии, Б. Н. Пономарев делал следующие выводы. Во-первых, партизаны ведут наступательные действия во многих районах страны. Наступательная тактика партизан Югославии является залогом их успеха в национально-освободительной борьбе. Во-вторых, партизанское движение приобретает все больший размах. Основная масса партизан состоит из крестьян, рабочих, молодежи всех сословий. В-третьих, партизанское движение охватило всю страну. Если под давлением противника партизанам приходится отступать в одних районах, партизанское движение усиливается в других. В-четвертых, во главе партизанского движения стоят умелые руководители и командиры, о чем говорит организованность движения. «Все это свидетельствует о большой жизненной силе партизанского движения в Югославии и его глубоких корнях в народных массах»⁵, — писал в заключение Б. Н. Пономарев.

Оценку положения в Югославии с точки зрения международного рабочего и коммунистического движения советские люди могли найти на страницах выходившего в Москве журнала «Коммунистический Интернационал» — органа Исполнительного Комитета Коминтерна.

В июле 1942 г. под рубрикой «Единый антифашистский фронт народов» журнал писал: «Югославская партизанская армия бьется против целого сонма вооруженных до зубов врагов... Она защищает родную землю, освобождая города и целые провинции от ненавистных фашистских захватчиков»⁶.

В 1941—1942 гг. в Москве, Куйбышеве, Фрунзе и других городах Советского Союза вышло несколько брошюр, полностью или частично посвященных самоотверженной борьбе народов Югославии против фашизма. Среди них: «Гитлеризм — злейший враг балканских народов» Д. Влахова, «Югославия в огне партизанской войны» Б. Пономарева, аналогично озаглавленная брошюра И. Влаховича, сборник статей «Европа в борьбе против Гитлера» и другие. Каждая из них высоко оценивала вклад народов Югославии в дело разгрома фашизма, была свидетельством братского отношения народов СССР к югославским союзникам.

С большим докладом об отношении советской общественности к народно-освободительной войне в Югославии в 1941—1942 гг., до возникновения АВНОЮ, выступил В. В. Зеленин на научной конференции в Бихаче в октябре 1966 г., посвященной историческому значению Первой сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии⁷.

В данной статье автор характеризует отношение советской общественности к Антифашистскому веху, особенно к решениям Второй сессии АВНОЮ, сыгравшим выдающуюся роль в создании социалистической Югославии.

1943 год был годом и тяжелых испытаний для народов Югославии и новых успехов в освободительной войне против фашистских захватчиков.

⁵ Б. Н. Пономарев. Народы Европы против Гитлера. М., 1942, стр. 21.

⁶ «Коммунистический Интернационал», 1942, № 7, стр. 60.

⁷ См. «Prvo zasjedanje AVNOJ-a». Zbornik radova naučnog skupa. Bihać. 1966, с. 27.

Уже к концу 1942 г. руководимая Коммунистической партией Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) имела 38 бригад; началось формирование дивизий и корпусов. Наряду с регулярным народным войском во всех краях страны продолжали действовать партизанские отряды. Народно-освободительной армией командовал Иосип Броз Тито — Генеральный секретарь КПЮ.

НОАЮ и партизанские отряды к началу 1943 г. очистили от врага значительные территории Югославии. Повсюду в освобожденных, а также в оккупированных районах создавались народно-освободительные комитеты. Это были органы новой, народной власти. В их функции входили: всесторонняя помощь Народно-освободительной армии, обеспечение революционного порядка в ее тылу, руководство всей политической, экономической и культурной жизнью в освобожденных районах. Работу народно-освободительных комитетов направлял Исполнительный комитет Антифашистского вече народного освобождения Югославии. Подводя итог годичной деятельности АВНОЮ, радиостанция «Слободна Югославия», находившаяся на территории СССР, 26 ноября 1943 г. отмечала, что Вече с честью выполнило свои главные задачи.

Советская общественность была информирована о задачах и деятельности Антифашистского вече. Сообщая об учреждении АВНОЮ, журнал «Славяне», издаваемый Всеславянским комитетом, писал, что в этом акте участвовали видные политические и общественные деятели, бывшие сенаторы и депутаты, рабочие и крестьяне, представительницы Антифашистского фронта женщин. «Тысячи людей пришли приветствовать своих героических народных представителей, решительно поднявшихся на борьбу с кровавым фашизмом и его наймитами»⁸, — говорилось в сообщении о Первой сессии АВНОЮ. В том же номере журнала подчеркивалось, что на освобожденной территории Югославии «управляет сам народ», что Исполнительный комитет АВНОЮ будет заниматься всеми вопросами общественной жизни и фронта, причем ему будут помогать народно-освободительные комитеты.

Следующий номер журнала «Славяне» содержал новую информацию о всенародной вооруженной борьбе против оккупантов в Югославии, об успехах Народно-освободительной армии, сообщение о работе Исполнительного комитета АВНОЮ⁹.

Журнал «Коммунистический Интернационал» в конце 1942 г. писал о положении в Югославии: события в ноябре и декабре отчетливо показали, что силы национально-освободительного партизанского движения растут, несмотря на трудности борьбы с оккупантами и непрекращающиеся козни их прислужников. Говоря о решениях Антифашистского вече народного освобождения, журнал отмечал, что в них дана высокая оценка партизанской армии, боровшейся за освобождение страны. Орган Исполкома Коминтерна указывал, что благодаря своим победам югославская Народно-освободительная армия «выросла в фактор международного значения»¹⁰.

Большое внимание событиям в Югославии уделял журнал «Война и рабочий класс», который стал выходить в 1943 г. На его страницах широко освещались злободневные вопросы международной жизни и внешней политики государств — участников войны. Журнал также систематически информировал советскую общественность о ходе и характере освободительной борьбы народов против фашистских поработителей.

Касаясь деятельности АВНОЮ, журнал «Война и рабочий класс» отмечал, что в своей программе Антифашистское вече заявило о решимости

⁸ «Славяне», 1943, № 1, стр. 55.

⁹ «Славяне», 1943, № 2, стр. 10.

¹⁰ «Коммунистический Интернационал», 1942, № 12, стр. 61.

добиваться дальнейшего сплочения всех народов Югославии с целью их освобождения и создания условий для достижения полной свободы и равноправия. «Антифашистское вече, провозгласившее равенство национальностей, населяющих Югославию, предоставившее политические свободы народу, осуществляло это и на практике»¹¹, — отмечал журнал.

Уже на своей первой сессии в ноябре 1942 г. в Бихаче Антифашистское вече народного освобождения Югославии осудило предательскую деятельность Дражи Михайловича — главаря четнических отрядов, сотрудничавших с оккупантами. Четники помогали немецким и итальянским фашистам бороться с партизанами. Нанося удары народно-освободительным войскам, они стремились не допустить развития народной революции, угрожавшей интересам югославской буржуазии. Генерал Михайлович был не только главарем четнических отрядов, но и военным министром югославского эмигрантского правительства. Это оторванное от народа правительство рассчитывало, опираясь на отряды Михайловича, восстановить в Югославии после войны старые монархические порядки.

Руководители эмигрантского правительства всячески превозносили Михайловича и с помощью англо-американской прессы создали легенду о нем, как о «народном герое» и «борце против фашизма».

Советская общественность и печать разоблачали коллаборациониста Михайловича и его четников. Так, например, еще в августе 1942 г. официальный орган — бюллетень советского посольства в Лондоне — опубликовал сообщение, в котором говорилось, что Дража Михайлович и его четники не только не ведут борьбу против оккупантов, но наоборот, сотрудничают с ними, в частности, охраняют от партизан железные дороги¹².

Журнал «Война и рабочий класс» в августе 1943 г. дал политическую оценку позиции Михайловича, «ведущего борьбу не против немецко-фашистских оккупантов, а против Народно-освободительной армии югославских патриотов». В статье о национально-освободительной борьбе указывалось, что генерал Михайлович и поддерживавшие его политиканствующие группы пытаются «сберечь свои силы до того дня, когда они могут понадобиться для поддержания «порядка» в стране против «анархии и хаоса», якобы неизбежных в случае изгнания немецко-итальянских оккупантов. После уроков, данных миру разными Кавеньяками, — писал журнал «Война и рабочий класс», — нетрудно догадаться, о какой «защите порядка» мечтают Михайловичи, глядящие в современные Кавеньяки...»¹³.

Широкою и всестороннюю информацию о ходе освободительной войны в Югославии, мероприятиях Исполнительного комитета Антифашистского веча, происках лондонского эмигрантского правительства и его ставленника Михайловича советская общественность получала также благодаря деятельности Всеславянского комитета. Всеславянские митинги и пленумы, которые комитет проводил в Москве, были трибуной, с которой представители борющихся народов Югославии сообщали об успехах и трудностях своей борьбы. На страницах журнала «Славяне» с оценкой положения в Югославии выступали югославские и советские общественные деятели.

9 мая 1943 г. в Москве состоялся третий Всеславянский митинг. В нем приняли участие командиры и бойцы Красной Армии, виднейшие русские ученые, писатели, общественные деятели, представители украинского и белорусского народов, офицеры и солдаты Чехословацкой воинской части, сражавшейся на советско-германском фронте, делегации польских патриотов, представители народов Югославии. Председатель Всеславянского ко-

¹¹ «Война и рабочий класс», 1943, № 14, стр. 14.

¹² См. «Soviet war news», London, 1942, № 332.

¹³ «Война и рабочий класс», 1943, № 6, стр. 9.

митета, генерал-лейтенант Красной Армии А. С. Гундоров в своем выступлении особо отметил, что за год, минувший после второго Всеславянского митинга в Москве, «верные сыны и дочери героической Югославии создали мощную партизанскую народно-освободительную армию. В тяжелых боях с итало-немецкими оккупантами сербские, хорватские и словенские партизаны освободили тысячи родных городов и сел»¹⁴.

Известный югославский общественный деятель Велимир Влахович, выступая на Всеславянском митинге, рассказал об огромных трудностях, которые приходилось преодолевать Народно-освободительной армии, сковывавшей более 30 дивизий оккупантов и их пособников. К тому времени фашисты четыре раза пытались окружить и уничтожить освободительные войска. Месяцами длились бои. У врага были танки, самолеты, вся новейшая техника; у партизанской Народно-освободительной армии — только отнятое у врага и самодельное оружие. «Но наши героические бойцы преодолели все трудности и победили, — говорил Велимир Влахович. — Перед их глазами стоял великий пример: Россия, русский народ, легендарный Сталинград»¹⁵.

О том, как югославские партизаны весной и летом 1943 г. отбивали очередное «генеральное наступление» оккупантов и их пособников говорилось в редакционном обзоре журнала «Коммунистический Интернационал». Подводя итоги провалившегося наступления гитлеровцев, журнал писал: «Югославские партизаны снова показывают народам оккупированной фашистами Европы замечательный пример героической борьбы за национальное освобождение своей родины»¹⁶.

16—17 октября 1943 г. состоялся шестой пленум Всеславянского комитета. Борьбе югославских партизан с фашистскими оккупантами было посвящено выступление вице-председателя Всеславянского комитета югославского общественного деятеля Божидара Масларича. Он говорил о наступательных операциях Народно-освободительной армии, принявших особенно широкие размеры после капитуляции Италии. Войска НОАЮ разоружили многие итальянские гарнизоны и части, захватили их вооружение. Пленум Всеславянского комитета обратился с приветствием к генералам, офицерам и солдатам Народно-освободительной армии и югославским партизанам. Опубликованное во многих советских газетах, в том числе в «Красной звезде» — центральном органе Народного комиссариата обороны Союза ССР, — оно получило широкую известность на фронте и в тылу.

«Все свободолюбивое человечество с гордостью и радостью следит за вашей мужественной борьбой, — говорилось в приветствии югославским воинам. — Ваши успехи вдохновляют народы других поработанных Гитлером стран.

Это ваши батальоны, бригады и отряды во время самых ожесточенных боев за Москву сковывали в Западной Сербии четыре немецких мотодивизии.

Это вы во время сражений союзников в Северной Африке заставили гитлеровское командование перебросить в Центральную и Западную Боснию части и технику, предназначенные для северо-африканского театра военных действий.

Свободолюбивые народы никогда не забудут, что на протяжении двух с половиной лет героическая Народно-освободительная армия сковывала и заставляла истекать кровью более 30 фашистских дивизий»¹⁷.

¹⁴ «Известия», 11 V 1943.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Коммунистический Интернационал», 1943, № 5—6, стр. 63.

¹⁷ «Красная звезда», 19 X 1943.

Осенью 1943 г., после капитуляции Италии, народно-освободительное движение в Югославии усилилось. «Изумительную по своему героизму, всенародному характеру и воинскому умению войну ведут партизаны Югославии,— писала в начале октября 1943 г. газета „Правда“.— Падение дуче и капитуляция Италии вызвали новый подъем партизанской войны в Югославии... Героические сыны Югославии напрягают все силы, чтобы добиться скорейшего разгрома врага, и вносят значительный вклад в общее дело борьбы за освобождение Европы от гитлеровской тирании»¹⁸.

Характеризуя обстановку на Балканах, сложившуюся осенью 1943 г., газета «Красная звезда» писала, что югославские партизанские части после падения Италии укрепились на побережье и овладели почти всеми портами Далмации.

Журнал «Большевик» тогда же констатировал, что Югославия по-прежнему играет важнейшую роль в антигитлеровском сопротивлении народов Западной Европы. Ее стратегическое значение возрастало с каждым днем. Всюду отважные сыны Югославии переходили в наступление против оккупантов. «Пожалуй, ни в чем так ярко не выступают величие духа, героизм и воинское умение Народно-освободительной армии Югославии,— подчеркивал „Большевик“,— как в том факте, что все оружие и боеприпасы, которыми она третий год ведет священную антигитлеровскую войну, добыты у врага. Этим оружием отбито пять наступлений, разбит не один десяток вражеских полков и дивизий и уничтожены тысячи чужеземных врагов»¹⁹.

К концу 1943 г. освободительная армия Югославии насчитывала 300 тысяч человек. Под ее натиском оккупанты вынуждены были оставить примерно половину всей югославской территории. На освобожденной земле полноправными хозяевами становились народно-освободительные комитеты. Под руководством Исполнительного комитета Антифашистского веча развивалась и укреплялась новая система власти. Кроме местных, формировались также уездные, областные, а затем и краевые комитеты. Краевые Антифашистские веча были избраны в Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине, Черногории; в Македонии был создан инициативный комитет по созыву краевого антифашистского собрания народного освобождения.

Народная власть становилась все крепче, а позиции югославского эмигрантского правительства — все более шаткими. Трудящиеся Югославии были полны решимости не допустить восстановления власти помещиков и капиталистов — виновников национальной катастрофы Югославии в апреле 1941 г. К тому же старые правители показали себя как враги народно-освободительного движения и покровители коллаборациониста Михайловича. Становилось все более ясно, что к прошлому нет возврата, что трудящиеся, с оружием в руках выступившие против чужеземных поработителей, не позволят вновь посадить себе на шею эксплуататоров «отечественных».

Советская общественность внесла свой вклад в разоблачение поборников восстановления старого строя в Югославии. Как и в первые годы войны, советская пресса продолжала выступать против коллаборациониста Михайловича и его защитников из югославского эмигрантского правительства. Так, 17 ноября 1943 г. «Правда» и другие газеты опубликовали сообщение из Стамбула, в котором указывалось, что Михайлович развязал братоубийственную войну против партизан, что югославские крестьяне выступили против генерала Михайловича, который хочет после войны восстановить в стране диктатуру²⁰.

¹⁸ «Правда», 5 X 1943.

¹⁹ «Большевик», 1943, № 18, стр. 36.

²⁰ «Правда», 17 XI 1943.

«Облик Михайловича совершенно ясен, — говорилось в статье Б. Масла-рича и В. Влаховича, напечатанной в журнале „Славяне“ в октябре 1943 г., — Дража Михайлович всегда являлся сторонником самых реакционных режимов, какие только существовали в Югославии... Дража Михайлович почувствовал, что патриоты Югославии закладывают своей борьбой прочный фундамент будущей сильной и демократической Югославии. Такой Югославии Михайлович не хочет»²¹.

Журнал «Большевик» отмечал в сентябре 1943 г., что наряду с огромными трудностями чисто военного характера югославским партизанам приходится преодолевать немалые трудности в политической области. На протяжении двух с лишним лет войны руководство национально-освободительного движения в Югославии вынуждено вести борьбу с происками разного рода агентов Гитлера и Муссолини из местных национальностей. «Большевик» подчеркивал, что эта агентура опирается на наиболее реакционные и корыстолюбивые слои старой Югославии и получает средства и другую помощь непосредственно от оккупантов. Но, как указывал журнал, «в народной поддержке кроется важнейшее условие успеха партизанского движения в Югославии, и самые успехи, в свою очередь, свидетельствуют о том, что партизанское движение имеет глубокие корни среди широких масс»²².

Выступая от имени советской общественности, журнал «Война и рабочий класс» 15 ноября 1943 г. в передовой статье писал о важных вопросах организации государственной, экономической и культурной жизни европейских народов, в том числе югославского, которые должна была поставить на очередь дня победа над гитлеровской Германией. Журнал напоминал, что Советское правительство в этих вопросах предусматривает оказание народам Европы содействия в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями, и предоставление народам полного права и свободы решать вопрос о своем государственном устройстве.

«Советская общественность, — говорилось в статье, — отдает себе полный отчет в том, что это устройство должно явиться результатом свободного решения самих европейских народов. Но если сейчас еще нельзя сказать, какой будет Европа, то, во всяком случае, ясно, какой она не должна быть»²³. И далее снова подчеркивалось, что в обновленной Европе решающее слово должно принадлежать самим народам.

«Не может быть сомнения в том, — утверждал советский журнал, — что эти народы не захотят допустить возрождения обанкротившихся антинародных режимов...»²⁴

Справедливость этих слов вскоре подтвердили события в Югославии. Решения Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии наглядно показали всему миру, что трудящиеся Югославии твердо отстаивают свои революционные завоевания и встают на путь коренных социально-экономических преобразований.

Вся советская печать сообщила о сессии АВНОЮ в Яйце. В сообщениях указывалось, что Вече постановило образовать Национальный комитет освобождения, облеченный всеми правами и функциями временного правительства Югославии²⁵, и принять федеративный принцип строительства Югославии.

²¹ «Славяне», 1943, № 10, стр. 24.

²² «Большевик», 1943, № 18, стр. 38.

²³ «Война и рабочий класс», 1943, № 12, стр. 3.

²⁴ Там же, стр. 4.

²⁵ «Известия», 11 XII 1943.

Председателем президиума АВНОЮ был избран доктор Иван Рибар, а Национальный комитет освобождения Югославии возглавил Иосип Броз Тито, которому было присвоено звание маршала.

Более полное представление о событиях в Югославии давали опубликованные несколько позднее документы — «Декларация Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии»²⁶ и «Решение о верховном законодательном и исполнительном народном представительном органе и Национальном комитете освобождения Югославии»²⁷.

«В процессе народно-освободительной борьбы, — особо подчеркивалось в Декларации, — создано совершенно новое соотношение политических сил в нашей стране, что должно было также найти соответственно новое выражение в управлении и государственном устройстве страны»²⁸.

Во втором документе провозглашались новые принципы в управлении и государственном устройстве Югославии. «В соответствии с твердым убеждением и желанием всех народов Югославии государственный порядок этой страны будет ныне основываться на принципе равноправия всех народов, населяющих эту страну. Благодаря успехам национально-освободительной армии Югославии и партизанских отрядов, объединивших все народы Югославии для борьбы против врага, явилась возможность избрать Антифашистское вече национального освобождения в качестве верховного органа национального суверенитета народов Югославии...

Национальный комитет Освобождения является верховным исполнительным органом Югославии, обладающим всей исполнительной властью»²⁹.

Решения Второй сессии АВНОЮ нанесли решающий удар старому строю, преграждавшему путь к строительству новой, демократической, федеративной Югославии. «Предательское югославское беженское правительство должно быть лишено всех прав законного правительства, в частности, права представлять народы Югославии где-либо и перед кем-либо»³⁰, — говорилось в Декларации АВНОЮ.

Предпринимая столь важные революционные акты, положившие начало новой эпохе в истории Югославии, Антифашистское вече с полным основанием полагало, что встретит поддержку Советского правительства и народов СССР.

Чувства братской дружбы к советскому народу и непоколебимой веры в Советский Союз нашли свое выражение в приветствии, направленном Второй сессией АВНОЮ Верховному главнокомандующему Красной Армии И. В. Сталину.

«В самые тяжелые дни нашей неравной борьбы против кроважанных и подлых оккупантов и их пособников мы всегда с надеждой обращали взоры к славной Стране Советов, к героической Красной Армии, чьи мужество, стойкость и самоотверженность вдохновляли бойцов Народно-освободительной армии на новые подвиги. Так и сегодня, когда мы создаем единственно законное политическое представительство Югославии и закладываем фундамент новой, демократической, федеративной Югославии, мы с надеждой смотрим на Советский Союз..., зная, что Советский Союз всегда был истинным другом каждого народа, который борется за свою свободу»³¹.

²⁶ «Славяне», 1943, № 12, стр. 30.

²⁷ «Известия», 16 XII 1943.

²⁸ «Славяне», 1943, № 12, стр. 31.

²⁹ «Известия», 16 XII 1943.

³⁰ «Славяне», 1943, № 12, стр. 32.

³¹ «Прво и друго заседање Антифашистичког веча народног ослобођења Југославије». Београд, 1953, стр. 166.

Советское правительство поддержало революционные преобразования, осуществленные Второй сессией АВНОЮ. Информбюро Наркоминдела опубликовало специальное сообщение «О событиях в Югославии», в котором указывалось, что эти события рассматриваются правительством СССР «как положительные факты, способствующие дальнейшей успешной борьбе народов Югославии против гитлеровской Германии. Они свидетельствуют также о серьезном успехе новых лидеров Югославии в деле объединения всех национальных сил Югославии»³².

Общественность СССР откликнулась на решения Второй сессии Антифашистского веча. Газеты и журналы поместили ряд статей, которые информировали о решениях сессии АВНОЮ и давали им высокую оценку. «Решения собрания Антифашистского веча, — писал журнал „Большевик“, — свидетельствуют о том, что народы Югославии и их Народно-освободительная армия достаточно окрепли, чтобы создать на освобожденной территории настоящие органы народной власти, свое демократическое правительство. Эти решения будут, несомненно, способствовать усилению мощи народно-освободительной армии, ее героической борьбе против немецко-фашистских захватчиков и их прислужников — недичей, павеличей, михайловичей»³³.

Газета «Правда» отмечала, что в состав Президиума АВНОЮ и Национального комитета освобождения вошли известные политические и культурные деятели Югославии. Активное участие в народно-освободительном движении принимали видные югославские писатели, журналисты, артисты, художники, профессора университетов, врачи, инженеры.

«В этом единстве рабочих, крестьян и народной интеллигенции, — писала „Правда“, — в боевом единстве сербов, хорватов и словенцев кроется сила и несокрушимая энергия подлинно национального фронта, созданного в Югославии»³⁴.

Советская печать отмечала еще один крупный успех освободительной борьбы в Югославии — создание условий для разрешения национального вопроса на базе демократического федеративного содружества, на основе равноправия народов Югославии.

Газеты сообщали о первых шагах Национального комитета освобождения Югославии. «Известия», например, поместили информацию о том, что НКЮЮ — правительство Югославии — имеет собственные банки, печатает деньги, выпускает займы и т. п.³⁵

Горячо откликнулся на решения Второй сессии АВНОЮ Всеславянский комитет, направивший приветствие избранному на сессии Президиуму Веча. «Решения Антифашистского веча народного освобождения, — говорилось в приветствии, — вызывают одобрение всех славянских народов, а также одобрение всех других свободолюбивых народов»³⁶.

От имени всего советского народа высокую оценку достижений народов Югославии в борьбе за свободу и независимость дал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. Он писал в январе 1944 г.:

«Замечательна борьба народов Югославии, где партизанское движение уже переросло в общенародную борьбу во главе с кадровой национально-освободительной армией. Как и всегда, в своей наглой самоуверенности

³² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, М., 1944, стр. 369.

³³ «Большевик», 1943, № 23—24, стр. 42.

³⁴ «Правда», 31 XII 1943.

³⁵ «Известия», 30 XII 1943.

³⁶ «Славяне», 1944, № 1, стр. 46.

немцы и здесь недооценили сил своего противника, переоценив свои собственные. Они надменно смотрели на неудачи итальянских оккупантов в Югославии, считая их неспособными к борьбе. Сейчас число немецких дивизий в Югославии близко к числу бывшей оккупационной итальянской армии, однако успехи немцев не больше итальянских, а потери не менее значительны. Югославия же из оккупированной страны превратилась в страну воюющую, оттягивая на себя немалые силы врага»³⁷.

Свое отношение к Югославии как «стране воюющей» Советский Союз продемонстрировал на Тегеранской конференции глав правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). В Тегеране было принято решение об оказании партизанам Югославии «помощи в максимально возможной мере снабжением и материалами».

Принимая это решение, западные союзники все еще не хотели считаться с югославской народной властью, возникшей в ходе освободительной войны и революции. Министр иностранных дел Англии Иден, признав, наконец, что в течение многих месяцев в прошлом основное сопротивление врагу в Югославии оказывали партизаны, в то же время заявило о сохранении прочных связей английского правительства с королем Югославии Петром II и югославским эмигрантским правительством³⁸. 14 декабря 1943 г. английское правительство сообщило Советскому правительству, что не считает создание Национального комитета освобождения Югославии таким шагом, который «обязательно повлияет на его теперешнюю политику в отношении Югославии»³⁹. А политика эта заключалась в том, чтобы, начав поддерживать партизан, в то же время продолжать оказывать помощь Михайловичу. Государственный секретарь США Хэлл 9 декабря 1943 г. подтвердил, что «США будут оказывать помощь на основе закона о передаче взаймы или в аренду вооружения как партизанам, так и четникам»⁴⁰.

Советское правительство занимало принципиально иную позицию: оно рассматривало Национальный комитет освобождения как подлинно народную власть и приняло меры для установления тесного контакта с НКОЮ. Еще во время работы Второй сессии АВНОЮ было сообщено о том, что в Югославию придут представители Советского Союза. Это известие было встречено возгласами: «Да здравствует Советский Союз!»⁴¹.

В феврале 1944 г. в борющуюся Югославию прибыла советская военная миссия. В ее задачи входила организация помощи Народно-освободительной армии. Однако деятельность советской миссии имела не только военный, но и политический характер. Она была аккредитована при Национальном комитете освобождения.

Бывший начальник миссии генерал-лейтенант Н. В. Корнеев в своих воспоминаниях писал: «Если советская военная миссия целиком и полностью была на стороне югославских патриотов, боровшихся против немецко-фашистских захватчиков, то англо-американская сторона поддерживала отношения с эмигрантским правительством Пурича, а также с такими предателями югославского народа, как Михайлович и Мачек»⁴².

³⁷ Там же, стр. 9.

³⁸ «Parliamentary Debates. House of Commons», v. 395, № 11, 14 XII 1943, p. 1433.

³⁹ См. «Международная жизнь», 1958, № 8, стр. 78.

⁴⁰ См. «Известия», 11 XII 1943.

⁴¹ «Прво и друго заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије», стр. 189.

⁴² «Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии», М., 1960, стр. 204.

Советское правительство в своем заявлении о решениях Второй сессии АВНОЮ осудило деятельность четников Михайловича, которая, как указывалось в заявлении, до сих пор не способствовала, а наносила вред делу борьбы югославского народа против немецких оккупантов и потому не могла не встречать отрицательного отношения в СССР⁴³. Это заявление одновременно прозвучало как прямое осуждение югославского эмигрантского правительства, ответственного за действия Михайловича.

Теря почву под ногами, эмигрантское правительство предприняло попытку укрепить свои позиции. В середине декабря 1943 г. глава этого правительства Пурич обратился к правительству Советского Союза с предложением заключить пакт о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве по образцу советско-чехословацкого договора.

Как отмечалось в опубликованном в советской печати сообщении, предложение Пурича не могло не вызвать недоумения в советских кругах, «если учесть сложившуюся в Югославии ситуацию, профашистскую роль генерала Михайловича, до сих пор считающегося югославским министром, и его борьбу против народно-освободительной армии маршала Тито, а также образование Национального комитета освобождения Югославии, поддерживаемого широкими народными массами Югославии»⁴⁴.

Разумеется, Советское правительство отклонило предложение Пурича.

Советская общественность после Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии продолжала активно выступать в поддержку Национального комитета освобождения Югославии против эмигрантских «правителей», давно потерявших и без того слабые связи со страной и народом. Журнал «Большевик» писал в январе 1944 г.: «В конце 1943 г. борьба в Югославии поднялась на новую, более высокую ступень. На Антифашистском Вече создан в качестве временного правительства Югославии Национальный комитет освобождения. Это, несомненно, окажет большое влияние на дальнейшее укрепление всей народно-освободительной борьбы в стране»⁴⁵. Журнал «Война и рабочий класс» 1 марта 1944 г. напомнил, что Национальный комитет освобождения Югославии представляет все демократические силы страны, «подлинно демократическую власть на контролируемой югославскими патриотами территории». Вместе с тем журнал указывал, что правительство Пурича плетет всевозможные интриги против Национального комитета освобождения Югославии. «Линия поведения эмигрантского югославского правительства, — заключал журнал, — свидетельствует о том, что оно, боясь своего народа, боясь демократических сил страны, использует все средства для подрыва национально-освободительной борьбы югославских патриотов против немецких оккупантов»⁴⁶.

Но эта борьба после Второй сессии АВНОЮ приобрела такой размах, что ни фашистские захватчики, ни их пособники из лагеря югославской реакции были не в силах предотвратить окончательную победу трудящихся Югославии.

В призывах к 26-й годовщине Советской Армии (февраль 1944 г.) ЦК ВКП(б), обращаясь к мужественным патриотам Югославии, подчеркивал, что их борьба за свободу и независимость родины служит вдохновляющим примером для всех поработенных народов Европы.

⁴³ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», стр. 379.

⁴⁴ «Труд», 5 II 1944.

⁴⁵ «Большевик», 1944, № 1, стр. 51.

⁴⁶ «Война и рабочий класс», 1944, № 5, стр. 10.

«Да здравствует героический народ Югославии и его доблестная Народно-освободительная армия, самоотверженно борющаяся против фашистских захватчиков!»⁴⁷ — говорилось в Призывах ЦК ВКП(б).

Эта здравица отражала чувства всего советского народа. И когда в апреле 1944 г. в Советский Союз прибыла военная миссия Национального комитета освобождения Югославии, она была дружески принята Советским правительством и общественностью.

«И мне радостно было убедиться, — писал в те дни глава югославской военной миссии генерал-лейтенант Велимир Терзич, — что люди великой Советской страны с еще большим интересом, чем мы думали, относятся к нашей борьбе, следят за ходом нашей Отечественной войны и проявляют большую братскую любовь к Народно-освободительной армии Югославии»⁴⁸.

Так оно и было.

---

⁴⁷ «Правда», 20 II 1944.

⁴⁸ «Война и рабочий класс», 1944, № 10, стр. 22.

ЛЮБОМИР Е. ГАВЛИК

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДСТВЕННОСТИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ДРЕВНЕЙ МОРАВИИ И ЧЕХИИ¹

Хотя в изданном в Брно славистическом сборнике показано, что сознание родственности славян появляется уже в раннее средневековье², в нем не был поставлен вопрос, откуда и как оно возникло, сколь широко оно было распространено в раннем средневековье и чем оно отличается от представлений нового времени. В сборнике рассматривается более поздний период, когда это сознание приобрело особое значение в чешской истории и сыграло выдающуюся роль в истории других стран. Что же касается древнейшего периода, то мнения исследователей относительно возникновения сознания родства славянских народов и славянского единства вообще существенно различаются. И. Бидло допускал, что славяне с древнейших времен сознавали свое языковое и культурное родство и знали, что все они в целом отличаются от других народов³. Г. Лябуда относит период праславянской общности к VI в. до н. э.—VI в. н. э. и считает, что славяне длительное время помнили о своей общей прародине⁴. Также и по мнению Н. С. Державина славяне были некогда одним народом⁵. Й. Мацурек писал, что славяне «никогда не жили в сфере какой-то единой славянской культуры, в длительной общей историко-культурной атмосфере. Внутренняя культурная жизнь отдельных славянских народов была едва ли не всегда разнородной ... Единой славянской цивилизации, принципиально отличающейся от цивилизации других этнических обществ, никогда не было. Существование единой сформированной славянской культуры нельзя предполагать даже для древнейшего времени»⁶. Критически относится к вопросу о так называемой первоначальной славянской общности и новейшая чешская историография. Ф. Граус считает, что традиционное представление о единстве славян возникло позднее, на основании сообщений Прокопия и Иордана, и что понятие «славяне» (так же как и «германцы») является абстрактной

¹ Статья написана к VI Международному съезду славистов. Краткая статья по этой проблематике опубликована в книге «Slovanství v dějinách Čechů a Slováků» (Praha, 1968). Одновременно опубликована статья В. Д. Королюка «К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.» («История, культура, фольклор и этнография славянских народов», М., 1968), которая во многом перекликается с проблемами, затрагиваемыми в моей статье.

² «Slovanství v českém národním životě». Brno, 1947. См. также «Obrysy Slovanstva». Praha, 1948.

³ «Dějiny Slovanstva». Praha, 1927, s. 8.

⁴ «Fragmenty dziejów Słowianszczyzny Zachodniej», t. 1. Poznań, 1960, s. 34—86.

⁵ Н. С. Державин. Славяне в древности. М., б. г.

⁶ «Obrysy Slovanstva», s. 104—105.

схемой, которую создала «прежде всего филология»⁷. Если термин «славяне», по его мнению, и имеет право на существование в качестве рабочего термина для древнейшего периода, то это вовсе не означает существования сознания славянского родства в тех категориях, которые были созданы литературой XIX—XX вв. Но различные мнения не могут сами по себе ни доказать, ни опровергнуть существования сознания славянской родственности в раннем средневековье. Чтобы установить наличие ранне-средневекового сознания славянской взаимности как отражения объективной реальности, нужно заняться этим вопросом более подробно.

Что касается самого понятия родства славянских народов (сознания славянского единства), то оно прежде всего является социально-психологическим феноменом, познававшимся и познающимся посредством историографии. Это — часть социального сознания, которое образуется в обществе, т. е. имеет общественный характер. Сознание взаимного родства в социальной группе основывается на фактически родовом (кровном) родстве, общей судьбе и территории, общем языке и культурной жизни, экономической, политической и социальной ее организации. Вместе с тем оно способствует образованию и усилению общественных институтов и организаций, реализующих общественные интересы этой группы. В этнической области такими формами сознания являются родовое, племенное, народностное или национальное. Эти формы, наряду с другими, образуют довольно широкое и сложное понятие общественного сознания. Одновременно возникает и сознание социальной дифференциации общества внутри каждой этнической группы. При благоприятных условиях (похожий образ жизни, иногда судьбы, близкий язык) возникает также сознание родства между этими этническими группами.

Задачей данной работы является исследование вопроса о происхождении у жителей Моравии и Чехии сознания этнического родства с жителями соседних славянских областей; как и откуда появилось понятие «славян» в раннесредневековой славянской среде, каким образом оно стало составной частью этнического сознания и какую функцию выполняло; как повлияли на развитие этого сознания политико-культурные взаимоотношения славянских народов и их отношения с франками, а позже с немецкой империей и с Византией; здесь придется коснуться проблем, связанных с универсалистскими тенденциями Восточной Римской империи, и в особенности римского папства, и с воздействием Франкской и Германской империй. Нужно будет принять во внимание и оценку современного славянского мира в источниках местного происхождения, исследовать, в какой мере они отражают сознание этнического родства и рассмотреть функции этого сознания в жизни древнего моравского и чешского общества.

Упоминания об отдельных этнических группах, населявших в первых столетиях нашей эры территорию от Вислы до Днестра и на юге до нижнего Дуная, мы встречаем, когда эти народы вступают в соприкосновение на юго-востоке и в центре Европы с позднеримской цивилизацией. Большинство из них имело название «славяне» или «венеды». Второе название появляется относительно раньше в западноримской среде⁸, в единичных

⁷ F. Graus. Deutsche und slawische Verfassungsgeschichte. «Historische Zeitschrift», t. 197, 1963, S. 272—277. Г. Прайдел полагал также, что понятия «германцы» и «славяне» являются лишь научными абстракциями (H. Preidel. Die Anfänge der slawischen Besiedlung Böhmens und Mährens, t. II. Grärfeling bei München, 1957, S. 70).

⁸ Caius Plinius Sec. Hist. Nat., IV. 97; Cornelius Tacitus. Germania, 46; K. Tymiński. Wenetowie. Nazwa i rzeczywistość historyczna. «Slavia Antiqua», t. I, 1948, s. 248—259; A. Dostál. Venetové. K otázce starobylých kmenových jmen. «Slavia», t. 19, 1949, s. 62—72.

случаях и в восточноримской сфере⁹; где в общем преобладало наименование «славяне»¹⁰. С VII—VIII вв. последний термин получил распространение в западноримской среде¹¹, хотя здесь сохранилось и определение «венеды», «виниды»¹². Если мы не будем учитывать название «анты», которых отличали от славян¹³, то в письменных сообщениях преобладает определение «славяне» и «венеды» (или «венеты», «виниды»). Согласно Иордану, жившему в Византии, *venetharum natio*¹⁴ занимала территорию от истоков Вислы до Дакии (на восток). Ей соответствовало три названия: «венеты», «анты» и «славяне»¹⁵. Но Иордан отмечает, что названия внутри *venetharum natio* не одинаковы у разных родов и для разных местностей; основными он считал названия «славяне» и «анты»¹⁶. Авторы VI в. считали, таким образом, название *venethi* первоначальным и предполагали, что затем из среды «венетов» выделились два следующих и многие другие названия. Речь идет, естественно, об историографическом взгляде, бытовавшем в VI в. Схема Иордана едва ли точно соответствовала действительности¹⁷. Из самого сообщения о названиях следовало, что они были различны у отдельных родов и местностей. По-видимому, германцы перенесли это название с соседних и наиболее им известных «венедов» на остальные родственные венедам группы; а от германцев это название перешло в Рим (здесь оно могло стать известным благодаря контактам римлян с венедатами). Аналогичным образом появилось и общее название всех близких по языку групп племен, населяющих территорию на север от нижнего Дуная до Черного моря, как «славян», — очевидно, по названию наиболее близкой к Византии этнической группы и потому казавшейся византийцам наиболее значительной¹⁸. Что речь шла не

⁹ *Klaudios Ptolemaios. Geographia*, III, 5, 7, 8, 56; *Jordanes. Getica*, V, 34. В «Сарматии» Птоломея есть также определения *Σοῦβηγοί* и *Στλαβαγοί* (*Geographia*, III, 5—9; VI, 14, 9), которые интерпретируются как название «славяне». *H. Łowmiański. Początki Polski*, t. 1. Warszawa, 1963, s. 167—177.

¹⁰ *Prokopios. De bello Goth.*, I, 27; II, 26; III, 13, 14, 23, 35, 38, 40; IV, 25, id; *De aedificiis*, IV, 1, id.; *Hist. arcana*, c. 11; *Jordanes. Getica*, 34, 35, 119; *Menandri Protract. Fragmenta*, c. 48, 63, 64; *Jan z Efesu. Cirk. hist.*, VI, 25; V, 19; *Theophylacti Simocattae Hist.*, I, c. 7; III, c. 4; VI, c. 2—4, 6—11; VII, c. 1—5; VIII, c. 3—7; *J. Otrębski. Słowiane. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw. Poznań*, 1947, 9n.

¹¹ *Paulus Diaconus. Hist. Langob.*, IV, 7, 10, 24, 25, 37, 48, 40, 44; V, 22—23; VI, 21, 45, 51; *Pseudo-Fredегarii Chron.*, IV, c. 48, 58, 68; *Vita s. Amandi auct. Baudemundo*, c. 14; *Ann. Fuld.*, *Reginonis Chron.*, *Ann. reg. Franc.*, которые под 822 г. сообщают о живущих по соседству ободритях, сербах, велетах, чехах, мораванах и преденцентах. См. также *Ann. Metten.*, *Maximiani*, *Nithardi Hist.* и др.

¹² См. *Pseudo-Fredегarii Chron.*, IV, c. 48, 58, 68, 72, 74, 75, 77, 87. Это название в западноевропейской среде сохранялось очень долго. В IX в., например, в *Ann. Bertin.* встречаем это название под 861, 862, 865, 866, 869, 870, 871, 872, 873, 876 гг. в отношении моравян и только под 863 и 869 гг. — в отношении ободритов.

¹³ *Jordanes. Getica*, 119, 34, 35; *Romana*, 388; *Prokopios. De bello Goth.*, III, c. 14, 22, 40, 4; *Hist. arcana*, c. 11, 18; *Menandri Protract. Fragmenta*, c. 6; *Theophylacti Simocattae Hist.*, VIII, c. 5.

¹⁴ Согласно словарю Исидора из Севильи, термином *natio* обычно определялась группа людей, объединенных по месту рождения. *gens* был в структурном отношении высшим определением политико-этнически организованной группы или целого.

¹⁵ *Getica*, 119.

¹⁶ Славяне — между Новшетуном, Мурсийским озером, Днестром и Вислой; анты — между Днестром, Днепром и Черным морем.

¹⁷ Там менее на ее основании можно делать вывод о едином происхождении славян и их последующем разделении. Так думает Г. Лабуда (*Fragmenty*, I, s. 38), который в венедатах Иордана видит юго-западных, в антах — восточных, а в славянах — южных славян, осознававших кровное единство своего происхождения. См. также Л. В. Черепнин. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. В кн. «Вопросы формирования русской народности и нации». М. — Л., 1958, стр. 15.

¹⁸ Некоторые исследователи (например, Г. Ловмянский, Указ. соч. стр. 174) находят их уже в *Σοῦβηγοί* и *Στλαβαγοί* Птоломея в среднем течении

о едином целом, подтверждает сам Иордан, указывая на различия названий родов и местностей. Генезис целого, называемого «славяне», прошел сложный процесс интеграционно-дифференцированной этногонии, в которой приняло участие много неславянских элементов.

Вся схема об относительном единстве славян поэтому создается благодаря раннесредневековой историографии и языковой близости. На последнюю указывает и Эйнгард, говоря, что *nationes* между Рейном, Вислой и Дунаем схожи только по языку, но отличаются нравами и образом жизни¹⁸. Из письменных источников видно, что этническое целое, обозначаемое термином «славяне», уже со времени первых сообщений о славянах дифференцировалось на различные группы²⁰, хотя собственные названия этих групп и образований в письменных источниках появляются значительное позднее²¹. Ошибочно было бы предполагать, что вся этническая общность, определяемая в римской среде как «славяне»²², сознавала в этом время свое единство, ибо понятие всех славян как целого появляется, как нам показывают источники, сначала вне этого целого, в сфере римско-византийской историографии²³.

Днепра; часть их оттуда перешла в область, указанную Иорданом, где подчинила себе соседние группы и дала им свое название; другая их часть переселилась в область Новгорода. О том, что первоначально «венетами» называлось одно «племя» у Балтийского моря, а затем это название германцы перенесли на все «славянские» группы на юго-востоке, см. R. W e n s k u s. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der mittelalterlichen Gentes.* Köln — Graz, 1961, S. 33.

¹⁸ Vita Karoli Magni, с. 15. О различном образе жизни у восточных славян см. «Повесть временных лет». Я не стремлюсь решить здесь вопрос о том, правильно ли мнение филологов о едином славянском, т. е. праславянском языке и можно ли без учета исторического аспекта редуцировать территориальные различия в языке прямо в пользу единства. Не касаюсь также вопросов, связанных с функциональным значением некоторых предметов материальной культуры и возможностью на основании типологического сходства между ними сделать вывод о единстве материальной или этнической культуры.

²⁰ Это видно, например, из таких терминов, как *Sclovenorum gentes*, *Sclovenorum nationes* и т. д. В Стратегиконе Псевдо-Маврикия указывается, что у славян нет одного правителя, их много. В «Тактике» императора Льва Мудрого также говорится (исходя из данных Маврикия и Прокопия) о славянских *gentes*, которые (в отличие от Эйнгарда) выделяются сходством обычаев и образа жизни. Но это относится к отдельным *gentes*, которые принадлежали к большой группе — союзу славян. Pseudo-Moses Chorenas в V в. приводит, например, данные о 25 славянских (*sglawasnos*) народах в Дакии и т. д.

²¹ В ряде источников (в так называемом Баварском географе, летописи короля Альфреда Великого, в сообщениях франкских летописей и византийских источников, например, Константина Багрянородного) упоминается большое количество славянских политико-этнических образований (См. L. H a v l i k. *Gens Maravorum*, s. 105—114); некоторые из этих названий очень древние (наряду с упомянутыми, например, хорваты, сербы, дулебы, северы и др.) При этом следует иметь в виду, что название в течение веков у одного и того же политико-этнического образования могло изменяться и что само название не говорит еще о непрерывности существования указанного образования, хотя в некоторых случаях действительно так может быть. Это обосновано и для попыток передвинуть название «славяне» как можно дальше в прошлое: само название не может быть указателем возраста этнической группы или формации. Славянские этнические группы могут иметь и неславянские названия так же, как и неславянские этнические группы — славянские названия.

²² Г. Лябуда (*Fragmenty*, I, 40), на основании сообщения Равеннского космографа и других, указывает, что у славян еще в VII в. бытовало сознание общности происхождения и воспоминания о местах расселения до миграции. Что касается прежнего местопребывания, то можно с этим согласиться. Однако против традиции о сознании общего происхождения и прародины говорит сообщение о вольянах Аль-Масуди, а также русская «Повесть», в которой, как известно, происхождение славян связывается с Дунаем.

²³ Благодаря посредничеству римско-византийской историографии такое понятие возникло и в арабской историографии. Понятие славян как целого есть и в еврейских источниках (все соответствующие арабские и еврейские источники собраны в *Magnae Moraviae fontes historici*, III).

Процесс полиморфного формирования внутри целого, определенного понятием «славяне», состоял прежде всего в образовании примитивного дифференцированного, территориально ограниченного сознания, антагонистического к соседям, хотя и родственным по языку. Вопрос о том, можно ли, и как точно, в среде, которая в период раннего средневековья дифференцировалась на основе созданных ею политических образований, проследить в связи с процессом формирования народного сознания одновременно и появление сознания родства с остальными «славянскими» соседями на основе близости языка, является прежде всего вопросом повествовательных возможностей источников и их интерпретации. Жития Константина и Мефодия могли бы, на первый взгляд, указывать на существование сознания родства между отдельными группами в старой Моравии²⁴, традиционно определяемыми как «славяне». Здесь пишется о славянских книгах, письме, языке в Моравии²⁵. Язык, на котором говорят в Моравии, определяется как славянский²⁶, так же как и язык Солуня (Македония)²⁷. Славянской землей считаются Моравия, Паннония и другие области²⁸; Похвала Константину-Кириллу тоже говорит о славянском народе, весьма разветвленном. Ростислав изображается как славянский правитель, который сам считает себя славянином²⁹.

Следует обратить внимание на то, что большинство названных произведений исходит от неславянских авторов византийской школы или неморавских, хотя славянского (например, балканского или иллино) происхождения, но опять же находящихся в византийско-римской культурной сфере. Поэтому мне кажется обоснованным предположение, что понятие славянского родства на языковой базе, понятие славян как целого могло проникнуть в письменные тексты в Моравии именно из этой сферы, где представления о языковом родстве славян существовали уже раньше и имели длительную традицию. Благодаря деятельности неславянского греческого и латинского духовенства (из Италии, Греции, Франкской империи) в славянских странах стало более глубоко осознаваться существование различий между близкими в языковом отношении славянскими народами и иноязычным миром, откуда прибывали иноземные миссионеры. Это воздействие чужой среды способствовало формированию понятия «славяне» в историографии того времени.

В какой степени связано было уже возникающее в Моравии сознание³⁰ языковой близости моравян с окружающими славянами остается открытым

²⁴ Т. е. в нынешней Моравии, северной части Нижней Австрии и Западной Словакии.

²⁵ Житие Константина, гл. XV, XVII; Житие Мефодия, гл. VI, IX, XI. Здесь и далее имеются в виду старославянские тексты, опубликованные в *Magnae Moraviae fontes historici*, II.

²⁶ Житие Константина, гл. XIV; Житие Мефодия, гл. IX, XV.

²⁷ Житие Мефодия, гл. VI.

²⁸ Там же, гл. IX, VIII, III.

²⁹ Житие Мефодия, гл. V; см. также Проложное житие Константина и Мефодия, Похвала Константину и Мефодию. *Vita Const. cum transl. S. Clem.*, с. 7.

³⁰ Вопрос возникновения и существования сознания у моравян как политико-этнического целого недавно был предметом дискуссии, результатом которой был вывод, что на территории Моравии развивалось этническое целое, которое можно отнести к категории «народности». См. Р. Р а т к о š. *K diskusi o vznikání národnosti na našem území.* — *Hist. čas.*, 1963, XI, s. 268—277. В последнее время для этой категории вводится определение раннесредневековая нация. См., например, D. T ř e š t í k. *Kosmas. Praha, 1966*, s. 56, 81. Р. Вечерка (*Ideový profil velkomoravské literatury.* — *Sb. Maticе moravské*, 1963, 82, s. 116—120) пишет о проявлениях моравского патриотизма, а Ф. Граус (*Die Bildung eines Nationalbewusstseins im mittelalterlichen Böhmen.* «Historica», 1966, 13), напротив, сомневается в возможности доказать существование специфически моравского сознания, хотя в то же время для Чехии X в. допускает возможность примитивного (территориального) чешского сознания. Здесь я

вопросом. Нам кажется, что сознание языкового родства в Моравии при Святошлуке уступало государственно-политической идеологии, а сам термин «славянский» часто становился литургическим определением в проливах «латинскому»³¹. В интеграции понятия об этом родстве также выступает весьма выразительно политическая дифференциация отдельных «славянских» стран, в особенности Моравии (с очевидным акцентом политическо-христианизационного выбора)³². Европейская историография того времени различает отдельных «славян», согласно их политическим образованиям, а также в значительной мере по контактам с ними папства³³.

С такими же вопросами, как в раннесредневековой Моравии, мы встречаемся позже и в раннесредневековой Чехии. Например, в первой древнеславянской легенде о князе Вацлаве появляется упоминание о славянских книгах³⁴. Во второй древнеславянской легенде говорится о Чехии, населенной славянским населением, которое называет свою страну *Voemía*³⁵. Если в отношении первой неясно, возникла ли она в Чехии, то в отношении другой известно, что речь идет о пересказе легенды епископа Гумпольда из Мантуи³⁶. Нужно, однако, иметь в виду, что здесь следует считаться не только с проявлением местной среды, но и влиянием среды чужой. Нельзя, безусловно, считать проявлениями сознания чешской среды и сообщения в войтеховских легендах, например в Канапариевой (заявление Войтеха, что он родом славянин) или в Бруновой (о том, что мать Войтеха была славянского происхождения). Влияние выработанного в Западной Европе географическо-политического понятия «славяне» ясно обнаруживается в формулировках о части Германии, которой жители дают название

хотел бы отметить, что этническая категория, определяем ли мы ее как «народность» или «раннесредневековая нация», в Моравии IX в. (так же как в Чехии и Польше сто лет спустя, в тогдашней Хорватии и Болгарии) развивалась в антагонизме к своему окружению, главным образом славянскому, но в особенности к немецкому. Раннесредневековое сознание специфичности жителей древней Моравии (точнее высших слоев древнеморавского общества) выросло из общих исторических судеб, образа жизни, единой территории, находящейся под единым управлением, из культурных связей и общего языка, отличающегося (говоря современными терминами, диалектной формой) от соседей. Но условия для дальнейшего развития этого сознания у моравян были к X в. неблагоприятны, так как сподчинением Моравии чешскому господству моравское сознание подверглось чешскому политическому воздействию, попало в орбиту чешской культурной жизни. Но несмотря на это моравская среда сохраняла свою специфику и свою жизнеспособность, весьма часто проявляющуюся на протяжении всего средневековья. Перелом к образованию современной нации в Моравии, обшей с Чехией (т. е. чешской), связан с культурно-политическими отношениями XVII—XIX вв. О сознании «мораванства» как проявлении моравского этнического целого. см. L. H a v l í k. *Gens Maravorum*, s. 116—120.

³¹ См. *Praedicationes tuae, Industriae tuae, Quia te zelo fidei* у папы Стефана V. Нельзя забывать и культурно-цивилизационное значение славянского литургического языка.

³² Житие Константина, гл. XIV; Житие Мефодия, гл. VIII, IX, X, XII, XVII.

³³ См. *Magnae Moraviae fontes historici, III. Epistolae*.

³⁴ M. W e i n g a r t. *První církevněslovanská legenda o svatém Václavu*. Praha, 1934, s. 863—983.

³⁵ «А из тех земель одна, населенная жителями славянскими» (1); «сами жители называют эту землю Богемия» (2). J. V a š i c a. *Na úsvitu křesťanství*. Praha, 1942, s. 134.

³⁶ В то время как в более старой литературе она считалась чешского происхождения, Ф. Граус (*Slovanská liturgie a písemnictví v přemyslovských Čechách X. stol.* — *Čs. čas. hist.*, 1966, 14, s. 485) ставит вопрос, не возникла ли первая старославянская легенда в Хорватии, хотя допускает возможность ее создания чехом. О славянской версии Гумпольдовой легенды см. J. P e k a ř. *Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians*. Praha, 1906, S. 44—51, 431—433; *Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu, a sv. Ludmile*. Praha, 1929, s. 71—135. Славянская компиляция (с учетом других источников, в особенности легенды *Crescente fide*) возникла предположительно в Сазаве.

Склавония³⁷. Иначе следует понимать Кристиана³⁸, хотя и у него можно заметить влияния окружающей среды, проникающие в Чехию из римско-немецкой сферы или моравской традиции: Кристиан считает славянской страной Моравию, как и Болгарию, или Пшовщину, Стодораны и землю чешских славян³⁹, он четко различает отдельные политико-этнические образования, которые объединяются общим «славянским» языком, имеющим в первую очередь литургическую функцию⁴⁰, но одновременно и функцию (в другой форме) *vox publica*. Сообщения Кристиана свидетельствуют о существовании сознания более широких славянских взаимосвязей на базе языка, сознания, возникшего в чешской среде⁴¹ и связанного с чешским самосознанием, которое развивалось как противовес немецкому, окружающему славянскому, в особенности мораванскому сознанию⁴², а позже польскому⁴³. В дальнейшем в Чехии можно наблюдать, что с ростом первичного национального сознания, проявляющегося в упомянутом противопоставлении окружению, и в формировании собственной идеологии (легенда о герое эпониме Богеме-Чехе и объявление патроном Чехии св. Вацлава)⁴⁴ и прогрессирующего обособления от соседей понятие «славянский язык и письмо» воспринимается, скорее, как литургическое в противовес латинскому, например в прокопских легендах (этому содействовало также временное существование славянской литургии в Сазаве)⁴⁵ или в моравской легенде⁴⁶. Но одновременно появляется и понятие более широ-

³⁷ Est locus in partibus Germaniae..., quem incolae Sclauoniam cognomine dicunt. J. o n. S a n a p a r i i Vita s. Adalb.; Versus de passione s. Adalb., c. 1. Возникли в Чехии на рубеже XI — XII вв.: J. V i l i k o v s k ý. Versus de passione s. Adalberti. Sb. fil. fak. Univ. Kom., VI, 53. В другом месте (с. 19) один из чехов (вршовицкий дружинник) назван славянином, далее (с. 22) говорится о славянах (чехах), оставленных своим пастырем. Географическое понятие «Германия» появляется не только у Альфреда Великого в IX в., но в XII в. у Козьмы (I, 1, 2), согласно утверждению которого Чехия была частью Германии. То же было у Эйнгарда. Vita Karoli, c. 15; Voemani qui Germaniam incolunt. Что касается определения Германии, в противоположность Чехии, то Козьма употреблял термины Teutonia, Teutonicae partes (I, 40; II, 3, 4) или Teutonici orientales (I, 14, 27), когда речь шла о территории бывшей Восточно-франкской империи.

³⁸ О хронологии памятника см. J. L u d v í k o v s k ý. Crescente fide. Gumpold a Krisitán, Sb. pračí FFBU, D 1, 1955, s. 57—63; Great Moravia Tradition.— «Magna Moravia». Praha, 1965, s. 526—537.

³⁹ J. P e k a ř. Die Wenzels- und Ludmila-Legenden, s. 88—125. V. C h a l o u p e s k ý. Svatojáclavský sb. Praha, 1939, s. 303—400.

⁴⁰ О малом значении славянской литургии в Чехии см. F. G r a u s. Velkomoravská říše v české středověké tradici.— Cs. čas. hist., 1963, 11, s. 289—305; Slovanská liturgie, s. 473.

⁴¹ В Чехии можно (так же как и сто лет назад в Моравии) предполагать существование этнического целого, которое более четко проявляется в источниках XI—XII вв. F. G r a u s. Die Bildung..., S. 24—24, 38.

⁴² Отношения между Чехией и Моравией в средневековье и в более поздний период не исследовались. Была лишь попытка объяснить положение Моравии в Чешском государстве (Morava v českém státě. Brno, 1948). Нет также современной разработки истории Моравии. Антагонизм между Чехией и Моравией, между чешским патриотизмом, с одной стороны, и моравским патриотизмом, с другой, проявляющийся в средневековых источниках, сохранился долгое время. F. G r a u s. Die Bildung..., S. 15.

⁴³ О политических отношениях между Чехией, Моравией и польскими землями см. Češi a Poláci v minulosti, sv. 1. Praha, 1964, s. 20—61.

⁴⁴ F. G r a u s. Počátky českého státu a vývoj «státní ideologie», «Slavia Occidentalis», 1962, 22, s. 147—164, id.; Die Bildung..., S. 23, 42.

⁴⁵ Vita minor, Vita antiqua, Vita maior, c. 1; V. C h a l o u p e s k ý. B. R y b a. Středověké legendy prokopské. Praha, 1953. Славянский язык также понимается в записке папы Григория VII (1080 г.). См. O. K r a l i k. Sázvské písmenictví XI. století. Rozpravy ČSAV, 1961, 74/12; R. V e č e r k a. Slovanské počátky české knižní vzdělanosti. Praha, 1963, s. 24.

⁴⁶ XII—XIII вв.; plura de Greco et Latina transferentes in Sclauonica lingua canonicas horas et missas in ecclesia Dei publice statuerunt decantare, c. 5, 6, 7.

кой языковой славянской принадлежности, и чехи отождествляются со славянами (в Чехии), а чешский язык — со славянским. Например, Козьма, воспитанный в западноевропейской среде, с одной стороны, отождествляет в духе господствовавшей тогда точки зрения чехов со славянами (Чехии)⁴⁷, а с другой, различает Чехию, Моравию, Польшу, Стодораны, Болгарию, Русь, лютичей, сербов и лучан в политико-этническом отношении⁴⁸; дальше он пишет о знании славянского языка пражскими епископами Титмаром и Теодагом⁴⁹ и о болгарской или русской литургии⁵⁰. Интересно противопоставление в его труде славян и немцев, с высокомерием смотревших всегда на славян и их язык⁵¹, которое подтверждает представление Козьмы о чехах, как славянах, говорящих на славянском языке. Также и Вышеградский каноник различает чехов, моравян, поляков и др.⁵², и отождествляет Чехию (в языковом отношении) со славянами⁵³. Он пишет о славянских названиях Пржимды, Згоржельца и Тахова (под 1126 г.), славянским считает название *prosinec* (декабрь)⁵⁴. В грамоте короля Владислава II 1159 г. говорится о славянском наименовании района седлецкой провинции⁵⁵. Выражение «славянский» в этот период на территории Чехии было синонимом «чешский»⁵⁶. Таким образом понятие «славянский язык» в чешских памятниках либо является вторым названием чешского языка, либо выражает языковое родство чехов с другими славянскими народами, или литургический язык, что не всегда четко различается между собой. В Моравии и Чехии определилось полностью понятие «славян» как целого, основывающегося на языковом родстве, поскольку писали об этом местные авторы.

В Польше же, где тоже *lingua publica* называлась славянской⁵⁷, Галл считал необходимым не только указать, что Польша является частью Славонии⁵⁸, но и попытался также определить территорию этой Славонии⁵⁹.

⁴⁷ Cosmae Chron. Boem. I, 26; II, 8, 11. О «Хронике» Козьмы см. D. T ř e š t í k. Kosmas. Praha, 1966; Z. F i a l a. Přemyslovské Čechy. Praha, 1965. s. 74.

⁴⁸ Cosmae Chron. Boem., I, 10, 14, 15, 22, 27, 31, 34, 40; II, 2—8, 13, 15, 18, 20, 24, 27, 28, 35, 37, 40, 43, 47; III, 1, 4—5, 9, 12—14, 16—17, 19—20, 22—25, 27—28, 32—33, 35, 37, 39, 40, 47, 51, 53, 58.

⁴⁹ (Thietmar) Sclauonicam linguam perfecte sciebat. I, 23. (Theodaguss) lingua perfecte imbutus Sclauonica, I, 31. Б. Гавранек считает, что славянский язык мог быть не только чешским, но и полабским или серболужицким. В. Н а в р а н е к. К názvům lingua Sclauonica..., Listy fil., 1925, 52, 111—120.

⁵⁰ Secundum ritum aut sectam Bulgarice gentis vel Ruziae aut Sclauonicae linguae, I, 22. При этом уместен вопрос, в какой степени упоминание о Болгарии связано с X в. (так же, как и у Кристиана) и не является ли упоминание Руси дополнением самого Козьмы, сделанным под влиянием современных чешско-русских связей.

⁵¹ I, 40.

⁵² Kanovník vyšehradský, 1126, 1130, 1132, 1134, 1136, 1138, 1142.

⁵³ Contra Bohemos, tres tantum Sclavi pirierunt. Kan. vyš., 1126.

⁵⁴ V. I d u s. Novembris et Sclavonice prosince, 1128.

⁵⁵ Cod. dipl. Boh., I, 204.

⁵⁶ Это подтверждает, например, *Majestas Caroli*, когда упоминает *linguam Boemiam generalem, quam scilicet Sclavonicam dicimus*. Так называемый Долинал различает литургический славянский язык Мефодия (гл. XXIV), который он считал русским и чешским языком в Чехии (гл. LXX); раньше еще Петр Житавский указывал, что чехи и поляки немного отличаются между собой наречием языка славянского. *Zbraslavská kronika*, LXVII. Впервые язык в Чехии определяется как «*boemica*» (*Ann. Grad.-Opat.*, 1105).

⁵⁷ *Civitas Guezdensi, quae nidus interpretatur Sclavonice*. Galli Anon. *Chronika et gesta ducum sive principum Poloniorum* 1. *Lingua* здесь, при почти полном преобладании латыни в литургии, может считаться синонимом *lingua publica*, т. е. древнепольский.

⁵⁸ *Igitur ab aquilone Polonia septentrionalis pars est Sclavoniae*. Соседями Польши были Русь, Венгрия, Моравия, Чехия, Дакция и Саксония.

⁵⁹ Славяне живут по соседству в Дакции с сарматами или гетами; от Фракии их отделиют венгры, через Карптию Славия достигает Баварии, на юге в Далмации. Истрии и Хорватии она подходит к Адриатике и Италии. См. В. К ü r b i š ó w n a.

Болеслав Храбрый именуется у него *dux Slavonicus*, а его государство — государством славян, готов и полян⁶⁰. Упоминание о готах повторяется в сообщении неизвестного автора Дуклянской летописи, который отождествляет славян с готами⁶¹, пришедшими в Хорватию с севера. Позже Фома Силитский добавил, что этими северными странами были Польша и Чехия⁶². Дуклянский летописец говорит о множестве славян в Хорватии, о славянском письме и языке, с которого на латынь была переведена и его хроника⁶³. Этот славянский язык он связывает с деятельностью Константина и Мефодия, с правлением короля Святополка. Хорватская версия летописи славянский язык заменяет хорватским⁶⁴, но эта версия более поздняя (XIV в.) и *Lingua sclauonica* была, очевидно, в XII в. синонимом литургического старославянского языка хорватской глаголической редакции в северном далматинском Приморье. В отношении этого глаголического письма применяется и определение готское⁶⁵, подобно тому как у Фомы Сплитского готами называются славяне, пришедшие в Хорватию в VI—VII вв., а также глаголическое старославянское хорватское духовенство в XI—XIII вв.⁶⁶ Понятие *Sclauonia*, *Sclavi* совпадает с понятием Хорватия, хорваты⁶⁷. В других сообщениях термин «славянский» всюду употребляется для обозначения Хорватии и ее жителей⁶⁸ или духовенства славянской литургии⁶⁹. В этом также проявляется воздействие романской далматинской среды, где, несмотря на сильный процесс ассимиляции, довольно долго удерживалось различие между латинской Далмацией (только отчасти попавшей под влияние греков) и славянским (хорватским и сербским) элементом. Это противопоставление подчеркивалось наличием частично глаголической старославянской литургии. Этот факт, а также римско-византийские, а отчасти и моравские традиции бесспорно воздействовали на формирование сознания родства хорватов с остальными славянами, родства, основанного на языковой близости.

Иначе было на территории Болгарии, где славянская литургия стала основой культурной жизни и где идейная традиция, заложенная уже в произведениях, возникших в старой Моравии, получила дальнейшее развитие. Это видно, например, из жития Наума, трактата монаха Храбра, где говорится о письме и языке славян, из Прологов Иоанна Экзарха. О славянском языке в Болгарии говорят пресвитер Григорий⁷⁰, Проложное

Kształtowanie się pojęć geograficznych o Słowiańszczyźnie w polskich kronikach przedłuższych. *Slavia Ant.*, 1954, 4, s. 274.

⁶⁰ *Ann. Quedlinb.*, an. 1000; R. G a n s i n i e c. Nagrobek Bolesława Chrobrego. *Przegląd Zach.*, 1951, 8, s. 444, 511; J. K a r w a s i ń s k a. Państwo polskie w przekazach hagiograficznych X—XII w. Poznań, 1962; *Początki pań. pol.*, II, s. 234—235.

⁶¹ *Gothi, qui et Sclavi*, c. V. О летописи см. F. Š i š i ć. *Letopis popa Dukljanina*. Beograd, 1928; V l. M o š i n. *Ljetopis popa Dukljanina*. Zagreb, 1950.

⁶² *Historia Salonitana*, c. VII; F. R a ě k i. *Mon. spect. hist. Slav. mer.*, *Scriptores*, III, Zagreb, 1894.

⁶³ *Libellus Gothorum, quod Latine Sclavorum dicitur regnum ex sclavonica littera verterem in latina*.

⁶⁴ «Chniga haruaccha» = *littera Sclavonica*.

⁶⁵ *Goticas litteras a quodam Methodio heretico fuisse repertas...*; *Hist. Salon.*, c. XVI.

⁶⁶ *Omnes sacerdotes Sclavorum; sed. ad Gothos*, c. XVI; *Gothi schismatici* r. 1063. — *F. R a ě k i. Documenta*, 155.

⁶⁷ *Branimir ducis Sclavorum*, c. XIII; *Sclavonia, regno Sclavonico*, c. XVI.

⁶⁸ *Sclauinica terra; Sclavi(ni)* — *F. R a ě k i. Dokumenta*, 149a; *per Sclauoniam et Dalmatiam; Sclauinorum regna* — *F. R a ě k i. Documenta*, 149b.

⁶⁹ *Monasteria quoque tam Latinam quam Graecorum siue Sclauorum cures*. *F. R a ě k i. Dokumenta*, 152/2.

⁷⁰ Перед текстом Малоловой хроники пишется о славянском языке во времена болгарского князя Симеона. В. С. К и с е л к о в. *Проуки и очерти на старобългарска литература*. София, 1956, стр. 113.

житие Мефодия ⁷¹, Кириллово Успение, Славословие ⁷², приписка к переводам сочинений Афанасия Александрийского ⁷³ и легенда о Науме (III). С XI—XII вв. начинается отождествление славянского языка с болгарским и славян с болгарами: греческое житие Климента ⁷⁴, легенда о Науме (II и III), Славословие. Кирилл считается болгаринном (Успение). В Болгарии шел такой же процесс, как в Чехии, Польше и Хорватии, где общее определение «славянский язык» постепенно отождествляется с местным языком и с его названием. Но в отличие от указанных выше стран в Болгарии в дальнейшем определение «славянский» не дифференцировалось на язык литургический и противостоящий ему местный. Славянский язык и в литургической форме определялся как «болгарский». Таким образом, представление о славянах, к которым относятся и болгары, представление, основанное на языковом родстве, появляется и здесь в условиях сильного политического и культурного воздействия греческой византийской среды.

Одновременно следует подчеркнуть тот факт, что местные названия славянских языков определяются названиями политических образований, государств. В тех же случаях, когда отдельные группы славян оказывались под инациональным управлением, они и их языки именовались *Sclavi*, как, например, словенцы ⁷⁵. В подобной ситуации находились и славянские группы в полиэтнической Венгрии; хронист короля Бельи термин *Sclavi* обычно именовал славян ⁷⁶, живущих в венгерских владениях, в то время как определения типа *Sclavi et Voemi*, *Sclavi et Bulgari*, *Sclavi et Pannonnes*, очевидно, относились к областям, населенным славянскими жителями, входящими в состав Венгерского королевства ⁷⁷. В период укрепления гегемонии венгров в Карпатском бассейне о славянах, жителях Венгрии, появляются упоминания и в других источниках, например, в венгерско-польской хронике ⁷⁸, согласно которой венгры пришли в славянскую землю, т. е. в Венгрию ⁷⁹; славянской землей называлась Венгрия и в более поздних сообщениях ⁸⁰.

Подобно тому, как было в Болгарии, и на Руси на основе более древней моравско-болгарской культурной традиции и более поздних чешского, венгерского и византийского влияний раннесредневековое понятие «славян» выкристаллизовалось в наиболее зрелой форме ⁸¹. Это понятие сформули-

⁷¹ В нем указывается, что Мефодий был князем у славян, где выучил славянский язык.

⁷² Здесь говорится о «славянских книгах» в связи с Мефодием, архиепископом панновской Моравии, и Климентом, епископом Великой Моравии.

⁷³ По приказанию болгарского короля Симеона книгу на «славянский язык из греческого» перевел епископ Константин «святой ученик Мефодия, архиепископа Моравии».

⁷⁴ «Народ славян или болгар», гл. V, VII, XVI.

⁷⁵ На территории Словении имелись мелкие княжества: Корутаны, Штирия, Краинско и др. В источниках словенцы именовались «склавами» и по названию княжеств: *Carantani*, *Pannonnes*, *Carniolenses*.

⁷⁶ *P. Magistri Gesta Hungarorum*: в Верхней Тиссе (с. 2), в Новограде (с. 33), в окрестностях Чонграда (с. 40).

⁷⁷ *Ibid.*, с. 3, 9, 11, 12, 25, 33, 43, 57.

⁷⁸ *Slavi et Chrwati; uxores Slavas et Chrwatas. Cronica Ungarorum iuncta et mixta cum cronicis Polonorum*, с. 3.

⁷⁹ Венгры пришли «non in propria regione, in aliena, que Sclavonia nominatur», a terram suam, quam atavus suus Ungariam a pellavit, с. 3.

⁸⁰ *Simonis de Keza. Gesta Hungarorum*, с. 23: *Pannoniam... Slavis tantum modo, Graecis, Teutonicis, Messianis et Ulahis advenis*. Так же и *Chron. Poson.*, с. 21: *Olachis, Grecis, Machianis, Theutunicis, Sclavis*.

⁸¹ См А. А. Шахматов. Сказание о переложении книг на словенский язык. «Зборник у славу В. Јагѳ», Берлин, 1908, стр. 172—188; «Повесть временных лет», I, Пр., 1916; Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник по истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. I—IX. Сб. по русск. яз. и слов. II/1, 1930, стр. 1—

ровано в русском памятнике начала XII в. — «Повести временных лет»⁸². Оно возникло из монистического представления о праславянах как целом, которое распалось на много частей: аналогичное представление можно встретить у современных филологов. Согласно «Повести» славяне первоначально жили на Дунае, где находятся теперь (т. е. в XII в.) Болгария и Венгрия, и составляли один народ. Оттуда они расселились и именовались по названию мест, где поселились: мораване, чехи, белые хорваты, сербы, хорутаны, ляхи, поляне, лютичи, мазовшане и поморяне, поляне (русские), древляне, дреговичи, полочане, северяне, дулебы — бужане — воляшяне, словены (новгородские). Все восточные славяне определяются как славянские народы на Руси. Наиболее значительной славянской землей называется в «Повести» Моравия, или владения Ростислава, Святополька и Коцела. Весьма выразительно отождествление русских и славян: славянский и русский народ — это одно и то же; первоначально все восточнославянские племена назывались славянами и только от пришедших к ним варягов усвоили название «Русь». О языковой базе этого понятия свидетельствует фраза, что, хотя жители вокруг Киева и назывались поляне, их язык был славянским и у всех славян был общий язык. Итак, в начале XII в.⁸³ на Руси существовало представление о славянах как целом, связанном родством языка, а также и сознание славянской (языковой) общности. Открытым остается вопрос о времени появления и воздействия этой традиции на развитие сознания славянского родства в других славянских землях. И на Руси славянская литургия и связанные с ней элементы познания были фактором, который при непрерывном влиянии византийской историографии способствовал образованию понятия славян как целого, связанного языковым родством.

Итак, существование представления о славянах как большом целом, связанном языковым родством, можно проследить уже в период перехода от античности к средневековью в западноримской и восточноримской среде; в раннем средневековье появляются сообщения, указывающие на возможность существования этого сознания у отдельных славянских народов. В конце раннего средневековья на первый план выступают также элементы христианизационно-политические. Универсалистский мир средневековья во главе с римским папством, а в светской сфере, представленный первоначально (восточно) римской империей, приобрел в 800 г. на западе второго представителя в лице Франкской империи. Но интеграционные тенденции универсализма с самого начала наталкивались на границы, определенные старым противопоставлением между *populus Romanus*, отождествляемым с *Christianus* и *gentes* (первоначально *barbarorum*; τὰ ἄβαρα), каковыми в это время являлись славяне в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, в странах, получивших в античную пору названия Германия и Сарматия. Славяне, населяющие эти области, считались в раннем средневековье на основании родства языков одним большим целым, но дифференцированным в том, что касается политической организации, нравов, обычаев и образа жизни. В древней Моравии, на наш взгляд, более выразительные проявления сознания языкового родства со славянским окружением можно установить только в связи с христианизацией. Воздействие христианских миссионеров из Франкской империи (главным образом из Баварии) или из Северной Италии вело к тому, что верхи моравского общества усваивали выработанные западноримским миром представления

106: B. Z á s t ě r o v á. A va ř i a Du ů bové v svědectví Povesti vremennych let, Vznik a poč Slovanů, III, 1960, s. 19—25; L. H a v l í k. Gens Maravorum, 119.

⁸² «Повесть временных лет», М.—Л., 1950, I, стр. 11—23. II, стр. 213—263.

⁸³ K E r i c s s o n. The Earliest Conversion of the Ruś to Christianity. Slav. and East Eur. p. Rec. 102, 1966.

о славянах как едином языковом ареале, состоящем из разных народов. Это понятие закреплялось благодаря осознанию различий между латинской сферой, или каролингской областью, и тем миром, к которому принадлежали мораване вместе с другими славянскими народами. Осознанию мораванами общеславянского родства способствовало также и прямое воздействие восточноримской сферы, где концепции славян как целого благодаря более длительным и тесным связям греческой Византии со славянской средой уделялось больше внимания. Несомненно при участии византийской культурной среды появляются те «славянские» формулировки (например, в обеих так называемых моравских легендах и в других источниках), которые имели более глубокий политический смысл и сначала обосновывали провизантийский курс⁸⁴, а затем моравские христианизационно-политические интересы в отношении славянского окружения древней Моравии, поддерживаемые Римом⁸⁵. Отношения Моравии с франкским государством Каролингов, в общем враждебные⁸⁶, также содействовали росту сознания славянского родства не только внутри моравского государственно-политического образования, но и по отношению к окружающим славянским народам, входившим в Моравское государство в период правления Святополка⁸⁷. Если Моравия под влиянием византийского и в особенности латинского римского универсализма благодаря связям с папством и усвоению греко-римского понятия «славяне» выработала понятие своей собственной христианизационно-политической миссии и попыталась стать каким-то третьим центром европейского мира, то речь шла вовсе не о какой-то осознанной «славянской» цели в романтическом понимании, а исключительно о государственно-политическом христианизационно-моравском устремлении верхов моравского общества, учитывающих несомненно и языковую близость между Моравией и соседними славянскими землями. Так это понимали в свое время и в Византии и в Риме⁸⁸.

Также и в Чехии, которая в западноримских источниках считалась землей славян (чешских), жило, очевидно, в высших общественных слоях сознание славянского языкового родства, развивавшееся в связи с государственно-политическими отношениями Чехии со славянским окружением⁸⁹, с

⁸⁴ Житие Константина, гл. XIV, XV; Житие Мефодия, гл. V, XIII.

⁸⁵ Житие Мефодия, гл. VI, VIII—XII. Это именно те формулировки, которые можно воспринимать романтически как «славянскую программу», хотя в действительности речь шла о политической программе создания в Моравии своей собственной церковной организации и иерархии.

⁸⁶ Ann. Bertin. под г. 855, 861, 862, 863, 864, 869, 870, 871, 872, 873; Ann. Fuld. под г. 846, 855, 857, 858, 863, 864, 865, 866, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 882, 884, 885, 891, 892, 893, 894—901; Reginonis Chron. под г. 860, 876, 880, 890, 892, 894. Обобщенно см. L. H a v l í k. Velká Morava a Franská říše. Hist. štúdie, VIII, 1963, s. 129—180; e g o ж е. O politických osudech a zahraničních vztazích státu a říše Moravanů. — «O počiatkoch slovenských dejín, Bratislava, 1965, s. 104—140.

⁸⁷ L. H a v l í k. Územní rozsah Velkomoravske říše v době posledních let vlády krále Svatopluka. Slovan. štúdie, III, 1960, s. 9—79.

⁸⁸ Житие Константина, гл. XIV. См. также регест письма императора Михаила III Ростиславу. L. H a v l í k. Constantine and Methodius in Moravia. — Sb. FEBU, C 11, XIII, 1964, s. 31; Житие Мефодия, гл. VIII, X—XII. В письмах папы, например, 873 г.: Methodius archiepiscopus, legatione apostolicae sedis and gentes fungentem; разрешение славянской литургии и упоминание о посвящении других епископов в местах, где Святополк сочтет необходимым учредить епископат, от 880 г. и от 885 г. ср. L. H a v l í k. The Relationship between the Great Moravian Empire and the Papal Court in the Years 880—885; «Byzantinoslavica», 26, 1965, s. 100—122.

⁸⁹ Особое значение имело отношение Чехии к Моравии, которая не была издревле чешской землей в этническом понимании, как не была издревле польской землей Силезия, Краковская и Привисленская земли. Какие-либо представления об этническом единстве обеих земель в столь отдаленном прошлом были бы грубым неисторическим анахронизмом. L. H a v l í k. Velká Morava a středovevropští Slované, Praha, 1964, s. 26—28. Об отношении между обеими землями до XII в. см. Ann. Fuld. под

Франкской, позже немецкой империей⁹⁰. Здесь ситуация не была столь сложной как в Моравии, здесь отсутствовала связь с восточноримской империей, а государственно-политические контакты с папством часто сводились к посредничеству восточной части бывшей Франкской империи⁹¹, из которой при саксонских императорах выросла в союзе с Римом новая возрожденная Римская христианская империя, в рамках которой, по представлению некоторых ее идеологов, Славония должна была занять равноценное Галлии, Ромее (т. е. Италии и Германии) положение⁹². Частью этой Славонии во второй половине X в. было Чешское государство Болеславов, а затем — Польское государство Болеслава Храброго. Если еще в конце X в. в развитии сознания славянского языкового родства в Чехии (см. Кристиан) видели затухание влияния древнего моравского культурного центра, то в дальнейшем на развитие этого понятия воздействовали культурно-политические отношения Чехии с ее западными соседями и связи с итальянской средой, в особенности во времена Войтеха. Значительным фактором было также и воздействие остальных славянских стран, в особенности Польши⁹³, связи с которой высших слоев чешского общества были очень тесными благодаря военным и политическим контактам, а также династическим бракам Пржемысловцев. Воздействие Германии способствовало образованию противопоставления между Тевтонией, пользующейся *lingua Teutonica* или *Theodesca* (*Thiudesca*), и областью *lingua Sclavica* (*Sclavonica*), к которой принадлежала Чехия. Борьба, которую Пржемысловцы вели с империей, с ее императорами и королями, князьями и графами⁹⁴, повлияла не только на формирование сознания внутри чешского государства (подобно тому как это было в свое время в Моравии), но и на формирование представления о языковой границе между немцами и чехами, а также усилила сознание родства между Чехией, Моравией и остальными славянскими странами⁹⁵. В какой-то мере проявлением такого сознания можно считать сообщения об этих славянских странах в чешских источниках. Мне кажется, однако, что в большинстве случаев первоочередное значение здесь имели политические интересы. Важно было бы выяснить, как повлияло на понятие «славяне» в других странах, в особенности в русской «Повести», формирование славянского сознания в Чехии.

Сознание славянского языкового родства, обусловленное реальными связями славянских народов и укрепившимся представлением о славянах,

г. 895, 897, 900; *Regin. Chron.* под г. 890; *Christ. mon. Vita et passio*, с. 1, 2; *Cosmae Chron. Boem.* I, 10, 14, 27, 40; II, 11, 15, 16, 18, 21, 22, 25, 27, 35, 37, 43, 47, 49; III, 4, 9, 12, 13, 16, 19, 25, 27, 33, 41, 42, 47, 51, 58; *Kanov. vyšehr.* под г. 1126, 1128, 1132, 1134, 1136, 1137, 1142; *Mnich sázav.* под г. 1137, 1142, 1143; *Vincenc* под г. 1142, 1143, 1162; *Jarloch* под г. 1176, 1179, 1182, 1184, 1185, 1186, 1192, 1193, 1197.

⁹⁰ Z. F i a l a. *Vztah českého státu k Německé říši do počátku 13. stol.* *Sborník historický*, 6, 1959, 23—95.

⁹¹ В церковных вопросах отношения Чехии с Римом были обычными. См. V. N o v o t n ý. *České dějiny*, I/2, Praha, 1913.

⁹² P. E. S c h r a m m. *Die deutschen Kaiser und Könige in den Bildern ihrer Zeit*, 1928, taf. 73, 74.

⁹³ *Cosmae Chron. Boem.* I, 34, 40; II, 13, 37, 39; III, 1, 4, 9, 16, 20, 21, 22, 23, 27, 35, 36, 37, 40, 41. См. также сообщение Ибрагима ибн Якуба. *Ann. Altah* под г. 1054; *Ann. Hildesheim.* под г. 990; *Thietmari mers. Chron.* VII, 18; VI, 34; IV, 9, 11; V, 29; VI, 14—15, 19, 22, 26, 27, 55, 56, 89—90; *Galli anon. Chronica*, I, 22; II, 3, 4, 10, 24, 25, 26, 34, 36, 37, 45, 46; III, 2—16, 25. V. N o v o t n ý. *České dějiny* I/2; *Češi a Poláci v minulosti*, I, 40—55.

⁹⁴ См. V. N o v o t n ý. *České dějiny*; Z. F i a l a. *Vztah*, с. 23—95.

⁹⁵ Например, старославянская легенда о княгине Людмиле сообщает о земле сербской, Кристиан — о мораванах, стодоранах и болгарах. Козьма — о болгарах и русах и в большей мере — о поляках. В традиционных летописях есть упоминание о том, что Кирилл и Мефодий составили болгарскую письменность, и о приглашении брата Владислава Детлеба из Руси.

как единой языковой группе, благодаря положительным или отрицательным воздействиям византийско-римской и германской среды, развивалось в диалектической связи с самосознанием территориально-культурного характера в рамках отдельных государственно-политических организаций. Это сознание осталось достоянием относительно узкого круга высших слоев общества. Что же касается сознания славянского родства, то нет сообщений, которые свидетельствовали бы об отражении его в политической практике отдельных государственных образований, хотя родство языка в соединении сполитическими интересами близких соседей, несомненно, имело значение. Эти вопросы необходимо было бы проследить и в остальных славянских странах, где существовало подобное положение. Не менее интересно было бы проследить воздействие моравского или чешского представления о языковой близости славян на развитие этого же явления в других странах.

В рамках одной статьи нельзя в достаточной мере рассмотреть все вопросы, которые связаны с проблематикой славянского сознания в раннем средневековье. Тем не менее, мне кажется, что в самой древней фазе этого развития на основании источников можно установить существования понятия славяне как целого, скорее всего, вне славянского мира, что это понимание основывалось на языковом родстве и что раннесредневековая неславянская историография учитывала этническо-политическую дифференциацию, расчленившую это целое. Насколько это первоначальное сознание возникало внутри государственно-политических образований в рамках их связей с окружающим славянским и неславянским миром, остается в значительной мере открытым вопросом. Но поскольку уже в этих образованиях мы можем установить наличие такого сознания, то необходимо задуматься, в какой мере оно является следствием их собственного опыта и какое влияние оказали на его формирование чужие историографические понятия, например, римско-византийские.

ОБ АВТОРСТВЕ АНОНИМНОЙ БОЛГАРСКОЙ ХРОНИКИ
XV ВЕКА

Живой интерес к немногочисленным, сохранившимся до наших дней памятникам средневековой славянской литературы и общественно-политической мысли нашел свое выражение в новых работах болгарских литературоведов¹. Их обращение к вопросам текстологии средневековых произведений, проблемам авторства, атрибуции, датировки и т. п. совершенно закономерно. Однако вследствие применения несовершенных текстологических методов (в частности, атрибуции лишь на основе данных языка и стиля)² в этих работах мы нередко находим весьма поспешные выводы, поверхностные сравнения, не основанные на тщательном источниковедческом анализе текстов, их содержания и идейной направленности. К числу ошибочных, к сожалению, относится и новая гипотеза К. Мечева об авторе анонимной болгарской хроники начала XV в. По его мнению, ее создал монах Исая Серрский, известный своей припиской о турецком нашествии после гибели деспота Углеша в 1371 г.

Начнем хотя бы с утверждения К. Мечева о пребывании Исая в Руси и завершении им здесь Хроники в 1415 г. (стр. 240—241). Достаточно сказать, что ссылка Мечева на использование приписки Исая в «Сказании о князьях Владимирских» (XVI в.!) не выдерживает критики: еще ранее приписка Исая была включена в Русский хронограф³, а уже отсюда попала в «Сказание». В свою очередь, выводить из общеизвестного факта южнославянской эмиграции на Русь и обнаружения Хроники в Киеве (в XIX в.) постулат о приезде столетнего старца Исая в Россию, по нашему мнению, столь же не серьезно, как и заявлять о тождестве Исая Серрского и одноименного сербского монаха (эту идентификацию убедительно опроверг еще И. Руварац)⁴.

Так же бездоказательны и приводимые К. Мечевым сведения о принадлежности Хроники этому, фактически не известному науке книжнику Исая Серрскому: автор ссылается на чисто формальное упоминание в

¹ См. П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румьния и в старата румьнска литература. София, 1966; К. Мечев. Към въпроса за авторството на пространите жития на Кирил и Методий. «Известия на Института за литература», т. XVI, 1965; е го же. Българска хроника от началото на XV в. (Историческо съдържание, идеи и художествен облик, въпросът за нейното авторство). «Известия на Института за история», т. 19, 1967, стр. 219—242; и др.

² Ср. например: Е. И. Прохоров. Текстология. М., 1966, стр. 116—122.

³ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 54—55, 148; Ъ. Сп. Радожичић. Развојни лук старе српске књижевности, 1962, стр. 165.

⁴ И. Руварац. О кнезу Лазару. Нови Сад, 1887, стр. 136—138 (впрочем, старая точка зрения еще имеет сторонников: Г. А. Острогорски. Сербска област после Душанове смрти. Београд, 1965; Ъ. Радожичић. Указ. соч.).

Хронике и в приписке 1371 г. города Серр, а также терминов «западные страны» и «въздоухъ». Между тем методологическая уязвимость такой аргументации вполне ясна⁵. Что же касается упоминания Серр, то оно как раз служит ярким свидетельством несостоятельности атрибуции Мечева: Исаяя, современник и подданный серрского деспота Углеша, естественно не мог написать, как гласит Хроника, что Углеша в своем походе против турок дошел «даже до Сера града» (т. е. до своей собственной столицы!). Более того, в поисках чисто стилистических совпадений, обычных для языка средневековой литературы, К. Мечев упустил из виду ценнейшее свидетельство идейной направленности Хроники и этнической принадлежности ее автора, которое полностью подтверждается и чрезвычайно меткими наблюдениями К. Иречека⁶. Речь идет о важнейшем месте Хроники, осуждающем как непосредственных виновников турецких опустошений и завоеваний на Балканах — с е р б с к и х и б о л г а р с к и х п р а в и т е л е й (царей Александра и Уроша, деспота Углешу и короля Вукашина), отвергших предложения византийского императора Иоанна Кантакузина⁷. Без сомнения, написать так не мог ни Исаяя Серрский, оплакивавший гибель «храброго деспота Углеша», ни любой другой болгарский или сербский книжник (кроме полностью эллинизированных).

Таким образом, на основании этого и других мест Хроники, отмеченных Иречком, мы можем считать ее лишь болгарским переводом какой-то византийской «краткой хроники» (ее неизвестный автор, близкий своим латнофильством и воспеванием заслуг Кантакузина к византийскому историку Дуке, жил, возможно в византийском «черноморском деспотате»). Между прочим, упоминание в Хронике косовского героя — серба Милоша (так, а не Милоша Кобилича) позволяет точнее датировать Хронику, созданную еще до падения Константинополя (1453 г.). Поскольку Бертрандон де ла Брокьер и Константин Костенчский (1432—1433), как и Дука, говорят о безымянном герое, а имя Милош появляется у авторов второй половины XV в. (Халкокондила и Константина из Островицы), мы можем отнести Хронику не к 1417—1418, а примерно к 1450—1452 гг., и эта дата объясняет множество ошибок в хронологии этого памятника староболгарской литературы, создателем которого, как мы показали выше, нельзя считать Исаяю Серрского.

⁵ О термине «западные страны» см., например, «Зборник радова Византолошког института», кн. 5, Београд, 1958, стр. 10—13.

⁶ «Зборник Константина Иречека», т. I, Београд, 1959, стр. 408—410.

⁷ См., например: П. Д и н е к о в и др. Христоматия по старобългарска литература. София, 1961, стр. 425—426 (ср. стр. 410 — приписка 1371 г.).

Л. Б. ЯКОВЛЕВА

ПОЭЗИЯ ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ (1941 — 1945)

Четыре года — незначительный срок и для истории народа и для истории литературы. Но четыре года народно-освободительной борьбы в Югославии были временем особым, и в истории литературы они составляют целый период.

Оккупация и раздел Югославии между немецкими и итальянскими фашистами и их сателлитами весной 1941 г.несли гибель югославской литературе. «Новый порядок», помимо социального и национального угнетения, предусматривал искоренение национальной культуры. На оккупированной территории закрывались школы, уничтожались книги, насильственно насаждались немецкий и итальянский языки. Среди первых жертв фашизма были прогрессивные писатели и деятели культуры. Сразу же после установления фашистской власти были расстреляны писатели-коммунисты Божидар Аджия, Август Цесарец, Огнен Прица, Отокар Кершовани и некоторые другие, десятки писателей были заключены в концентрационные лагеря.

Оккупация, зверства фашистов, с одной стороны, героическая борьба народа, с другой, оказали сильное воздействие на умонастроение деятелей культуры. Большинство прогрессивных югославских писателей всех национальностей активно участвовало в антифашистском сопротивлении. Многие писатели и деятели культуры — В. Назор, Й. Попович, В. Попович, Р. Зокович, М. Лалич, В. Маслеша, Дж. Йованович, В. Калев, М. Франичевич, Ю. Каштелян, М. Бор, К. Рацин, М. Божич и другие — находились в партизанских соединениях и сражались вместе со всем народом.

Борьба за свободу и независимость родины объединила писателей разных мировоззрений, возрастов, творческих судеб. В литературу освободительной войны вписали свою страницу такие крупные писатели, как словенец О. Жупанчич и хорват В. Назор. Переход к партизанам в 1942 г. 66-летнего Владимира Назора, вызвавший шумную кампанию в прессе так называемого «Независимого хорватского государства», обвинявшей партизан в похищении Назора, для партизан был равнозначен, по выражению одного из руководителей народно-освободительной борьбы, выигранной битве¹.

Многие известные писатели Югославии, разрабатывающие ныне военную тематику, в годы войны создали свои первые стихи, очерки. Немало было таких, как словенец К. Дестовник-Каюх, погибший в бою, не дожив

¹ Р. Чолакович. Записки об освободительной войне в Югославии, изд. 2. М., 1965, стр. 532.

до 22 лет, чьи первые книги остались последними книгами, чью жизнь и творчество война оборвала навсегда.

В условиях партизанской борьбы и боев писатели-патриоты не только создавали боевую антифашистскую литературу — они были бойцами, командирами, политработниками, издателями многочисленных партизанских газет, журналов, альманахов, членами «отрядов культуры» (их обязанности были очень широки — от обучения неграмотных и создания народных университетов до организации разнообразных хоровых, драматических самодеятельных коллективов).

Некоторые писатели (О. Жупанчич, Х. Кикич) участвовали в подпольной борьбе на оккупированной территории. Их произведения печатались в нелегальных изданиях.

Хорватские писатели М. Крлежа, М. Маткович, Н. Симич, С. Шимич, П. Шегедин, Д. Тадиянович и другие, находившиеся на территории «Независимого Хорватского государства», во время войны не напечатали ни строчки. Но и некоторые ранее выпущенные книги этих писателей заключали в себе угрозу новому режиму. Так, усташское фашистское правительство запретило сборник антивоенных рассказов М. Крлежи «Хорватский бог Марс» (1918—1923), разоблачавших шовинизм, псевдопатристическое суесловие о «национальной чести», «долге» и т.д., как книгу, «отравляющую нашу молодежь». «Культурное молчание» было провозглашено писателями Словении, примкнувшими к Освободительному фронту. И. Андрич отказался напечатать что бы то ни было в контролируемых фашистскими властями издательствах оккупированного Белграда. Молчание одних югославских писателей наряду с вооруженной борьбой других было формой сопротивления фашизму.

Только очень незначительная часть югославских литераторов сотрудничала в немецко-усташских или немецко-недичевских журналах и газетах (Д. Васич, Т. Манойлович, С. Пандурович, М. Будак).

В течение четырех лет войны по всей стране распространялась литература, издававшаяся органами и учреждениями народно-освободительной борьбы. По данным «Библиографии изданий в годы Народно-освободительной войны 1941—1945 гг.»² в соединениях Народно-освободительной армии и в нелегальных типографиях коммунистической партии на оккупированной территории вышло более 9,5 тыс. названий статей, книг, брошюр, газет, журналов. Вместе с политическими материалами и выступлениями, военными инструкциями и руководствами в «Библиографии» значатся десятки публицистических статей, стихотворений, рассказов, ряд книг — по преимуществу поэтических сборников. В этом списке рядом с произведениями югославских писателей стоят произведения советской литературы — статьи К. Симонова, И. Эренбурга, А. Фадеева, В. Каверина, печатавшиеся в те годы в «Красной звезде», «Правде», «Комсомольской правде», пьеса А. Глебова «Последняя встреча», роман Б. Горбатова «Непокоренные» (перевод М. Митрович) — этот роман был отпечатан в типографии Верховного штаба Народно-освободительной армии в 1944 г. большим для того времени тиражом в 5 тыс. экземпляров, и в том же году был осуществлен новый выпуск в 7 тыс. экземпляров.

Издательская деятельность и в армии и на оккупированной территории была сопряжена с огромными трудностями. Известны случаи, когда боевые операции предпринимались специально с целью захвата бумаги для партизанской печати³. Много раз бои и вражеские наступления сры-

² «Bibliografija izdanja u narodno-oslobodilačkom ratu 1941—1945». Beograd 1961.

³ В. Д е д и ј е р. Партизанске штампарije. Београд. 1945. с. 152.

вали выпуск подготовленных изданий. И все же в течение всей войны коммунистическая партия выпускала свои газеты и другие издания в Сербии, Хорватии, Словении, Черногории, Боснии, Македонии. Выходили издания Союза коммунистической молодежи и Антифашистского фронта женщин. Свои газеты, журналы, брошюры, размноженные часто на гектографе, на пишущей машинке, иногда переписанные от руки, выпускали многие соединения Народной армии. Три с половиной года действовала подпольная типография ЦК Коммунистической партии Югославии в Белграде. В ней было отпечатано несколько книг, большое количество листовок, воззваний и других материалов. Специальная полиция и гестапо всеми способами старались обнаружить типографию. Сотни патриотов были замучены и убиты в застенках, но типография продолжала работать до освобождения Белграда.

В труднейших условиях издавали литературу словенские подпольщики. Активность Освободительного фронта в Любляне, прекрасно организованного и пользовавшегося единодушной поддержкой населения, вынуждала оккупантов держать в городе большой гарнизон, построить доты перед своими главными учреждениями, опоясать город заграждениями из колючей проволоки с наблюдательными вышками и пропускными пунктами. Любляна превратилась в крепость, где днем и ночью шла борьба не на жизнь, а на смерть. Ни массовые аресты, ни отправка тысяч жителей в концлагери, ни система заложников не могли сломить сопротивление населения этого героического города. В Любляне регулярно — раз в неделю — выходила газета Освободительного фронта «Словенски порочевалец». В антифашистскую борьбу словенского народа, которому приказ Гитлера о «регерманизации» Словении угрожал полным уничтожением, органически входила борьба за национальную культуру. Среди дней, отмечавшихся по указанию Освободительного фронта массовыми акциями населения Любляны, кроме 1 мая, 7 ноября, 23 февраля, 11 апреля (день вступления итальянских войск в Любляну) были и даты рождения крупнейшего национального поэта Словении Ф. Прешерна, классика словенской литературы писателя-революционера И. Цанкара. Произведения этих писателей в годы войны стали актуальным агитационным материалом: листовка, содержащая строки Ф. Прешерна

Лучше ночь в сырой земле могил,
Чем в рабстве дни без боевой тревоги,⁴

написанные сто лет назад, звучала как боевой лозунг антифашистской борьбы.

Коммунистическая печать сплачивала народ на борьбу против фашистской оккупации, пропагандировала идеи братства и единства народов Югославии, советско-югославского боевого союза. Авторитет ее среди участников Народно-освободительной войны был очень высок. Бойцы и командиры одной из дивизий Народно-освободительной армии, посылая в центральную газету Хорватии захваченную в бою печатную машину, писали: «Мы знаем, чего стоит печать в руках у народа, который борется за свободу. Мы знаем, что наша печать такое же грозное оружие, как наши ружья и пушки.

Много раз, лежа в окопе, в грязи, часто голодные, имея перед собой численно превосходящего врага, мы из печати черпали силу. Вы сообщали нам, что где-то там, за сотни километров от нас неудержимо наступают красноармейцы. Вы говорили нам об успешной борьбе наших за-

⁴ Ф. Прешерн. Избранное. М., 1948, стр. 103.

падных союзников и всех поработанных народов. Это убеждало нас, что мы не одни, и это придавало нам новые силы»⁵.

Писатели и деятели культуры Югославии были активными сотрудниками партийной печати. В подготовке первого (после оккупации) номера «Борбы», органа ЦК Коммунистической партии Югославии, деятельно участвовал Веселин Маслеша (1906—1943). Он остался членом редакционной коллегии «Борбы» до последних дней жизни. Видный деятель Коммунистической партии, представитель философской марксистской мысли, критик и публицист В. Маслеша, погибший в бою с фашистскими оккупантами, посмертно удостоен звания Народного героя Югославии. В состав редакции «Борбы» в 1942—1943 г. входил Р. Зогиич (р. 1907), участник партизанского движения с первых его дней. В «Борбе» регулярно печатались его публицистические статьи, очерки о военных событиях под названием «Лирическая хроника», некоторые стихи, позже вошедшие в известный сборник «Упрямые строфы» (1945).

В нелегальной газете «Глас», органе Народно-освободительного фронта Сербии, по вопросам культуры выступал Джордже Йованович (1909—1943). «Словенски порочевалец» в разное время редактировали Б. Зихерл, Э. Коцбек, Ц. Космач.

Многие произведения литературы 1941—1945 г. пришли к читателям со страниц газет. Писатели, работавшие в центральной печати и в газетах, журналах, бюллетенях, выходивших в партизанских соединениях, создали немало очерков, зарисовок, стихов, составлявших неотъемлемую часть партийной печати в годы войны. Во всех органах печати, начиная с первых номеров «Борбы», видное место занимал партизанский фольклор. На конгрессе деятелей культуры, состоявшемся в 1944 г. в городе Топуско, В. Назор назвал все эти произведения ростками новой культуры, рождающейся «на тернистом партизанском пути среди боев и смерти»⁶, и подчеркнул всеобщую, всенародную любовь и интерес к литературе, которая была выражением чувств всех участников антифашистской борьбы.

Первый небольшой сборник партизанской поэзии был выпущен в Ужице к 7 ноября 1941 г. Он назывался «Антифашистские песни»⁷ и состоял частично из массовых советских песен: «Русская партизанская» («По долинам и по взгорьям...»), «Широка страна моя родная», «Конармейская» («По военной дороге»), «Марш советских авиаторов» («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью») и др., и первых народных партизанских песен: «Сербская партизанская», «Черногорская партизанская» и др.

В начале 1942 г., всего лишь через полгода после начала вооруженного восстания словенского народа, среди партизан распространилась напечатанная на гектографе небольшая книжечка стихов словенского поэта Матея Бора (Владимир Павшич, р. 1913) «Одолеем бурю». В нее вошли стихотворения «В новый мир», «Кровь за кровь», «Два письма», «Наша песня», «Ноябрьская ночь 1941 года», «Мы идем». Они сразу же получили такой читательский отклик, что стала очевидной необходимость нового издания книги. Уже эта первая партизанская книга показала, как велика была потребность в горячем поэтическом слове, обращенном к участникам войны.

В том же году вышла книга стихов Й. Поповича «Ласточка в пулеметном гнезде», была написана поэма С. Куленовича «Стоянка, мать из Кнежполя», книга Ю. Франичевича-Плочара «Через окопы». Следующие годы

⁵ Цит. по В. Д е д и е р. Партизанске штампарије, с. 152—153.

⁶ «Књига борбе о ослобођења 1941—1945». Загреб, 1951, с. 283.

⁷ К 20-летию освобождения страны «Борба» выпустила фототипированное издание этой редкой книги.

принесли новые книги — стихи и рассказы Б. Чопича, стихи И. Горана-Ковачича и В. Назора, А. Шопова, сборники народной поэзии, пьесы для партизанского театра М. Клопчича, М. Бора, Й. Хорвата, М. Яраца, Р. Филиповича.

Многое, напечатанное во время войны, особенно в газетах, оказалось безвозвратно утерянным. Еще больше из написанного в военные годы появилось в печати после освобождения. Это были новые, не публиковавшиеся по разным причинам стихи участников освободительной войны Д. Костица, О. Давичо, К. Рацина, С. Яневского, В. Марковского, М. Клопчича, Т. Селишкара, М. Франичевича и др. Тогда же вышли произведения писателей, которые, находясь на оккупированной территории, ничего не печатали. Сразу после освобождения были опубликованы написанные в оккупированном Белграде романы Иво Андрича «Мост на Дрине», «Гривничкая хроника», «Барышня», на материале далекого и не столь отдаленного прошлого, ставившие основные вопросы человеческого бытия, прославлявшие достоинство и ценность человека во всех испытаниях, утверждавшие торжество жизни над силами зла. Отмеченные высоким патриотизмом и гражданственностью стихи Д. Максимович показывали, что в годы войны поэтесса была всем сердцем с борющимся народом. Были напечатаны стихи и дневниковые записи узников фашистских концлагерей (М. Дединац, В. Глигорич), а также дневники участников освободительной борьбы (В. Назор, Ч. Миндерович, Р. Чолакович).

Литературная жизнь не затухала в самые напряженные периоды борьбы. Литература существовала и боролась вместе с народом. Она способствовала воспитанию чувств и мыслей народа, духовной мобилизации на выполнение девиза народно-освободительной борьбы: «Смерть фашизму, свобода народу!»

Выполняя свою общественную функцию, поэзия Югославии периода войны сознательно шла на заострение проблем, принципиально важных для жизни народа. Главное в поэзии военного времени — антифашистский пафос и народность, проявившаяся и в содержании, и в форме, и в самой тесной связи с читательской массой.

Связь с народом, являвшаяся всегда непрерывной традицией передовой литературы Югославии, особенно окрепла в годы войны. Чувство единой судьбы со всем народом, которому приходится в смертельной борьбе защищать свою жизнь, свою свободу, свою культуру, одушевляет творчество всех поэтов — участников народно-освободительной борьбы.

О долге поэта быть со своим народом напомнил в начале войны выдающийся словенский поэт старшего поколения, участник антифашистского сопротивления Отон Жупанчич (1878—1949). Напечатанное в сентябре 1941 г. в «Словенском порочевалце» его стихотворение «Чтишь, поэт, свой долг?» призывало поэта слагать песни мценя и борьбы.

Создание произведений, обращенных к народу, поднимающих на борьбу, понималось как осуществление высшего назначения поэзии. Для поэта-партизана его творчество было исполнением политического и гражданского долга. Это был «души и крови приказ» (М. Бор). Поэт не мыслил себя вне судьбы, борьбы, страданий народа, и это порождало понимание поэтического творчества как части общенародной борьбы. «Моя песнь — не моя лишь песнь: это крик всех нас! Моя песнь — не моя лишь песнь: это бой всех нас», — писал в стихотворении «Наша песнь» словенский поэт Карел Дестовник-Каюх (1922—1944). Поэт — боец и революционер — получил право и возможность говорить от имени всей Словении. Отвечая «жалким холопам», считавшим борьбу малочисленного населения Словении с немецкой военной машиной бессмысленной, поэт заявлял:

Мы не былинки,
Нас град нещадный не побьет,
И мы не просто цифры счета,
Мы — народ!⁸

(Перевод А. СУРКОВА)

Лирическое «я» поэта в стихах К. Дестовника-Каюха и других представителей поэзии этого времени сливается с созданным поэзией образом народа.

Необычайно обострившееся в эти годы чувство родной земли, родной природы, родного языка — всего, над чем нависла угроза,— вызывало частое обращение поэзии к теме родины. Подобно тому как в советскую литературу вошли симоновские «проселки, что дедами пройденъ», строки А. Ахматовой, прославляющей «великое русское слово», «Родина» А. Толстого, югославские писатели создали ряд образов, связанных с родной землей. Р. Зогович писал в 1941 г.:

Ловчен,
ты древком взметнулся до неба,
и пад тобою туча — как знамя,
знамя народное
боли и гнева!⁹

(Перевод С. КУНЯЕВА)

Много раз воспетый в народной поэзии Ловчен, горная вершина Черногории, на которой похоронен выдающийся государственный деятель и поэт-патриот Петр II Негош, становится в стихотворении «Ловчен» знаменем народной борьбы против оккупантов. Образы родной земли в стихах Р. Зоговича, В. Назора, О. Жупанчича воспринимаются как символ народного сопротивления врагу. Писатели Югославии сумели связать воедино в понятии родины то, что уходило корнями в прошлое, что составляло национальную гордость народов, населяющих Югославию, с тем новым, революционным, интернационалистским восприятием жизни, которое формировалось в обществе и в литературе в 40-е годы.

Объективная необходимость, выдвинувшая на первое место пропагандистско-агитационные задачи, не только вызвала жанровую перестройку литературы, преимущественное развитие таких боевых, открыто пропагандистских форм, как публицистика, очерк, гражданская лирика, но сделала литературу военных лет прежде всего страстным боевым призывом поэта к соотечественникам. Слова В. Маяковского «В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг» зазвучали актуально для литературы Югославии в эти годы. Стихотворение и строилось часто как обращение, рассчитанное на немедленный отклик, побуждающее к действию, к борьбе. нередки случаи, когда стихи писались в обстановке боя и имели значение ободряющего напутствия или боевого приказа. Так, например, написано стихотворение словенского поэта Тоне Селишкара «В атаку». Адресованное бойцам VIII словенской партизанской бригады, которые вели в ноябре 1943 г. тяжелые бои южнее Любляны, оно было призывом к бою. Это стихотворение, положенное на музыку, стало боевой песней бригады. Подобные случаи не были исключением.

Целеустремленность, пафос жизнеутверждения, гуманизм — главные черты литературы народно-освободительной войны в Югославии. Эти черты присущи и тем книгам, которые вышли в 1942 г., вслед за сборником М. Бора: «Ласточка в пулеметном гнезде» Й. Поповича, «Через окопы» Ю. Франичевича-Плочара. В самый трудный период борьбы с фашизмом в Югославии книги югославских писателей выражали уверен-

⁸ «Поэты Югославии XIX—XX вв.» М., 1963, стр. 546.

⁹ Там же, стр. 408.

ность в том, что народ победит, что «на пожарищах будет построена новая жизнь» (Ю. Франичевич-Плочар). Эти книги утверждали жизнь вопреки фашистским зверствам, и потому, хотя трагические и ужасные стороны войны в них не обойдены, им не свойствен тот скорбный тон, мотив родины-мученицы, который был присущ, например, польской подпольной поэзии тех же лет («Независимая песня», Варшава, 1942).

Небольшой сборник сербского поэта Йована Поповича (1905—1952) «Ласточка в пулеметном гнезде», напечатанный в партизанской типографии Санджакской бригады, стихи из которого впоследствии много раз перепечатывались различными партизанскими газетами, от первой до последней строки проникнут духом борьбы. Всем строем своих размышлений о судьбе родины, характером своего творчества поэт и революционер Й. Попович был подготовлен к тому, чтобы воспринять революцию и вооруженную борьбу народа за освобождение родины как осуществление идеалов, за которые он сражался в 30-е годы.

Даже трагическая тема, связанная с отступлением, смертью, получает у Й. Поповича высокое патриотическое осмысление.

... смерть — она повсюду, почему ж, откуда
Эта радость странная у меня в груди.
Вспоминаю все, что я любил когда-то,
Вспоминаю все, чем жизнь моя богата,
Память, поскорее все перебери!
Было счастье, боль и унижение,
Но не страшно умереть в сраженье.
Родина, во имя яркой жизни
Я отдал бы самых долгих три.¹⁰

(«В снегу», перевод Л. ТООМА)

Как и вся югославская поэзия военных лет, стихи Й. Поповича прославляли окрепшее в условиях войны, умудренное пережитыми страданиями, чувство человеческого и гражданского достоинства. Грядущая победа народа, новый мир, который она утвердит, становились в стихах Й. Поповича, М. Бора, Ю. Франичевича-Плочара и других поэтов символом красоты и осмысленности человеческих жертв, сутью человеческого существования вообще.

Поэзия военных лет показала войну во всей ее драматической сложности — в переплетении трагизма и героики, пафоса и интимных человеческих чувств. Писатели страны, потерявшей в войну каждого десятого своего жителя, не могли не думать о цене победы, о жертвах, принесенных во имя свободы, но в то же время неизменно утверждали силу духа человека.

«Можешь ли ты закрыть глаза, когда Время течет мимо тебя, как кровавая река?» — спрашивал себя хорватский поэт и прозаик И. Горан-Ковачич (1913—1943) в стихах, написанных в начале войны в Загребе. Перейдя вместе с В. Назором в 1942 г. к партизанам, И. Горан-Ковачич писал лирические стихотворения, полные ненависти к оккупантам, боли за тех, кого «более нет, ибо они хотели быть», гордости за свой мужественный народ. Эти стихи («Наша свобода», «Огненный поезд», «Коммунистической партии», «Партизанка», «Утро», «Весна», «Ненавидим вас» и др.) вошли в сборник «Хорватские партизанские стихи», выпущенный в 1943 г. И. Гораном совместно с В. Назором (в сборник включено известное стихотворение Назора, написанное в партизанский период, «Лодка на Куле»).

Тогда же, в начале 1943 г., И. Гораном-Ковачичем была создана поэма «Яма», занимающая место в ряду самых значительных произведений литературы периода народно-освободительной войны, впоследствии пере-

¹⁰ Там же, стр. 384.

веденная на многие языки. В ней с жестокими подробностями рассказывается об уничтожении сербского населения усташами. Рассказ ведется от имени человека, которому усташа выкололи глаза и которому чудом удалось выловиться из ямы с трупами. По языку и метрике этот рассказ приближается к народной балладе, что как нельзя более точно отвечает содержанию поэмы. Это содержание несводимо к трагической судьбе одной из жертв войны. Поэма вырастает в повествование о страданиях народа от фашизма.

Произведение И. Горана звучит проклятием злодеяниям усташей, самым громким проклятием, которое было произнесено в литературе Югославии. Но это не единственный аспект поэмы. Она одновременно — крик протеста против всех убийств невинных, которые были или могут быть, против всех войн. И самое главное, ей свойственна высокая человечность, прославление силы человеческого духа, неистребимой и перед лицом смерти. «В Свободу и Отмщение — верю!» — говорит в финале герой поэмы, который, пройдя через нечеловеческие муки, сохранил стремление к борьбе и свободе.

«Яма» была написана в течение короткого времени, в трудный для партизанского движения период одного из больших фашистских наступлений. Сохранились воспоминания одного партизана о последних днях Горана-Ковачича, об обстановке, в которой была создана «Яма». «Мы шли, пробиваясь через бесконечные леса Зеленгоры, голодные, босые, изнемогающие... Вечером, когда мы остановились у одной речушки, я позвал Горана в нашу группу... Мы поужинали вареной травой и крапивой... Наутро мы продолжали путь под проливным дождем и после целого дня ходьбы пришли, такие же голодные и падающие от усталости, к каким-то хижинам и здесь остановились... Вечером мы продолжили разговор... Говорили обо всем. О литературе. О музыке. Он рассказал мне о „Яме“¹¹. Как многие другие произведения того времени, поэма впервые прозвучала в устном исполнении, ее первыми слушателями были раненые Первой пролетарской дивизии. Вражеское наступление не дало возможности напечатать «Яму» в партизанской газете, как вначале предполагалось, и она не вышла в свет при жизни И. Горана-Ковачича. Но уже в следующем, 1944 г., после гибели автора, поэма была выпущена четырьмя изданиями, а в 1945 г. — еще двумя.

Понимание характера войны, личный опыт И. Горана-Ковачича послужили предпосылками к созданию произведения, обладающего тем качеством, которое в советской литературе этого времени определялось словами «наука ненависти». Но обучая «науке ненависти» партизанская поэзия — и это особенно наглядно видно в таких драматических по содержанию произведениях, как «Яма» И. Горана-Ковачича, как «Тифозные» Ю. Каштеляна, — не перестает славить ценность и бессмертие человека. Высокая человечность поэзии не только не была утрачена в обстановке фашистских зверств, массовых убийств, постоянной угрозы человеческой жизни, но еще более окрепла и обострилась. Убеждение в том, что «сила земли — Человек» (М. Бор), присущее поэзии народной войны в Югославии, определило ее гуманизм.

Война, обрушившаяся на народы Югославии, была беспримерно жестокой, такой она вошла и в литературу. Но война, которая велась за правое дело, за высокие идеалы, обнаружила лучшие человеческие качества, силу нравственных и моральных устоев человека, и это тоже нашло отражение в литературе. Именно этот период развития поэзии Югославии отличается невиданным ни до того, ни после обилием героических

¹¹ M. Jurković. Ogleđi i kritički dnevnik. Beograd, 1966, s. 56.

образов, вошедших в нее из жизни. Не скорбь об утратах, как бы велики они ни были, не пацифизм, а героика господствовала в поэзии Югославии от первых до последних лет войны. Писатели стремились создавать героические образы, которые служили бы примером для многих людей в критические моменты их жизни. Героический пафос, присущий литературе Югославии, создает внутреннюю близость между нею и советской литературой тех лет.

Героика войны в партизанской поэзии воплощена, как правило, в образах романтически приподнятых, обобщающих наиболее существенные стороны народного сознания тех лет. Таков центральный образ поэмы С. Куленовича «Стоянка, мать из Кнежполя», передающий сущность национального характера, величие народного подвига. Конкретно-исторической основой поэмы С. Куленовича послужили бои на горном массиве Козара летом 1942 г., кровопролитные и жестокие бои, в которых партизаны понесли большие потери; во время этой операции карателями было уничтожено несколько десятков тысяч жителей окрестных деревень. Но сражение на Козаре выявило и силу народного сопротивления фашизму, оно доказало, что борьбу народа за свободу нельзя подавить никакими жестокостями, что палачи не всемогущи. К теме Козары, как воплощению героики и трагизма войны, многократно обращались на протяжении послевоенных лет писатели, поэты, кинематографисты Югославии. Поэма С. Куленовича, участника боев на Козаре, впервые, непосредственно по следам боев, вводит эту тему в литературу, раскрывая величие и негибаемость человеческого духа в нечеловеческой действительности войны. Эта поэма — плач матери, потерявшей в бою с фашистами трех сыновей. Но как и герой «Ямы» И. Горана-Ковачича, в «Стоянке» С. Куленовича героиня преодолевает скорбь личной утраты. Превозмогая горе, она взывает к отмщению, к продолжению борьбы, в которой погибли ее сыновья. Обращаясь к Козаре, героиня поэмы клянется, что, если бы у нее было еще трижды по три сына, она и их отдала бы за непокоренную, свободную Козару.

Тема матери, защитницы жизни, которая в дни великих и трагических событий в народной судьбе посылает своих сыновей в бой за общее дело, получившая развитие во многих национальных литературах, занимает заметное место в югославской литературе военного времени. Кроме поэмы С. Куленовича, образу матери посвящена лирика и проза Б. Чопича, стихи К. Дестовника-Каюха («Мать трех партизан», «Где ты, мама?», «Матери павшего партизана»), пьеса М. Клопчича «Мать», произведения народного творчества.

По своему воплощению образ матери в поэме С. Куленовича восходит к фольклорной традиции. В поэме присутствует дух народных баллад, и ее главная героиня предстает как былинный образ. Явственная близость к фольклору накладывает на образ определенный отпечаток, но принцип его построения характерен для всей литературы тех лет. Близость поэмы С. Куленовича и других крупных произведений югославской поэзии времени войны к народному творчеству проявляется и не столько в литературной форме, сколько в форме мышления. Присущие фольклору особенности художественного мышления: предельная обобщенность фактов и человеческих характеров, концентрация внимания не на индивидуальных свойствах человека, а на всеобщих, стремление к созданию коллективного образа, коллективной воли, коллективного порыва, совпадали с устремлениями литературы того периода. Литература тех лет поднималась над частными человеческими особенностями, чертами, чувствами, передавая общезначимое, связывающее и соединяющее отдельного человека со всем народом. Создавая образ, художник не пользовался полутонами, наоборот, он старался «стереть случайные черты», то, что казалось ему в тех

условиях несущественным, и высветить доминирующее в характере человека, определяемое его связью с главными событиями эпохи. Этот принцип, хотя и заключал в себе угрозу утраты индивидуальной неповторимости, сведения человека к олицетворению идеи, находился в соответствии и с уровнем общественного сознания и с задачами, которые вставали на том этапе перед обществом и которые писатель не мог не воспринимать как задачи жгуче современные.

В героическом образе для писателя воплощалась главная цель творчества — духовно вооружить своих сограждан, вдохновить их на борьбу. Жизненная достоверность героини, не вымышленное, подлинное ее содержание многократно усиливали ее воздействие. Р. Чолакович назвал поэму С. Куленовича «самой сильной вещью о нашей борьбе»¹², и это свидетельство современника и участника событий говорит о значении поэмы для тех, кому она была адресована. «Стоянка» впервые была прочитана перед участниками сражения на Козаре, затем, отправленная с курьером в газету «Крайнский партизан», была в ней напечатана. В то время, когда фашистская пропаганда утверждала, что партизанское движение в крае сломлено, что Козара стала «могилой партизан» поэма несла тысячам людей правду о событиях на Козаре, правду, состоящую в том, что борьба народа не может быть задавлена, что она продолжается.

Невозможно рассматривать поэзию периода войны, не учитывая того, чем она была для людей, сражавшихся с оккупантами, упуская из вида ее боевую активность, ее воспитательное воздействие. Сейчас, когда от окончания войны прошло больше двух десятилетий, и война видится в исторической ретроспекции, все яснее становится, какой она была великой школой гражданственности. Народно-освободительная антифашистская борьба в Югославии захватила очень широкие слои народа. Партизаны должны были не только вести вооруженную борьбу против оккупантов, но и воевать за сознание людей, еще не отрешившихся от предрассудков и взаимного недоверия, от национальной и религиозной вражды, всячески подогреваемых фашистской пропагандой. То, что в сознании многих и многих людей за короткий срок произошел глубокий поворот, то, что он вообще произошел, было результатом колоссальной воспитательной работы, проводимой Коммунистической партией. Процесс роста гражданского, патриотического, интернационального сознания, процесс невиданно широкий и сложный, имел решающее значение для победы. Особая роль в этом процессе принадлежала литературе. Позже, в послевоенные годы, бурный рост гражданского самосознания участников освободительной борьбы стал предметом художественного изображения во многих произведениях писателей Югославии — особенно в романах. В предисловии к книге стихов «Одолеем бурю», выпущенной в Любляне в 1961 г. к 20-летию народного восстания, М. Бор назвал стихи тех лет «правдой о времени, которое их создало и которое они... тоже по-своему создавали».

Стихи, проза, публицистика, драматургия показывали рождение в огне революции нового человека, антифашиста и интернационалиста. В одной из статей, написанной вскоре после войны, Й. Попович назвал самым характерным явлением освободительной войны «рост людей». По существу, вся поэзия и проза военного времени показывают этот процесс. В этом отношении выделяются рассказы Бранко Чопича (р. 1915), у которого во время войны вышли три книги стихов и прозы — «Рождение отечества в огне» (1944), «Рассказы-партизаны» (1944), «Стихи-пионеры» (1945). Военные рассказы Б. Чопича начинают важную для искусства Югославии тему — о крестьянине в революции. Чопич показывает, как в револю-

¹² Р. Чолакович. Указ. соч., стр. 589.

ционной борьбе перерождается его герой-крестьянин, вчера еще косный, замкнутый в себе, недоверчивый и настороженный ко всему новому. На смену дедовским понятиям, религиозным и национальным предрассудкам, разжигаемым националистами, приходит новое революционное сознание, новое понимание жизни.

Величие народного подвига — неисчерпаемая тема искусства. Это доказывает устойчивый интерес к военной теме, более того, ее доминантное положение в национальных литературах Югославии в течение всего послевоенного двадцатилетия.

Понятно, что эстетическое освоение такого явления, как народно-освободительная борьба, не могло проходить легко и быстро. Условия военной действительности, в которых находились писатели, первыми приступившие к осуществлению этой задачи, чрезвычайно усугубляли трудности, неизбежные при овладении новым жизненным материалом. Но сама задача рассказать «правду о времени» (М. Бор), раскрыть эту правду перед каждым современником, вовлечь его в борьбу за эту правду, вставала в те годы перед литературой с невиданной остротой. Партизанская литература 1941—1945 гг., делавшая первые шаги к художественному постижению действительности войны, при всех затруднениях, находила и правильные, правдивые решения.

Важная и выразительная страница в художественную летопись народно-освободительной борьбы вписана партизанским фольклором.

В годы войны народная песенная традиция возродилась с новой силой. Количество партизанских песен, стихов, баллад, созданных во время войны, исчисляется тысячами (в архиве Института этнографии Сербской академии наук в настоящее время собрано около 20000 записей народных песен военных и первых послевоенных лет).

В идейно-художественном отношении фольклор народно-освободительной борьбы представляет собой явление своеобразное и необычное. Партизанская народная песня продолжала традицию борьбы против угнетателей, очень сильную в народном творчестве южных славян. Новой в партизанском фольклоре была антифашистская направленность и актуальная тематика, почерпнутая непосредственно из действительности народно-освободительной борьбы. Главной закономерностью развития фольклора в этот период было творческое преобразование и обновление традиции и сближение его в идейно-тематическом и отчасти стилевом отношении с профессиональным искусством, в первую очередь с массовой песней. Партизанский фольклор сформировался не только под влиянием традиционного балканского фольклора, на него оказала сильное воздействие литературная традиция революционной песни, а также творчество партизан — профессиональных литераторов. Частое обращение поэтов-профессионалов к образам и метрике фольклора встречалось с обратным процессом — безымянные певцы опирались на литературную традицию. Упомянутый выше сборник «Антифашистские песни», выпущенный к 24-й годовщине Октябрьской революции, а за ним и другие стихотворные сборники, скрепляли единство революционной массовой песни и народного творчества.

Большой популярностью у партизан пользовались революционные песни югославских рабочих, русские, польские, испанские революционные песни. «Все эти песни... оказали значительное воздействие на содержание и эстетическое воплощение партизанской народной поэзии»¹³, — пишет проф. Т. Вуканович. Часто исполняемые в своем подлинном виде, рево-

¹³ Т. П. Вуканович. Српске народne партизанске песме. Врање. 1966, с. 35.

люционные песни разных народов служили также основой для создания новых текстов. Из многих песен, обретших второе, фольклорное, бытие за пределами своей родины, может быть, наиболее интересна судьба советской песни «По долинам и по взгорьям», популярной в Югославии. Только в переводе на словенский язык она несколько раз выходила в партизанских песенниках под разными названиями («Партизанская», «Песня партизанских стрелков» и др.). Позднее на этот текст В. Михеличем была написана новая мелодия (песня «Партизанская»). В сборнике словенских партизанских песен «Пойте с нами» она была помещена как народная, без указания автора. Затем неизвестным автором-партизаном был написан новый текст этой песни, а мелодия снова изменена. В таком виде «Партизанская» песня и до сих пор поется в Словении.

Результатом активного взаимодействия фольклора с профессиональной литературой, в том числе интернациональной, явилась большая близость в развитии фольклора Югославии и других славянских стран. Усиленное сходными для многих стран условиями партизанской борьбы это взаимодействие стало источником не только единства идейного содержания, но сходства образов, близости сюжетных ситуаций в фольклоре разных славянских народов.

Многие народные песни, имевшие локальный характер, не поднимавшиеся над частным эпизодом войны, со временем стали достоянием архивов. Историческая ценность партизанской песни определяется не ее документальностью, не заключенной в ней информацией, а тем, что она является своеобразной формой идейного и художественного сознания народных масс, что в этой песне дается обобщенное отражение действительности и выражение народного отношения к ней.

Партизанская народная песня, воспевающая героический подвиг, готовность к жертвам во имя победы над врагом, проникнута боевым настроением, верой в победу, убеждением в неодолимости народного войска. Свойственный ей современный революционный дух преобразовал классическую фольклорную традицию, сообщил новое звучание характерным для народной поэзии образам.

Народное творчество в течение четырех лет войны занимало почетное место на страницах партизанской печати. В Словении в 1942—1944 гг. отделом пропаганды Главного штаба НОАЮ и партизанских отрядов были выпущены сборники «Словенские партизанские песни» (1942), «Песни борьбы» (1943). «Наша песня» (1943—1944), в которых рядом со стихами поэтов-профессионалов печатались народные стихи, стихи неизвестных авторов. Такие же сборники выходили в Хорватии — «Песни борьбы» (1942), «Песни, которые мы поем» (1943), «Песни нашей борьбы» (1943), «Наши песни» (1944). В 1943 г. вышел составленный Д. Недельковичем сборник «Партизанские песни», а в 1944 г. — сборник «Друже Тито, любичица бела», составленный и отредактированный Дж. Косаком и В. Поповичем (в издании 1947 г. он назван «Народные песни борьбы и освобождения»), — первое, наиболее полное собрание народного творчества военных лет. В 1943 г. были опубликованы «Македонские народно-освободительные песни», подготовленные к печати Кочо Рацином (1909—1943).

Опыт, вынесенный литературой Югославии из военных лет, оказался самым значительным, живым и первостепенным, надолго определив темы книг, круг героев, нравственные категории. В течение всего послевоенного времени тема войны главенствует в литературе. И какие бы новые стороны ни открывались в ней, какие бы новые аспекты ни возникали, что закономерно и естественно, литература, сложившаяся в 1941—1945 гг., в лучших своих произведениях доносит до наших дней главное — подвиг народа в народно-освободительной войне.

А. В. ЛИПАТОВ

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИЦИЗМА

На научной сессии 1967 г., проходившей в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (ИМЛИ) и посвященной проблемам национальных литератур XVIII в., оживленно обсуждался вопрос идейно-художественной специфики, сводящийся во многих выступлениях к дилемме: классицизм или просветительский реализм? Причем, если в дискуссии 1957 г. лишь в некоторых выступлениях подвергалась сомнению применимость категории реализма по отношению к литературам Возрождения и Просвещения¹, то теперь сторонники такой концепции просветительского реализма, которая распространяется на всю разнообразную в идейном и художественном отношении панораму просветительской литературы, не только оказались в меньшинстве, но и не проявили особой активности в отстаивании своих воззрений.

Знаменательной чертой многих суждений наших литературоведов о классицизме является его отождествление с поэтикой Буало или Горация. Это особенно характерно для специалистов, занимающихся XVIII в. и позднейшими периодами (когда именно такая концепция классицизма приобрела превалирующее значение — прежде всего у эпигонов). Между тем, классицизм не был явлением застывшим и сформировавшимся сразу же — под пером Горация или Буало. Он развивается вместе с развитием философско-эстетических доктрин и самой художественной литературы. Распространенное же у нас суждение является, по-видимому, результатом пробелов в исследовании истории поэтики и художественной практики классицизма. Впрочем, пробелы эти в последние годы отчасти восполняются. Назовем хотя бы книгу Ю. Б. Виппера², появившуюся вскоре после конференции в ИМЛИ. Автор исследует первую фазу французского классицизма, эволюцию его теории и поэзии начала XVII в. Годом раньше в Польской Народной Республике вышла книга «Литературная доктрина польского классицизма» С. Петрашко³. В связи с последними дискуссиями в нашем литературоведении это фундаментальное исследование может представлять интерес и для советских ученых. Рассмотрим работу С. Петрашко подробнее.

Изучая теорию классицизма, которому принадлежала ведущая роль в преодолении упадка польской литературы периода сарматского барокко и развитии просветительского искусства, автор приходит к выводу о хронологической и теоретической вторичности поэтик по отношению к худо-

¹ «Проблемы реализма», М., 1959.

² Ю. Б. В и п е р. Формирование классицизма во французской поэзии начала XVII века. М., 1967.

³ S. Pietraszko. Doktryna literacka polskiego Klasycyzmu. Wrocław—Warszawa — Kraków, 1966.

жественному творчеству. Связанная с определенными периодами национальной истории, национальными традициями и устремлениями, художественная литература при всех ее связях с зарубежной философско-эстетической мыслью обуславливает и национальную специфику своей теоретической доктрины, нередко придавая ей особые функции и по-своему интерпретируя отдельные положения, почерпнутые из теории и художественной практики иностранных авторов. Рассматривая становление и развитие западноевропейских классицистических концепций — различных в разные исторические периоды в разных странах, автор оперирует понятием классицизма как модели культуры (стр. 52), т. е. более объемным, чем такие традиционные литературоведческие термины, как направление, стилевое течение, школа или (применяемый у нас) метод.

Сущность эволюции классицистических доктрин автор видит не в изменениях трактовок жанров, стилей, версификационно-технических эталонов, даже не во введении новых категорий (например, вкуса — у Буало) и не в пересмотре принципа подражания и наследования античных традиций.

С развитием общества изменяется само видение действительности, специфическое для каждого исторического периода каждой страны. Меняются принципы или соотношение принципов воспроизведения, типизации и оценки реальности. Поэтому, сравнивая классицистические кодексы разных времен и народов, важно выявить «не формальное совпадение или адекватность звучания теоретических формулировок, а сходство функций этих формулировок, нередко довольно отдаленное, основанное на сходстве культурно-исторических ситуаций» (стр. 57).

Важно подчеркнуть и опущенное автором различие философских основ художественного видения и теоретических обобщений классицизма разных исторических периодов, основ, предопределяющих специфику эстетических функций разных элементов поэтик. В XVII в. классицистическое видение было обусловлено рационализмом в философии и абсолютизмом в идеологии, в век Просвещения — эмпиризмом (сочетающимся иногда с элементами рационализма) и материализмом, а в сфере идеологии — теорией просвещенного абсолютизма или буржуазной демократии.

При исследовании развития классицистической теории особое значение имеют характер и принципы периодизации.

Ю. Б. Виппер исходит из общественно-политических факторов, обуславливающих литературное творчество и теорию⁴, С. Петрашко — из внутренних закономерностей эволюции литературы, собственно эстетических факторов, обусловленных общественно-политической действительностью и философской мыслью⁵. Польский ученый, во многом разделяя точку зрения француза Р. Брэ⁶, видит следующие вехи в эволюции французского классицизма: от манифеста Дю Белле до конца XVI в.; от выступления Малерба до раннего творчества Буало, 1660 — 1680 (период сближения доктрины и литературы); от 1680 до второй половины XVIII в.

Исследуя характер соотношения художественного творчества и теоретических предписаний каждого периода, Петрашко констатирует: «никогда, ни одна система правил поэтики последовательно не соблюдалась в литературной практике даже теми теоретиками, которые сами, как например Буало, занимались поэтическим творчеством» (стр. 41).

Рождение литературно-теоретической системы обусловлено конкретными потребностями общества, определенными для каждого историче-

⁴ Ю. Б. В и п п е р. Указ. соч., стр. 12—13.

⁵ S. P i e t r a s z k o. Ibid., s. 58—63.

⁶ R. B r a u. La Formation de la doctrine classique en France. Paris, 1964.

ского периода и отображающими концепцию нового идеала, сущность которого отнюдь не ограничивалась сферой стиля, каталогом технических предписаний и перечнем образцов. Именно это определяет значение поэтики в общественной действительности, ее связь с художественным творчеством, ее роль в развитии литературного процесса. В таком аспекте Петрашко продолжает исследование, переходя к рассмотрению развития классицистической доктрины в Польше. Характерной чертой первых польских классицистических деклараций (теоретические выступления И. Красицкого, М. Мнишека, программа «Монитора» в 1765—1766 гг.) является довольно либеральная трактовка предписаний и свободная интерпретация норм поэтики Буало. Такая позиция была обусловлена тем, что польские просветители, постулируя создание новой литературы, рассматриваемой как орудие борьбы за реформы, средство перевоспитания общества, исходили из реальных социально-политических потребностей Речи Посполитой, а не «чистой» эстетической теории. Одновременно, по мере распространения и развития новых тенденций в художественной литературе, развивалась и теория, вбирая и используя отдельные положения французской классицистической мысли своего времени (Батту, Мармонтель, Вольтер и др.). Подобное отношение к художественной теории и практике характерно и для первых польских классицистических поэтов, появившихся в период расцвета классицизма и утверждения новых эстетических тенденций и литературных направлений. Так, Ф. Н. Голяньский в своей поэтике («О красноречии и поэзии», 1786) противопоставляет сарматскому маньеризму классицистические принципы. Однако в его теории художественного отображения и стиля преобладает концепция сентиментализма, явно чувствуются влияния Руссо. В отличие от Буало не античности, а современным образцам отдает он свое предпочтение. Концепция вкуса у Голяньского, близкая Вольтеру, также не совпадает с теорией Буало. Рассматривая искусство в развитии, польский теоретик указывает и на эволюцию вкуса (подобную позицию занимали Батту и Мармонтель). В классификации жанров Голяньский, соблюдая традицию Буало, указывает в то же время на их эволюцию, вводя в качестве иллюстраций произведения современности, а не античности, как принято было в классицистических поэтиках XVII в. Характерной чертой теории Голяньского является немислимо в строгой классицистической иерархии жанров минувшей эпохи стремление к стиранию граней между поэзией и прозой (подобная тенденция ранее наметилась в выступлениях О. Копчиньского, А. К. Чарторьского, Ф. Карпиньского). В области теории драмы Голяньский ставит под вопрос классицистическое предписание относительно героя трагедии (представитель высшего сословия) и места действия (высшие сферы общества). В вышедшем двумя годами позже стихотворном трактате Ф. К. Дмоховского «Искусство поэзии», образцом для которого была поэтика Буало, уже выступает теория мещанской драмы, близкая концепции Дидро, современность противопоставлена античности, а догматической трактовке правил противопоставлена концепция их относительности. Так, например, для гения, по мнению Дмоховского, вообще не существуют правила и предписания — он сам создает их своим творчеством. Эти специфические (в сопоставлении с европейскими кодексами) черты польской теории являются вполне убедительным обоснованием для выдвигания понятия «польский классицизм»; при этом, может быть, исходя из типологической концепции классицизмов, специфичных для каждой эпохи, стоило бы еще ввести определение «просветительский», конкретизирующее как философско-эстетическую сущность, так и исторический период возникновения этой доктрины. Кроме того, сам характер и направленность эволюции польского классицизма XVIII в., как и его философский, эс-

стетический, этический, а отчасти и социально-политический идеал, не только в определенных пунктах совпадают, но и (как было отмечено выше) восходят к европейским просветительским концепциям, являясь одной из национальных разновидностей (обусловленных национальной историей и общественно-политической ситуацией) общеевропейского Просвещения — процесса, комплекса явлений, не ограниченного национальными барьерами и государственными границами, ввиду его обусловленности общими для народов Европы общественно-экономическими факторами исторического развития.

Понятие «просветительский классицизм», определяя философско-эстетическую сущность одного из литературных направлений Просвещения, казалось бы, исключает нивелирующую художественное разнообразие литературы XVIII в., разных ее направлений, течений и школ, трактовку польских (и наших) ученых, оперировавших понятием просветительского реализма как метода. Петрашко спокойно и объективно изложил круг противоречий и упрощений, связанных с введением этой категории в Польшу 50-х годов⁷. У нас ситуация в этом отношении существенно отличается. Термин «художественный метод» приобретает (и продолжает приобретать) столько интерпретаций, что Г. Н. Пospelов счел необходимым напомнить литературоведам первоначальное значение этого термина, фигурировавшее у нас при его введении в 30-е годы⁸. Однако пока не появилось никаких симптомов, указывающих на то, что Г. Н. Пospelову удалось что-нибудь прояснить.

Между тем каждая наука (в том числе и литературоведение) должна оперировать точными и определенными понятиями, в связи с чем, может быть, стоит вернуться к понятию просветительского реализма как литературного направления — понятию, употребляемому в ряду таких, как барокко, классицизм, рококо, сентиментализм, романтизм и т. п.

С. Петрашко, отказавшись от упрощений, характерных для польского литературоведения первой половины 50-х годов, в то же время в определенной степени продолжил тенденцию нивелирования философско-эстетической специфики литературных явлений, включив в круг польской классицистической доктрины теоретические концепции рококо и сентиментализма (Ф. Карпиньский).

Рассматривая теорию Карпиньского как некую разновидность классицизма прежде всего на том основании, что философские воззрения «поэта сердца» во многом совпадают с классицистическим видением — идеалом автор, вероятно, не учитывает, что явление это вообще типично и характерно для эпохи. Рационалистический «разум» как принцип, лежащий в основе естественных и социальных закономерностей, у классицистов Просвещения был тождествен идеальной гармонии «прав природы», рассматриваемой сентименталистами как идеал гуманной организации общества и регламентации его отношения к личности.

Различие этих литературных просветительских направлений — в их эстетических доктринах, обуславливающих как концепцию героя и характер разработки конфликта, так и теорию стиля — в рационалистическом принципе воспроизведения лирического «я» (у первых) и эмоциональном (у вторых). Что касается рококо, то направление это чуждо классицизму и по философско-этической концепции (гедонизм) и по эстетическим основам (что, кстати, отмечается автором). Впрочем, включение теории

⁷ С конца 50-х годов эта категория не появляется в польских исследованиях просветительской проблематики.

⁸ См. «Вопросы литературы», 1967, № 7.

сентиментализма и рококо в систему классицизма противоречит и декларация самого С. Петрашко, которая воспринимается как оппозиционная по отношению к практике прежних польских поборников концепции «просветительского» («буржуазного») реализма, нивелирующих художественное разнообразие национальной просветительской литературы. Итак, в начале своего исследования автор подчеркивает: «классицистическая доктрина ... не была ни единственной, ни всемогущей литературной доктриной польского Просвещения» (стр. 35—36).

Что же в таком случае остается вне рамок классицизма?

По-видимому, теория (и, разумеется, художественная практика) реально-бытового романа (Лесаж, Дефо, Фильдинг, в Польше — Красицкий, Езерский, Немцевич) и драмы (Дидро, Лессинг и их европейские, в том числе и польские, последователи). Принципы художественного воспроизведения, типизации и оценки действительности, характер конфликта и система его разработки, концепция личности и построение образов, тип идеала — все это является основанием для выводов о просветительской концепции реализма, являющегося одним из художественных направлений искусства Просвещения и представленного прежде всего теорией и художественной реализацией нового по сюжетному типу жанра романа и нового по своей философско-эстетической специфике жанра драмы. Именно здесь появляются истоки критического реализма, здесь его предыстория и первый этап развития. Так же как в эволюции различных течений сентиментализма к предромантизму кроется генезис романтизма.

Каждое новое явление в искусстве немислимо вне предшествующих традиций и тенденций. Только следует учитывать, что традиции часто играли положительную роль в становлении нового не только в процессе их усвоения и развития, но и в результате критического их восприятия — борьбы с ними и преодоления, рождающего оригинальные художественные ценности. Именно так, например, воспринял наследие просветительских классицистов и урок так называемых псевдоклассиков (направление первых десятилетий XIX в.) польский романтизм.

А нивелировка философско-эстетической специфики литературного процесса не только искажает реальную панораму искусства, но и затушевывает подлинную роль традиций и подлинный характер новаторства в развитии художественного творчества и его философской и эстетической теории.

Л. С. КИШКИН

СТАТЬЯ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В «КАРЛСБАДСКОМ АЛЬМАНАХЕ» ЗА 1831 ГОД

В 1874 г. Энгельс писал о том, «что долгое время всякое русское сочинение было для Запада книгою за семью печатями»¹. При этом, как можно понять, подразумевались и предшествующие десятилетия и вся первая половина XIX в. С трудом проникали тогда в Европу, и в частности в Чехию, не только сочинения русских авторов, но и какая-либо информация о них. Об этом свидетельствует относящаяся к 20—30-м годам прошлого столетия переписка культурных деятелей чешского национального Возрождения — Ганки, Челаковского, Шафарика, Юнгмана и других.

И все же сведения о русской литературе проникали в Чехию. Об одном из таких случаев и хотелось бы рассказать. Мы имеем в виду малоизвестную статью «Письмо о современном состоянии русской литературы, написанное некой молодой дамой»², опубликованную в «Карлсбадском альманахе» за 1831 г.

«Карлсбадский альманах» издавался на французском языке с 1831 по 1843 г. он выходил в Праге, а позже — до 1856 г. — преимущественно в Карловых Варах. Его основателем и издателем был известный врач Еан де Карро — человек с широкими культурными интересами, сочувствовавший идеям славянской взаимности. Предпринятое им издание преследовало цели популяризации Карловых Вар. В «Карлсбадском альманахе» печатались статьи о прошлом, настоящем и будущем курорта. В издании сотрудничали не только местные корреспонденты, но и приезжавшие на курорт лечиться. Их статьи были посвящены самым разным вопросам, часто имели познавательный, а порой и развлекательный характер. «Карлсбадский альманах» выходил один раз в год и содержал несколько десятков относительно небольших нумерованных статей.

«Письмо о современном состоянии русской литературы...» вошло в состав первого выпуска «Карлсбадского альманаха» с порядковым № XXV³. Статья явилась одним из первых, если не первым в Чехии довольно подробным обзором русской литературы в начале 30-х годов прошлого века и могла быть известна многим из тех чешских культурных деятелей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 526.

² «Lettre sur l'état actuel de la littérature russe par une demoiselle.» — «Almanach de Carlsbad», Pr., 1831, p. 168—182.

³ Статья о русской литературе не единственный пример проявления интереса к России со стороны де Карро. Известно, что он принимал активное участие в розыске реликвий, связанных с пребыванием в Карловых Варах Петра I, в частности, собственноручно изготовленной им табакерки из слоновой кости. В 1854 г. де Карро опубликовал в «Карлсбадском альманахе» свою статью о П. А. Вяземском.

лей, которых впоследствии называли «будителями». Именно в этом отношении, как один из источников сведений о русской литературе в Чехии, она и интересна для тех, кто изучает русско-чешские литературные связи.

Автор статьи, написанной по-французски, в несколько изысканной форме непринужденного светского письма, как это было принято в начале прошлого века, не назван. В сопровождающем «Письмо...» редакционном отступлении говорится: «Мы не знаем имени молодой дамы, которая написала это письмо, места, откуда оно написано, так же как и имени ученого, которому оно адресовано, но несомненно это какая-то видная личность в Женеве». Как можно судить по следующей за этими словами отсылке — «См. *Bibl. Univ. Littérature. 1829. Nov^e.*, P. 247», текст статьи для своего альманаха де Карро взял из выходящего в Швейцарии ежемесячника *Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts...*, который издавался в Женеве с 1816 г. в 3-х сериях (литература, искусство, сельское хозяйство). К сожалению, разыскать ноябрьский номер «Всеобщей библиотеки», откуда была взята статья о русской литературе, в наших библиотеках не удалось.

Несмотря на то, что имя автора письма не было указано, читатели «Карлсбадского альманаха» все же могли составить себе о нем некоторое представление, в частности, о его русском происхождении (корреспондентка называет себя «истинно русским человеком», употребляет выражения «наши самые красивые национальные поэмы», «у нас», «наш язык» и т. д.), о принадлежности к светским кругам (в письме расскачивается, что поэт Козлов обладает способностью «заставлять читать свои стихи самых красивых женщин Петербурга», есть примечательные слова о всеобщем знании языков в России).

Раскрытию анонима помог М. П. Алексеев, приносим ему искреннюю благодарность. Он любезно привлек наше внимание к одной из своих работ о Пушкине⁴, позволившей установить имя автора «Письма...» о русской литературе, появившегося в 1829 г. в Женеве и затем в 1831 г. перепечатанного в Праге. Как оказалось, его написала Анастасия Семеновна Хлюстина (в замужестве графиня Сиркур), которой, кстати, принадлежит еще одна анонимная статья — «Александр Пушкин», опубликованная в той же «Всеобщей библиотеке» в 1832 г.

А. С. Хлюстина — старшая дочь калужского помещика С. А. Хлюстина, женатого на графине В. И. Толстой, сестре Ф. И. Толстого (Американца). Брат А. С. Хлюстиной — С. С. Хлюстин был знаком с Пушкиным. Уже одни эти сведения позволяют представить ту атмосферу, в которой жила Хлюстина в России, а также и возможный круг ее русских знакомых. Выехав за границу в середине 20-х годов А. С. Хлюстина познакомилась в Швейцарии с французским публицистом Адольфом де Сиркур и вышла за него замуж. Граф Сиркур проявлял интерес к русской литературе, был близок Чаадаеву и состоял с ним в переписке. После женитьбы супруги Сиркур много путешествовали, в 40-е годы приезжали в Россию, а постоянно жили в Париже.

Небезынтересны свидетельства современников о чете Сиркур. В письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 23—24 октября 1834 г. есть строки: «Не забудь познакомиться с *madame Circourt* и с мужем ее; на больших путях Италии наверно встретишь ее. Она мила, умна, добра, несмотря на голубые чулки свои; муж так же, и редко утомителен даже и своим всеведением. Никто лучше их и охотнее не познакомит тебя с движениями Италии во всех отношениях и во всех дирекциях ... В них много

⁴ М. П. Алексеев. Пушкин на Западе. В кн. Пушкин. Временник пушкинской комиссии, 3. М.—Л., 1937.

добродушия, несмотря на жадность к большому свету, к большому кругу в области наук, искусств и людей»⁵. А вот что писал о А. С. Хлюстиной-Сиркур академик Н. И. Кожаров: «... Весь образованный Париж преклонялся перед нею. Многие называли ее „Коринной Севера“. В ее аристократической гостиной собирались лучшие представители аристократии, знаменитости науки, литератур и искусств... Графиня Сиркур занималась литературою. В *Bibliothèque Universelle* напечатано без имени автора: „Etat actuel de la littérature russe“ и отдельно: Genève. 1829, а также несколько русских стихотворений в переводе на французский язык»⁶. Таковы некоторые сведения об авторе «Письма...».

Существенно в «Письме...» следующее замечание: «Прошло четыре года как я покинула родные снега, и несмотря на все отношения, которые я сохранила с моей милой родиной, я не располагаю досточным количеством новейших произведений и материалом, чтобы ответить на Ваш любезный вопрос. Правда, до меня доходят брошюры, рассказы и стихи, но редко. Я уверена, что не одно имя еще не перешагнуло гор, которые нас разделяют». Оно свидетельствует не только о серьезном отношении корреспондентки к информации о русской литературе, но и о живом интересе к ней. Принадлежа к светским кругам, автор, статьи выделяет в творчестве Жуковского стихи, посвященные Николаю I (его путешествию во время бури из Варны в Одессу) и умершей императрице Марии Федоровне. В то же время она преисполнена национальной гордости за успехи русской литературы и развитие русского языка.

«Наш язык, — говорится в статье, — очень богат, он создан почти целиком по образцу греческого. У него те же спряжения, зачастую те же обороты и сила. Он годен для всех сюжетов, для всех размеров, он гармоничен и нежен. Состояние общества позволяет делать оригинальные наблюдения. Просвещение у нас шагает гигантскими шагами, его прогресс из года в год растет. Изысканное воспитание знати и истинно патриархальные нравы народа составляют поразительные контрасты, дающие поэтам обильную пищу».

В статье высказывается недовольство по поводу плохих переводов русской поэзии на Западе. «Господин де Сен Мор, — сказано в ней, — издал русскую антологию⁷. Тысячу раз спасибо за хорошие намерения. Но почему не выучить языка, прежде чем переводить с него⁸. Взяв наши самые красивые национальные поэмы и стихи, он наполняет их благоухающим ароматом мускуса и роз, забывая, что эти драгоценные благоухания пришли к нам издалека и не являются местными продуктами». Далее автор говорит о некоторых немецких и английских переводах русских стихов, которые, по ее словам, читаешь «так, как будто смотришь на любопытных животных».

Показательно суждение о литературной жизни Франции и России: «У нас есть все необходимые элементы для богатой и оригинальной литературы. Поскольку политика является контрабандой, умные люди не тратят всех своих способностей на памфлеты и издевательства над их превосходствами. Во Франции (это было написано в 1829 г.) иезуиты, хартия и министры поставляют сюжеты для всех перьев. Даже кто-то собла-

⁵ «Остафьевский архив князей Вяземских». III. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. СПб., 1899, стр. 262.

⁶ Там же, стр. 635.

⁷ Имеется в виду «Русская антология» («Antologie russe», 1823) Дюпре де Сен-Мора.

⁸ Дюпре не знал русского языка, о чем писали рецензенты. в частности, скрывавшийся за инициалами Л. N. — писатель Н. И. Бахтин. Перевод его рецензии на антологию, напечатанной во Франции в 1823 г., в 1829 г. появился в «Вестнике Европы».

говодил воспеть в стихах господина де Виллеля⁹ и других. В России они не имели бы такой чести, цензура поставила бы на место смелого поэта».

Интересно высказывание автора, затрагивающее одну из стержневых проблем культурной и литературной жизни в России. «Древности в моде,— замечает она в связи с упоминанием „Истории“ Карамзина,— мы хотели иметь их так же, как и другие». Эти слова передают романтический дух эпохи и патриотические настроения русского общества конца 20-х годов. Они были особенно близки деятелям чешского национального Возрождения.

Как ни любопытны приведенные авторские суждения, главную ценность для читателей «Карлсбадского альманаха» все же безусловно представляла собственно информационная часть анонимной корреспонденции о русской литературе. Следующая за довольно пространством вступлением основная часть «Письма о современном состоянии русской литературы...» как бы распадается на три раздела.

В первом, сравнительно небольшом, говорится о прозаических сочинениях (научных и художественных) Карамзина. Автор очень высоко расценивает его сочинения, замечая: «Карамзин был нашим Титом Ливием, мы гордимся им. Благодаря ему нас узнала вся Европа».

Особый интерес представляет второй раздел, где довольно подробно характеризуется деятельность ряда видных представителей русской поэзии. «Что касается поэтов,— пишет автор статьи, обращаясь к этой теме,— то у нас есть Жуковский, основатель нашей романтической школы. Он соединяет в себе все виды знаний с живостью воображения и добросердечностью. Он овладел лучшими традициями Шиллера, элегиями Грея, грациозной поэзией Мура, смелыми стихами лорда Байрона, его произведения являются лишь очень точными копиями оригиналов великих мастеров. Почему он не доверился своему воображению? Он это сделал с некоторых пор с самым большим успехом».

Второй поэт, о котором говорится в письме,— Батюшков. Охарактеризовав его как истинного друга Жуковского, автор пишет дальше: «Батюшков принадлежал к новой классической школе поэтов. Тонкость чувств, усиленная правдой, живое, но всегда подчиненное хорошему вкусу воображение, прелестные, но никогда не преувеличенные описания, отличали эту школу от школы романтиков. Он был руководим скорее чувством, чем воображением. Читая его описания природы, трудно поверить, что он житель ледяных стран севера».

Необычайно существенны в статье строки, посвященные Пушкину. Приводим их полностью: «Александр Пушкин, наш Тиртей, обладает соиздательным гением. Сызмальства он злоупотреблял всеми способностями своего ума. Раздумья во время ссылки в горы Кавказа сделали его талант более зрелым. Император Николай вызвал его и сказал ему: „Пишите — я лично буду вашим цензором“. У Пушкина удивительный талант выражать страсти и употреблять к месту оригинальные обороты нашего языка. Он не подражает никому и часто поднимается на высоту лорда Байрона. Он опубликовал несколько поэм, замечательных по своей энергии и смелости. „Кавказский пленник“ рисует воинственные обычаи диких народов гор, „Онегин“ — нравы наших салонов и высшего общества».

До последнего времени считалось, что единственным печатным сообщением в Чехии о Пушкине при его жизни, если не считать отрывка из письма Греча о русской литературе, где говорится и о поэте («Ческа Вчела», 1835), была библиографическая справка о нем в «Истории славянских ли-

⁹ Очевидно, имеется в виду Жозеф Виллель, ультрароялист, с 1822 по 1827 г. возглавлявший во Франции министерство.

тератур» Шафарика. В ней сказано следующее: «Александр Сергеевич Пушкин из С. Петербурга, коллежский секретарь (род. 1799), сочинитель многих, принятых со всеобщим одобрением романтических поэм: Руслан и Людмила, СП, 820, Кавказский пленник, 822, Бахчисарайский фонтан, М., 824, Евгений Онегин, СП, 825»¹⁰. Как выясняется, было тогда в Чехии и еще одно сообщение о русском поэте (правда, как и первое, не на чешском языке), которое, несмотря на свою краткость, содержало попытку как-то охарактеризовать его творчество. Из переписки деятелей чешского национального Возрождения, в которой начиная с 1823 г. имя Пушкина упоминалось довольно часто, известно, что отдельные из них, в том числе и Шафарик, не располагая достаточной информацией, считали поэта по своему духу неславянским, находящимся в зависимости от писателей Запада. В приведенном отрывке «Письма...», где сказано о Пушкине, что «он не подражает никому» и обладает удивительным талантом «употреблять к месту оригинальные обороты» русского языка, подчеркивалась художественная самостоятельность и национальная самобытность поэта. В этом смысле статья явилась более объективным источником сведений о Пушкине, чем, например, рассказ о нем, услышанный Челаковским в 1828 г. от государственного секретаря Багальянского, который сказал ему, что Пушкин пишет *à la Wieland*¹¹. Любопытно, что в том же 1831 г., когда было опубликовано письмо в «Карлсбадском альманахе», в Чехии в журнале «Чехослав» появилось и первое произведение Пушкина — прозаический перевод «Цыган», осуществленный Томичеком. По мере проникновения произведений Пушкина в Чехию, ошибочные представления о нем рассеивались. Но первые указания на его оригинальность и самобытность, как видим теперь, содержались в «Карлсбадском альманахе».

С большим теплом пишет автор статьи о Крылове: «Он очень хороший, русский, оригинальный и простой в своих сочинениях так же, как и в своих действиях. Аполлог приходит к нему от живого источника. Он искусно употребляет нашу дикцию, наши национальные поговорки. Он не подражает ни Эзопу, ни Лессингу. Он влюблен в свой язык. Его басни доступны всем классам...».

В статье представлен еще один русский баснописец — Дмитриев. Однако его басни автор не считает столь же самостоятельными, как у Крылова. Более высокая оценка дана другим произведениям Дмитриева. «Если бы он, — пишет русская корреспондентка, — выводил сюжеты из своего ума так же, как в своих балладах, сказках и пословицах, то мы имели бы двух Лафонтенов вместо одного. Его музе подчиняются все жанры поэзии от высокой эпопеи до простого романа».

Обзор поэзии завершается сообщением о творчестве Козлова, который пишет чувствительные стихи, часто выбирая из истории России эпизоды, позволяющие делать «замечательные рассказы».

«Ну вот, сударь, вполне достаточно, чтобы показать Вам, что мы достойны внимания. Я не говорила Вам о наших более древних авторах, так как Вы не просили сообщить о них. Я также умолчала о Баратынском, Рылееве, Плетневе и других, труды которых не столь значительны», — так кончается часть «Письма...», посвященная поэзии.

Несмотря на явную неполноту и известную поверхностность, а порою и неточность¹², в характеристике состояния русской поэзии в «Письме...» было

¹⁰ «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten». Budín, 1826, S. 185.

¹¹ См. «Korrespondence a Zapisky F. L. Celakovského», I, 1907, s. 377.

¹² Одной из них является отнесение Жуковского и Батюшкова к совсем разным поэтическим школам (романтической и классической). Однако надо заметить, что понятия «романтический» и «классический» в начале прошлого века не были сколь-

много верного: у Жуковского отмечается его романтизм и плодотворность обращения к своей оригинальной тематике; подчеркнув связь творчества Батюшкова с классической античной поэзией, автор указывает на его умение тонко и правдиво раскрывать чувства; наиболее самобытными и национальными русскими поэтами названы Пушкин и Крылов; у Дмитриева на первый план выдвинута его поэтическая техника, умение писать в разных жанрах. Все это соответствует не только тем представлениям о русской поэзии, которые существовали в России 20-х годов прошлого века, но во многом и нынешним нашим взглядам.

С позиций сегодняшнего дня можно, конечно, было бы упрекнуть автора, что она даже не упомянула имена поэтов из пушкинской плеяды (Кюхельбекера, Дельвига, Вяземского, Языкова), совсем забыла о Гнедиче, Грибоедове и многих других. Но ведь письмо писал не литературовед, и даже не вполне профессиональный литератор, а потом речь шла о поэзии современников, суд над которой истории только еще предстояло свершить. В целом же сообщение о русских поэтах безусловно способствовало созданию более правильного представления о них в Чехии.

Последний раздел «Письма...» посвящен драматургии. «Озеров и Княжнин — читаем в нем, — дали нам прекрасные трагедии с сюжетом из нашей истории. Они умерли и у них нет еще последователей. Князь Шаховской написал несколько комедий в стихах, полных остроумия и комизма. С каждым днем мы будем все богаче и богаче. Сколько прекрасных сюжетов дадут самым различным авторам последние политические события¹³. Опьяненные славой, начнут с дифирамбов, а более спокойные найдут в них сюжеты для трагедии ... уверенные в себе, мы обратимся к силе души, которая нуждается в культуре. Русский народ обладает огромными достоинствами, чрезмерность которых даже может обратиться в недостатки». В конце статьи еще раз осуждается творческая несамостоятельность некоторых русских писателей, на которых сильное влияние оказывали иностранные авторы.

Знакомство с «Письмом о современном состоянии русской литературы...», которое из Швейцарии попало в Чехию и стало достоянием читателей «Карлсвадского альманаха» еще раз убеждает в том, что средства и пути осуществления литературных связей чрезвычайно разнообразны. Его содержание со всей очевидностью показывает, что деятели чешского Возрождения в начале 30-х годов могли знать о русской литературе значительно больше, чем позволяли думать сохранившиеся печатные и рукописные известия об этом, уже нашедшие отражение в работах по русско-чешским связям.

нибудь определенными и устойчивыми. «Наши критики не согласились еще в ясном различии между родами классическим и романтическим», — писал в 1825 г. Пушкин.

¹³ Очевидно, здесь имелось в виду, что 14 сентября 1829 г. между Россией и Турцией был подписан Адрианопольский договор, по которому к России отошло устье Дуная и все восточное побережье Черного моря. Подписанию договора предшествовал разгром русскими войсками турецкой армии в сражении при Кулевиче.

И. И. РЕВЗИН

ОБ ИЕРАРХИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(на примере категорий имени существительного)

Вводные замечания

Одна из особенностей флективных языков, в частности славянских, — сложное устройство грамматической категории и отношений внутри ее членов. Поэтому не случайно, что именно применительно к этим языкам неоднократно ставился вопрос об иерархичности организации категорий а) с точки зрения вхождения более мелких категорий в более крупные, например вхождение категории личности в категорию одушевленности, а этой последней в категорию существительного (этот аспект иерархической организации выдвигается в недавней работе М. Докулила применительно к другому примеру как наиболее важный)¹; б) с точки зрения отношения отдельных членов противопоставления внутри одной категории (речь идет о теории маркированности — немаркированности Трубецкого-Якобсона², активно обсуждающейся в пражской лингвистической школе³) и в) с точки зрения отношений отдельных категорий внутри объемлющей категории, например отношений между родом, одушевленностью, падежом и числом внутри категории существительного.

По последнему вопросу высказаны по крайней мере две противоположные концепции. Первая из них восходит к фортунатовской концепции классов слов⁴ и ставит во главу иерархии грамматических категорий имени существительного падеж как категорию, с помощью которой имя существительное отделяется от других частей речи (эта концепция была недавно повторена А. Шенкером в его монографии о польском склонении⁵).

¹ См. М. Докулила. К вопросу о морфологической категории. «Вопросы языкознания», 1967, № 6, стр. 10—11.

² R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums. Эта ранее недоступная работа 1932 г. перепечатана в кн.: J. Vachek. A Prague School Reader in Linguistics. Bloomington, 1964, p. 347—359.

³ Из последних работ можно назвать: М. Докулила. K otázce morfoložických protikladů. «Slovo a slovesnost», 1958, № 2; Н. Кřížková. Pojetí neutralizace v morphologii. «Slovo a slovesnost», 1965, № 1. А. В. Исаченко. О грамматическом значении. «Вопросы языкознания», 1961, № 1.

⁴ См. Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. 1, М., 1956, стр. 158; Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. Изд. 5, М., 1922, стр. 86.

⁵ А. М. Schenker. Polish Declension. A Descriptive Analysis. The Hague, 1964. См. рецензию О. Г. Карпинской на эту книгу. («Вопросы языкознания», 1967, № 1), где специально обсуждается вопрос о иерархичности.

Другая концепция, ставящая во главу иерархии категорию одушевленности, была выдвинута Фр. Шольцем⁶, который основывается как на формальных соображениях (родовая однозначность парадигмы только у неодушевленных существительных), так и на содержательных: «категория одушевленности (Genre) является исходной для остальных в том смысле, что лишь в пределах обеих категорий одушевленности и неодушевленности проявляются две различных родовых классификации (формальная и сексуалистическая)»⁷.

Правда, Шольц недостаточно четко формулирует в каком смысле понимается иерархия двух категорий. Мы хотели бы интерпретировать это понятие следующим образом: категория А предшествует категории Б в иерархии категорий, если категория А является исходной для определения категории Б. Это понимание распространяется как на план содержания: понятие, определяемое категорией А, является исходным для категории Б, так и на способ выражения: для формального определения категории Б необходимо предварительное определение категории А. В дальнейшем понятие иерархии (как в плане содержания, так и в плане выражения) будет использоваться в указанном смысле.

Богатый материал, продемонстрированный в работе Шольца (правда, ограниченный только русским языком), убеждает лишь в том, что в плане содержания существительного славянских языков категория одушевленности действительно доминирует над категорией рода. Однако вопрос об отношении этих категорий к остальным категориям имени остается не решенным.

В указанной работе при определении иерархии учитывается лишь форма слова, но никак не рассматриваются — с точки зрения их значимости для общей иерархии — дистрибутивные свойства соответствующих категориям множеств слов. Между тем в ряде работ последнего времени⁸ определения категорий рода и падежа строились именно на этой основе. Преимущества этого подхода для славянских языков — в отличие, например, от языков агглютинативных — очевидны. Поскольку в форме самого существительного ни падеж, ни род специального показателя не имеют, а ею выражается одновременно так называемая «элементарная грамматическая категория», т. е. один формант сразу же передает и род и число и падеж, то по форме слова каждая из этих категорий не поддается формальному определению. Это не означает, что в славянских языках в форме слова не содержится никаких указаний на его категориальную принадлежность, например, на категорию рода⁹. Мы хотим лишь указать, что

⁶ F. Scholz. Genre, Genus und Person im Russischen. «Die Welt der Slaven». 1965. Heft 3—4, S. 281—304.

⁷ Ibid., S. 293.

⁸ А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967; И. И. Р е в з и н. Метод моделирования и типология славянских языков, М., 1967; О. Г. К а р п и н с к а я. Методы типологического описания славянских родовых систем. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966.

⁹ Интересно следующее высказывание А. М. Пешковского: «В отличие от многих ученых, отрицающих за современными существительными формы рода и считающих, что род их определяется только формами рода тех прилагательных, которые с ними согласуются, мы принимаем: 1) что существительные с основой на твердый согласный и с нулевым окончанием в имен. пад. ед. ч. (типа *стола*) образуют во всех падежах ед. ч. категорию мужского рода; 2) что существительные с окончанием *-а* (*-я*) в имен. пад. ед. ч. и с теми безударными окончаниями, которые им параллельны (*вода, рана*), образуют во всех падежах ед. ч. категорию женского рода; 3) что существительные с окончанием *-о* (*-е*) в имен. пад. ед. ч. и с теми безударными окончаниями, которые им параллельны (*село, поле*) образуют во всех падежах категорию среднего рода... Все эти положения мы извлекаем из наблюдения над: 1) судьбой категории рода в заимствованных словах, 2) распределением по родам вновь образующихся сокращенных слов (как *Наркомпрос, Сельмаш* и т. д.), 3) современным применением различ-

эти показатели, во-первых, в силу флективности, выступают слитно, а, во-вторых, вообще говоря, неоднозначны и могут быть приведены в строгую систему лишь после того, как категории определены каким-то иным способом (например, на основе содержательных соображений).

Что касается дистрибутивных свойств, то на первый взгляд они устроены также слитно: в контексте *маленькая ... лежит*¹⁰ фиксирован не только род, но одновременно и падеж и число существительного. Поэтому в качестве первичной данности контекст определяет так же, как и флексия (если она однозначна) элементарную грамматическую категорию, т. е. фиксированное значение рода, числа и падежа. Однако между определением через флексию (если она однозначна) и совокупностью флексий (в случае неоднозначности) и определением через контекст, есть принципиальная разница. Флексия (и в этом ее отличие от агглютинативных окончаний) далее неделима (очевидно нельзя какую-то часть окончания *-а* приписать роду, другую — числу, а третью — падежу), в то время как при определении через контекст привлекается не один контекст, а все множество контекстов, в которых употребительна данная словоформа. Это множество уже может быть различными процедурами разделено так, чтобы одни специальные контекстные свойства характеризовали род, другие — падеж и т. п. Именно в этом преимущество дистрибутивного подхода, благодаря которому и были получены достаточно четкие определения падежа и рода.

Естествен поэтому вопрос о том, как выглядит иерархия грамматических категорий имени существительного при том подходе, который опирается на дистрибутивные свойства.

С другой стороны, сейчас существуют предпосылки и для более полного учета семантики соответствующих категорий, что также дает возможность по-новому подойти к проблеме их иерархической структуры.

Предпосылки формального определения категорий падежа и рода в славянских языках

В своей книге «Метод моделирования и типология славянских языков» мы попытались дать определение падежа, не использующее никаких данных о семантике соответствующих слов. Суть этого определения как и других сходных определений падежа, сводилась к тому, что падеж слова определяется через класс контекстов, допускающих данное слово, например, именительный падеж определяется через класс контекстов типа *у нас есть...*, родительный — через класс контекстов типа *особенность...*, дательный — через класс контекстов типа *принадлежность к ...* и т. п.

Эта идея достаточно очевидна и не вызывает каких-либо возражений. При формальном определении, когда первоначально приходится иметь

них существительных в качестве имен мужских и женских (Май, Мир, Заря, Волга и т. д.)» (А. М. Пешковск и й. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 111). Богатый материал об окончаниях, однозначно характеризующих род на морфологическом уровне в различных славянских языках, представлен в цитированной работе О. Г. Карпинской. В последней работе вопрос об однозначности или многозначности морфологической формы трактуется иначе, чем у Пешковского (в частности, существительные с окончанием *-а* (*-я*) в имен. пад. ед. ч. описываются в отличие от Пешковского — как морфологически многозначные, ср. *папа, дедушка* и т. п.).

¹⁰ Здесь и в дальнейшем многоточие обозначает множество слов, которые могут быть подставлены в данный контекст с сохранением грамматической правильности, например, в данном случае таких слов, как *девочка, кукла, лампа* и т. п.

дело со всем множеством контекстов, трудность состоит лишь в выборе именно указанных контекстов, а не каких-либо других, обладающих иными свойствами. Так контексты *маленький... идет* и *маленькая ... идет* допускают разные совокупности слов, и, если мы подходим сугубо формально, то нужно ввести особые падежи, определяемые этими контекстами. С содержательной точки зрения это бессмысленно, ибо мы знаем, что ограничения на употребление в таких контекстах связаны не с падежом, а с родом. Но, во-первых, падеж должен быть определен до рода, ибо род, как мы увидим, требует фиксации падежа, а, во-вторых, существуют контексты где ограничения диктуются не родом (например, *принадлежность к большому...*).

В указанной работе автор встал на путь формального выделения специальной группы контекстов, которые были названы падежеобразующими. По существу эта идея и сейчас представляется автору правильной, но конкретная ее реализация неудачна, ибо связывается с большим числом достаточно случайных факторов. Тогда же А. А. Зализняк указал автору правильный путь: признать падежеобразующими лишь те контексты, которые допускают обе формы числа существительного. Это предполагает, что категория числа существительных уже задана, а такая предпосылка показала автору противоречащей задачам формального описания.

Дело в том, что автор еще не знал тех аргументов в пользу специфического статуса категории числа в славянских языках, о которых пойдет речь в данной статье и которые все равно требуют задания категории числа в качестве предпосылки существительности как таковой. Впрочем, уже тогда можно было увидеть, сколь важное влияние оказывает категория числа на выявление категории рода и на специфический характер родовых классификаций в славянских языках.

Формальное определение рода (или точнее «согласовательного класса»¹¹) основано на следующей идее: в некоторых падежах, например, именительном единственного числа согласования с прилагательным достаточно для отнесения двух существительных к одному или разным родам, ср. совокупности слов, употребляемых в контекстах *маленькая ... лежит, маленький ...*, *маленькое ... лежит*. В других формах, например, *подошел к маленькому...* различие родов проводится не столь последовательно и, наконец, в третьих, вообще снимается, например, *подошел к маленьким...*

Поэтому дается следующее определение принадлежности к одному роду¹²: два слова принадлежат к одному роду, если их парадигмы могут быть упорядочены (имеется в виду упорядоченность по падежам) таким образом, что члены на соответственных местах имеют одинаковые согласования (учитываются лишь согласуемые формы прилагательного), т. е. выступают в одинаковых контекстах. Отсюда следует, что для определения рода необходимо знать объем парадигмы. И вот оказывается, что возможны для каждого славянского языка две вполне логичные и внутренне непротиворечивые системы описания грамматики: первая из них, вышедшая из фортунатовской традиции и представленная в первую очередь в работах Н. И. Дурново¹³ и П. С. Кузнецова¹⁴, считает, что формы разных чисел составляют разные парадигмы, а вторая, соответствующая лингви-

¹¹ Термин А. А. Зализняка. См. А. А. З а л и з н я к. Указ. соч. стр. 62.

¹² Разумеется, здесь передается лишь общая идея определения; более точные (хотя и несколько различные по форме) определения даны в работах, цитируемых в сноске 8.

¹³ N. D u r n o v o. La catégorie du genre en russe moderne. «Revue des études slaves», 1924, t. 4, fasc. 1—2.

¹⁴ П. С. К у з н е ц о в. Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке. М., 1958.

стической традиции, объединяет в одной парадигме единственное и множественное число.

Ниже дается система грамматических родов (включая различия по одушевленности)¹⁵ для некоторых славянских языков при первом и втором подходе. Для установления иерархии грамматических категорий в способе их выражения существенно обратить внимание на два обстоятельства: 1) категория падежа считается уже определенной, и 2) получающиеся классы фиксируют не просто разделения по родам, но такое разделение, где одновременно учитывается одушевленность (собственно роды получают лишь дополнительное объединением некоторых классов). Таким образом, иерархичности в плане содержания, вскрытой Шольцем, соответствует иерархичность в способе выражения.

В приводимой таблице дальнейшее объединение в роды не проводится.

Система I

а) сербский язык

в единственном числе

1. мужской одушевленный род — *орач*
2. мужской неодушевленный род — *град*
3. женский род — *жена*
4. средний род — *дрво*

во множественном числе

1. мужской род — *орачи, гради*
2. женский род — *жене*
3. средний род — *дрва*

б) русский язык

в единственном числе

1. мужской одушевленный род — *пахарь*
2. мужской неодушевленный род — *город*
3. женский род — *жена*
4. средний род — *дерево*

во множественном числе

1. одушевленный род — *пахари, жены*
2. неодушевленный род — *города, деревья*

в) польский язык (аналогично словацкий и верхнелужицкий)

в единственном числе

как в русском и сербском

во множественном числе

1. лично-мужской род — *орасу*
2. не лично-мужской род — *konię, grody, kobięty, miasta*

Система II

а) сербский язык

1. мужской одушевленный род — *орач*
2. мужской неодушевленный род — *град*
3. женский род — *жена*
4. средний род — *дрво*

б) русский язык

1. мужской одушевленный род — *пахарь*
2. мужской неодушевленный род — *город*
3. женский одушевленный род — *жена*
4. женский неодушевленный род — *лампа*
5. средний одушевленный род — *насекомое*
6. средний неодушевленный род — *дерево*

в) польский язык

1. лично-мужской род — *орасу*
2. не-лично-мужской одушевленный — *konі*
3. мужской неодушевленный — *gródy*
4. женский род — *kobięta*
5. средний род — *mięsto*

¹⁵ Эта система заимствована нами из работы О. Г. Каршинской.

Легко проверить, что каждый из родов имеет хотя бы одно отличное согласование от другого рода. Типологические вопросы, связанные с применением обеих систем, обсуждаются в цитированной работе О. Г. Карпинской.

Логически обе системы совершенно равноправны, и именно в выявлении этого факта мы видим значение подхода фортунаатовской школы.

Это был, как нам кажется, замечательный эксперимент, показавший логическую независимость категории числа от других категорий. С точки зрения чисто логической этот эксперимент можно сопоставить с построением не-евклидовых геометрий. Однако лингвистика существенно отличается от математики и логики тем, что она не интересуется построением абстрактных систем, если они не способствуют четкому выявлению лингвистической интуиции носителей языка.

Поскольку вся грамматическая традиция объединяет в славянских именных парадигмах единственное и множественное число, то задача состоит скорее в том, чтобы показать, что лежит в основе такой интуиции. Эксперимент, проведенный фортунаатовской школой, показывает, что задача эта вряд ли может иметь легкое решение, так как логически системы I и II совершенно равноправны. Поэтому нам прежде всего необходимо поставить следующий вопрос: какие семантические факторы благоприятствуют выбору каждой из этих систем или, иначе говоря, каков реальный смысл выбора системы II — системы, соответствующей интуиции большинства исследователей.

Нам представляется, что принятие системы I имеет смысл в том случае, если окажется, что категория числа есть нечто внешнее по отношению к парадигме и определяющим ее категориям падежа, рода (и одушевленности), семантически столь же слабо связанное с ними, как, скажем, категория уменьшительности. Наоборот, если удастся показать, что не только способ проявления категории падежа и рода существенно зависит от категории числа, но и семантика существительного организуется именно через категорию числа, то становится гораздо более оправданной система II, в которой число проявляет себя внутри парадигмы существительного.

Необходимо отметить, что уже в дистрибутивном отношении категории числа ведет себя несколько иначе, чем категории падежа и рода. Это проявляется в следующем: если нет контекстов, где согласование проходит только по роду или только по падежу, то вполне могут быть выделены контексты, где согласование происходит только по числу (это все случаи согласования существительного с глаголом в настоящем времени). Правда, именно в славянских языках эта обособленность числа достаточно ослаблена, ибо глагол в прошедшем времени ведет себя в согласовательном отношении так же, как и прилагательное. Тем не менее нельзя не отметить, что в области согласования число ведет себя несколько иначе, чем другие категории имени.

Главное однако в том, что, исходя из дистрибутивных свойств числа (в том числе и его согласования с глаголом), нельзя построить формального определения принадлежности двух словоформ к одному или двум числам. В самом деле мы легко можем сказать, что *мальчик* и *мальчики* относятся к двум разным числам, ибо существуют контексты... *идет* и ... *идут*, различающие их. Однако у нас нет формальных дистрибутивных критериев, чтобы установить, что *мальчик* и *мальчику* относятся к одному числу, а *мальчик* и *мальчикам* к разным числам. Можно было бы попытаться использовать в качестве диагностических контексты, включающие фразы типа *которые идут* и *который идет*. Однако это предложение, имеющее, впрочем, достаточно искусственный характер, может быть использовано после того, как определен род, иначе полученные дистрибутивные классы

будут иметь смешанный «числово-родовой» характер. Кроме того, все равно будет трудность формального отделения таких контекстов от некоторых других, где также могут употребляться несколько форм из одной парадигмы, принадлежащих разным падежам.

Таким образом приходится констатировать, что а) для формального определения рода и падежа нужно знание числа и б) число не может быть получено формальными процедурами, а должно быть задано вместе с существительным.

Центральная роль понятия множественности в плане содержания категории существительности

Значение расчлененности, являющееся основным признаком, по которому в славянских языках противопоставлены единственное и множественное число, есть частный случай реализации более общей семантической категории множественности. Синтез формы множественного числа типа *столы* можно представить как процесс, проходящий следующие этапы:

I. Соединение значения «стол» со значением множественности (Mult)¹⁶: «стол» + Mult.

II. Перекодировка полученного сочетания значений в форму «стол» + (Mult) + Plur, где скобки показывают, что теперь показатель Mult факультативен.

III. Добавление информации о искомом падеже и синтез формы (например, «стол» + Plur + Nom → *столы* или «стол» + Mult + Plur + Gen, *много столов*).

Для некоторых существительных, например *сахар*, *молоко* и т. п. первый этап синтеза выглядит так же:

I. «Сахар» + Mult.

Однако для этой группы слов присоединение показателя Plur не происходит и единственно возможная форма преобразования имеет вид:

III. «Сахар» + Mult → *много сахару*.

Наконец, имеются существительные, вообще не присоединяющие показателя Mult, — это слова, вообще не соединяющиеся со словом *много*.

Итак, мы имеем существительные, присоединяющие показатель Mult и не присоединяющие его¹⁷. Это обстоятельство может быть использовано для классификации существительных¹⁸. Наряду с этим рассмотрим и другой критерий — наличие грамматического множественного числа (или шире — наличие грамматического противопоставления по категориям числа):

¹⁶ Это обозначение введено в работе: А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», вып. 19, М., 1967.

¹⁷ Разумеется, поскольку речь идет о лексической сочетаемости, то возможны колебания в оценке некоторых сочетаний как грамматически правильных. Так, информанты дают противоречивые ответы на вопрос о том, правильно ли говорить по-русски *много дая*, *много игры*, *много листов*, *много тишины*, *много борьбы*, *много кори*. Все подобные случаи, по поводу которых возникло сомнение хотя бы у одного информанта, рассматриваются как неправильные.

¹⁸ Сходную идею классификации *pluralia tantum* в зависимости от того, присоединяют ли они семантический показатель Sing (реализующийся в русском языке в словах *один*, *одни*) предпринял при другой терминологии и для других целей А. А. Зализняк (Указ. соч. стр. 58 и сл.). Мы в данной статье не будем рассматривать *pluralia tantum*, так как существенных изменений в предлагаемую ниже классификацию они не вносят.

	Отсутствие противопоставления по числу	Наличие противопоставления по числу
Не сочетается с <i>много</i>	I. а) <i>распространение, бытие, красота, белизна, лай</i> б) <i>Иван, Париж, Франция</i> в) <i>студенчество, белогвардейщина, листва</i>	Нет
Сочетается с <i>много</i>	II. а) <i>сахар, чай, олово, белок, старье</i> б) <i>сброд, народ</i>	III. Остальные существительные

Уже давно замечено, что переход из группы I или группы II в группу III всегда связан со сдвигом в семантике, ср. *много красот, две Франции* или же *белки, сахара*.

Ясно, что внутри каждой из групп I и II объединяются довольно разнородные подгруппы, причем это объединение происходит по разным причинам. Так, слова подгруппы Iв не присоединяют показатель Mult из-за наличия семантической связи с формами, противопоставленными по числу (ср. *белогвардеец — белогвардейцы — белогвардейщина, студент — студенты — студенчество, лист — листья — листва*). Показатель Mult и выбирает соответствующую форму множественного числа: *много студентов, белогвардейцев, листьев*. Поэтому данную подгруппу можно было бы перенести в подгруппу IIб. То, что такая возможность в славянских языках действительно имеется, доказывает пример чешского языка, где, как указывает Фр. Травничек¹⁹, возможны сочетания *mnoho obyvatelstva* и даже *kolik obyvatelstva?* (хотя Травничек и отмечает, что чаще говорят, например, *kolik obyvatelů ma Praha?*). Ниже будет показано, почему другие славянские языки не допускают таких сочетаний.

Подгруппа Iб резко отличается от подгруппы Ia тем, что она употребляется в ядерных высказываниях (это собственные имена, каждое из которых обозначает один единственный предмет), в то время как подгруппа Ia появляется в трансформированных высказываниях (это с логической точки зрения не имена, а предикаты).

Внутри группы II деление можно произвести с помощью критерия, косвенно связанного с числом: отдельные слова этой группы, а именно собирательные типа *сброд*, могут в некоторых славянских языках и диалектах согласовываться с местоимениями и глаголами во множественном числе²⁰.

Итак, на базе категории числа (и семантической категории множественности) мы получили классификацию, дробление которой дает основные семантические разряды имени существительного в славянских языках. Интересно отметить, что, какой бы новый критерий мы ни рассматривали, он дает разбиение одной из групп I, II или III, но не затрагивает двух групп одновременно. Единственное исключение представляет, может быть, основной критерий, по которому далее разбивается группа III, а именно одушевленности, ибо этот критерий затрагивает и собственные имена в группе I (правда, лишь имена мужчин типа *Иван*; для собственных имен женского и среднего рода нет грамматических средств выявления одушевленности). Но собственные имена вообще занимают особое место. Кроме того, представляется важным и то обстоятельство, что на группу II противопоставление по одушевленности вообще не распространяется даже тогда, когда речь идет о таких понятиях, как *народ* (ср. *вижу народ*, а не **вижу народа*).

¹⁹ F. T r a v n í č e k. Mluvnice spisovné češtiny, č. II. Praha, 1951, str. 1025.

²⁰ Ср. анализ соответствующих древнерусских конструкций в книге: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 324—326.

*Связь значений множественности и неопределенности
в значении множественного числа*

Другие категории или не дают никакой семантической классификации существительных (например, падеж) или же дают классификацию только по своим категориальным признакам (род и одушевленность). Исключением в принципе может быть только категория определенности, и в языках, в которых имеются два артикля: определенный и неопределенный, например, в западноевропейских, мы действительно получаем сходную классификацию. Правда, и для этих языков классификация на базе числа и множественности является основной. Что же касается славянских языков, то они либо вообще не имеют категории определенности, либо, как болгарский и македонский, имеют лишь определенный артикль, и поэтому классификация на основе данной категории является слишком бедной. Поэтому для всех славянских языков классификация на основе категории числа представляется основной.

Кроме того, относительно категории числа всех славянских языков (для одних с большей степенью достоверности, а для других с меньшей) можно утверждать, что значение форм числа складывается не только на основе противопоставления Mult — Non-Mult (множественности — немножественности), но и на основе противопоставления Indeterm (неопределенность) для множественного числа и Determ (определенность) для единственного числа. Развернутое доказательство этого тезиса содержится в другой нашей работе²¹. Здесь отметим лишь, что столь распространенные и специфичные для славянских языков собирательные существительные²² соединяют в себе положительное значение признака Mult с признаком определенности, и именно в этом основная причина того, что собирательные, как правило, не употребляются со словом *много*. Дело в том, что *много* после себя требует неопределенного существительного²³ (ср. в болгарском языке *много хора, много книги*, но не **много хората, *много книгите*). Еще одно доказательство определенности единственного числа и неопределенности множественного можно усмотреть в следующем сопоставлении, проведенном Ф. Мико²⁴. В словацком предложении *Medzi ihličnaté stromy patrí jedl'a, sosna, smreč, borovica* вполне возможно заменить единственное число на множественное: *jedle, sosny, smrečy, borovice* (так же и при переводе этого предложения на любой другой славянский язык). Но вместо аналогичной фразы *Medzi Stredoeurópanov počítame čechov slovačov, poliačov* невозможно сказать **Medzi Stredoeurópanov počítame Česka, Slovača*. Объясняется это тем, что в первом случае имеются в виду все сосны..., а во втором не все чехи, словаки, поляки..., т. е. определенность выражается именно единственным числом, а неопределенность — множественным.

Таким образом, в славянских языках категория числа конституируется на основе тех двух семантических противопоставлений, которые порождают семантическую организацию класса существительных в виде системы подклассов.

²¹ См. И. И. Ревзин. Так называемое «маркированное множественное число в современном русском языке» (печатается).

²² О специфичности этой категории в славянских языках см. М. В га у н. Das Kollektivum und das Plurale tantum im Russischen. Leipzig, 1930.

²³ В чешском языке, как показывают ранее приведенные примеры, противопоставление определенности — неопределенности в формах числа, по-видимому, ослаблено.

²⁴ F. M i k o. Rod, číslo a pád podstatných mien. Bratislava, 1962, str. 69.

Первичность этой классификации не опровергается, с нашей точки зрения, и тем, что выделение соответствующих подклассов часто производится по другим причинам. Так, в русском языке только для слов мужского рода группы II выделяется второй родительный падеж (впрочем, характерно, что поскольку слова данной группы не имеют формы множественного числа, то значение неопределенности находит именно эту форму выражения). В других славянских языках, где разделения родительных падежей не произошло, для слов этой группы возможно закрепление особых окончаний (ср. наблюдающуюся в словацком языке тенденцию закрепить за словами мужского рода группы II окончание *-u* — *čaji, potu, vzduchu, dymu, piesku* и т. п., в то время как другие слова в подавляющем большинстве случаев имеют, как правило, окончание *-a* и очень редко *-u*²⁵. Эти и некоторые другие особенности, на которых мы здесь не можем останавливаться, дают возможность некоторым исследователям, например А. А. Шахматову²⁶ говорить о категории вещественности. Нам хотелось бы лишь отметить, что так понимаемая вещественность грамматически резко противопоставлена предметности, ибо предметность проявляется в первую очередь через противопоставление по грамматическому числу. Существительные же группы II, хотя и присоединяют показатель *Mult*, выпадают из противопоставления по числу. Тем самым подчеркивается нечленимость соответствующего понятия, невозможность зафиксировать для него денотат, имеющий резко очерченные пространственные координаты.

*Отсутствие противопоставления
по грамматическому числу у существительных,
не выражающих идею предметности*

Чрезвычайно важен факт отсутствия противопоставления по числу (и вообще по присоединению семантического показателя *Mult*) у слов подгруппы Ia. Это слова, для которых категория существительности в плане содержания проявляется не как первичная (связанная с предметностью в узком смысле слова), а как вторичная (предметность грамматическая). Они участвуют, правда, в противопоставлениях по таким категориям как определенность (для болгарского и македонского) и падеж и тем самым не выключаются целиком из категории существительности, однако ведут себя семантически совершенно обособленно.

Это слова, осуществляющие трансформацию субстантивации предикатов — названий переменных признаков (глаголы) и постоянных признаков (прилагательные). Лишь в случае приобретения каких-либо добавочных значений, отсутствующих у соответствующих предикатов, они могут переходить в группу III, становясь обычными существительными.

Часть слов подгруппы Ia, а именно отглагольные существительные могут (в разных славянских языках по разному) сохранять глагольные свойства, ср. возможность употребления существительных с возвратной частицей в польском языке (отчасти в чешском), например *pojawienie się gatunków istot żyjących, oderwanie się od każdej rzeczy w szczególności*; ср. также сохранение болгарскими существительными на *-ne* видовых глаголь-

²⁵ См. Ф. Мико, цит. соч., стр. 83.

²⁶ См. «Из трудов А. А. Шахматова по русскому языку», М., 1952, стр. 149. А. А. Исаченко («Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким», ч. I. Братислава, 1954, стр. 115 и след.), отрицающий эту категорию, одновременно приводит и другие факторы, подтверждающие специфичность данной группы.

ных свойств, а главное глагольного управления: *докладчикът направи препоръка за отстраняване слабостите, работниците полагат усилия за увеличаване продукцията*; ср. также в македонском языке: *сафа за црпене вода, развивањето во неа повеќе чисто именски особености*. При таком чисто глагольном употреблении соответствующие формы невозможны во множественном числе, например образования типа * *pojawienia się*, * *oderwania się* в польском языке. В болгарском и македонском, где вообще употребление (переносное) соответствующих форм множественного числа редко (причем характерно, что используются соотносительные формы с суффиксом *-ния*, ср. более конкретные формы с *-ние* в единственном числе), вряд ли возможны формы множественного числа в приведенных контекстах, например * *отстранявания слабостите*, * *увеличавания продукцията* (грамматически возможно *увеличиванията на продукцията*).

Таким образом, вне противопоставления по числу резко ослабляется предметность существительного, и наоборот — при наличии такого противопоставления — существительное не может вести себя (например в плане управления) как глагол, хотя оно и образовано от глагольной основы.

Рассмотрим теперь случаи, когда возможно употребление обоих чисел, но противопоставление по числу оказывается нейтрализованным.

Речь идет о случаях типа: *сытый голодного не разумеет* (ср. *сытые голодных не разумеют*); *в этих лесах растут сосна, ель, береза* и т. п. (ср. *сосны, ели, березы* и т. п.), *лев — хищное животное* (ср. *львы — хищные животные*) и т. п. Рассматривая аналогичные чешские примеры — *vrána k vráně sedá, rovný rovného si hledá, orel orla plodí a sova sovu rodí, kůň je domáci zvíře* — Ф. Трапичек подчеркивает, что в подобных случаях мы имеем дело с видо-родовыми отношениями²⁷.

Важно, однако, что здесь существительное выступает не в обычном значении предмета как точки или области, имеющей определенные пространственно-временные координаты, а выражает определенную совокупность свойств, и именно поэтому противопоставление по принципу единственности — множественности оказывается столь мало существенным²⁸. В сущности значение предметности поддерживается здесь только вторичным противопоставлением по неопределенности — определенности, указанным выше. Характерно, что в болгарских предложениях типа *ситият гладния не разбира* необходима членная форма.

Рассматривая снятие соответствующего противопоставления в немецком языке между формами единственного и множественного числа, Э. Кошмидер считает, что они полностью заменимы²⁹. В славянских языках это не совсем так из-за вторичного различия по неопределенности — определенности, которое здесь остается (ср. выше стр. 74—75).

Характерно, однако, что там, где предметность отступает на второй план, число становится ненужным, а его употребление вполне факультативным.

²⁷ F. Trávníček. Ibid., str. 1026—1027.

²⁸ Близкие примеры приводит и А. В. Исаченко (Указ. соч., стр. 102), почему-то считая их доказательством того, что множественное число связано именно с общим значением существительного. На самом деле с общим значением совокупности свойств связана нейтральность по отношению к числу. Что же касается множественного числа, то оно, наоборот, конкретизирует существительное, переводя его, например, из группы I в группу III.

²⁹ E. Koschmieder. Die Aufhebung morphologisch-syntaktischer Oppositionen. «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 1959, H. 13, S. 8.

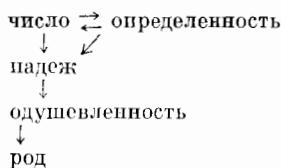
*Полученная иерархия и заключительные замечания
о роли категории числа в парадигме
имени существительного*

Итак, категория числа оказывается ведущей категорией в плане содержания существительного, ибо 1) именно с ней связано значение предметности, 2) она организует семантическую классификацию существительных. Поэтому в плане содержания именно эта категория (и, может быть, для болгарского и македонского языка — одновременно категория определенности) должна быть поставлена во главе категориальной иерархии.

Поскольку с категорией числа связана идея предметности, то семантически непосредственно следующей за числом является категория падежа, отражающая состояния, в которых может находиться предмет³⁰. Неслучайно, по-видимому, что в тех славянских языках, где падежная система разрушена, идея предметности подкрепляется специально выраженной категорией определенности.

В плане соотношения между категорией числа и категориями рода и одушевленности чрезвычайно существенно то, что в случае соответствия биологического пола и грамматического рода (т. е. для одушевленных существительных) противопоставление по числу абсолютно необходимо. Следовательно и в плане содержания род оказывается в славянских языках подчиненным числу.

Таким образом мы получили следующую иерархию категорий имени существительного в славянских языках:

После проведенного анализа мы можем вернуться к поставленному ранее вопросу о включении или невключении числа в состав категорий, организующих парадигму существительного.

Каков семантический подтекст разобранный на стр. 70 системы I, т. е. системы, где единственное число и множественное число суть разные слова с разными парадигмами? Он, очевидно, в том, что парадигма есть совокупность форм, относящихся к одному и тому же объекту действительности (словоформы *стол*, *столу*, *столам* и т. п. имеют в виду тот же объект действительности, который можно обозначить латинским словом *mensa*), в то время как словоформы *стол* и *стола* обозначают разные объекты действительности: в одном случае один предмет, а в другом — много предметов.

Из проведенных нами рассуждений ясно, что значение множественности, передающееся через *Mult*, само по себе объекта не меняет, ср. *сахар* и *много сахару*, где *сахар* и *сахару* обозначают разные объекты лишь в таком же смысле, как, например, *стол* и *столу* в *большой стол* и *маленькому столу*. Разница между *сахар* и *много сахару*, с одной стороны, и *стол* и *много столов*, с другой стороны, в том, что *сахар* представлен в языке как нечто непротивопоставленное расчлененной совокупности, а *стол* как про-

³⁰ Ср. определение А. Н. Колмогоровым падежа как класса эквивалентных состояний.

тивопоставленное такой совокупности, т. е. как предмет в собственном (не обобщенно грамматическом) смысле слова.

При этом расчленяемость передается именно через категорию числа, т. е. число делает существительное выразителем предмета в собственном смысле слова. Отсюда становится очевидным, что утверждение о разнице обозначаемых предметов реального мира в *стол* и *стола*, разнице — дающей право считать *стол* и *стола* представителями двух разных слов, поκειται на порочном круге: число потому является категорией, относящейся к разным словам, что словом в единственном числе и соответствующим словом во множественном числе обозначаются разные предметы, а само представление о существительном как обозначающем предмет в свою очередь основано в славянских языках прежде всего на категории числа.

Итак, проведенный семантический анализ заставляет нас стать именно на ту точку зрения, что противопоставление по числу происходит в пределах парадигмы существительного. Это хорошо согласуется с представлением, что категория числа организует в славянских языках парадигму и задание ее позволяет — уже на формальных основаниях — определить категории рода (одушевленности) и падежа.

В заключение мы хотели бы отметить, что данная работа представляет собой непосредственное и, как выяснилось, необходимое продолжение исследований автора в области сугубо формальной структуры грамматических категорий славянских языков в плане выражения (с полным отвлечением от семантики). Данная статья показывает, что эти исследования неизбежно приводят к постановке весьма общих вопросов, связанных с семантической структурой имени существительного.

А. С. БЕЙЛИС

ИССЛЕДОВАНИЯ М. ДИМИТРОВА ПО ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Михаил Димитров — один из крупнейших болгарских историков, прекрасный знаток эпохи Возрождения и особенно деятельности и творчества великого болгарского революционера-демократа — Христо Ботева.

Начиная с 1915 г., когда М. Димитров опубликовал свою первую заметку о Хр. Ботеве¹, он, по меткому определению Т. Павлова, проделал «изумительно большую и во всех отношениях результативную, важную и поучительную работу по собиранию, освещению и систематизации всех основных фактов, документов, относящихся к жизни, эпохе, личности, политическому делу и литературному творчеству Х. Ботева»². Труды М. Димитрова как ботевоведа широко известны не только в Болгарии, но и за ее пределами.

Уже в 1915 г. Димитров, по его свидетельству³, приступил к работе над книгой «Христо Ботев — идеи, личность, творчество». В условиях глубокого революционного кризиса в Болгарии появление этой работы (1919 г.) о Х. Ботеве имело особое значение⁴. Книга была встречена с энтузиазмом всеми прогрессивно мыслящими людьми, увидевшими в ней новый подход к изучению творчества Х. Ботева. В ней М. Димитров стремился продолжить благоевскую линию в изучении характера и движущих сил болгарского Возрождения.

Немалое влияние на творчество М. Димитрова оказал и Г. Бакалов. В предисловии к первому изданию книги М. Димитров отметил, что без совместной работы с Г. Бакаловым книга «не была бы такой, какой она является»⁵. Бакалов помог автору воспринять взгляды Д. Благоева на Ботева как социалиста-утописта⁶.

М. Димитров писал, что поставил перед собой чрезвычайно трудную задачу — показать Ботева во взаимосвязи с исторической эпохой, с ее стремлениями, идеями и борьбой⁷. Он пытается выяснить «основные пружины»⁸, двигавшие Ботевым, рассмотрев деятельность поэта с «общественно-психологической стороны»⁹. Такая постановка вопроса отвечала марксистскому пониманию роли личности в историческом

¹ М. Димитров. Ботев в историята на българската интелигенция. В сб. «Х. Ботев 1876—1915». София, 1915.

² Т. Павлов. Мих. Димитров. По случай 70 години от раждането му. «Философска мисъл», 1951, кн. 3—4, стр. 105.

³ См. Х. Ботев. Неизвестни произведения, уводна статия и бележки от М. Димитров. София, 1924, стр. 24.

⁴ Т. Боров. Академик М. Димитров. «Литературен фронт», 1951, бр. 2, 10 л.

⁵ М. Димитров. Христо Ботев — идеи, личност, творчество. София, 1919, стр. 6. Для большего удобства и экономии места первое и второе издания этой книги рассматриваются вместе.

⁶ Сам М. Димитров пишет, что, к большому сожалению, в 1914—1917 гг. он не был знаком с работой Д. Благоева «Наши апостолы». М. Димитров. Христо Ботев — идеи, личност, творчество, изд. 2, 1946, стр. 15.

⁷ Там же, стр. 10.

⁸ Там же, стр. 15.

⁹ Там же, стр. 10.

процессе, ускорение или замедление которого в сильной степени зависит от характера людей, стоящих во главе движения¹⁰.

В отличие от всех предшествовавших исследователей деятельности Ботева, выдвигавших на первое место его поэзию, М. Димитров начинает свою работу с рассмотрения его общественно-политических взглядов, с отношения Ботева «к общественной и национальной жизни, к общественной мысли его времени»¹¹. Благодаря этому преодолевается порок традиционного буржуазного ботевоведения, когда биография поэта изучалась вне всякой связи с его эпохой.

М. Димитров характеризует политическую борьбу в Болгарии 60—70-х годов XIX в., философские основы мировоззрения Ботева, его взгляды на исторический процесс, государство и общество, его место в истории болгарского революционного движения и общественной мысли, а уже на этой основе исследует характер и творчество великого революционера.

Показав (правда, в общих чертах) расстановку политических сил и групп в Болгарии к концу 60-х годов, Димитров выделяет революционное национально-демократическое направление¹². Особую роль Ботева в развитии этого направления автор видит в том, что он выдвигал перед революционным движением более широкую программу, чем это делали Г. Раковски, В. Левски и Л. Каравелов. Обосновывая необходимость глубоких социальных изменений, Ботев положил начало новому направлению болгарской общественной мысли, которое М. Димитров называет социально-революционным¹³. Здесь М. Димитров придерживался точки зрения Д. Благоева, который говорил о существовании в Болгарии социально-республиканского направления. Однако ни у Благоева, ни в ранних работах М. Димитрова нет еще четкой постановки вопроса о революционно-демократической идеологии болгарских революционеров, в частности Левского и Ботева. М. Димитров много внимания уделяет социалистическим взглядам Ботева, которые, как и взгляды его русских учителей, могли быть тогда только утопическими. Автор констатирует, что Ботев, отрицая распространение капитализма в Болгарии, верил в социалистические стремления болгарского народа, которые помогут ему сразу перейти в царство социализма¹⁴. Буржуазные биографы Ботева утверждали, что в деятельности и идеологии Ботева произошел идейный перелом, якобы вызванный отходом от идей социализма. В противоположность этому М. Димитров показал, что взгляды Ботева претерпели определенную эволюцию: в первый период своей публицистической деятельности (1871—1874 гг.) он выступает как революционер-социалист, главным образом занятый пропагандой своих взглядов, во второй (1874—1876 гг.) — Ботев прежде всего политик, преодолевший «утопические пружины своей мысли»¹⁵ и ставший во главе революционной партии.

Но нам представляется не совсем правомерным отделение и определенное противопоставление революционера политику. Ошибка М. Димитрова — в противопоставлении Ботева-социалиста Ботеву-политику. Она связана с тем, что в то время еще не был разработан вопрос о характере и значении революционной демократии, в особенности русской. Димитров, подобно Бакалову и другим болгарским марксистам того времени, незнакомым еще с ленинским учением о революционной демократии, упускал из виду эту сторону идеологии Ботева. Поэтому Димитров не увидел, что утопический социализм Ботева — последовательного ученика Герцена, Чернышевского и Добролюбова, был не просто созерцательным, а действенным, и, следовательно, его практическая деятельность находилась в тесной связи с его теоретическими взглядами. Утопический социализм и революционный демократизм у Ботева были неразрывно связаны между собой, представляя различные стороны единой идеологии.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 175.

¹¹ М. Димитров. Христо Ботев—идеи, личность, творчество. София, 1919, стр. 21.

¹² М. Димитров. Христо Ботев..., изд. 2, стр. 300.

¹³ Там же, стр. 37.

¹⁴ Там же, стр. 113.

¹⁵ Там же, стр. 122.

М. Димитров в своей работе убедительно показал влияние идей Маркса на Ботева. Он подметил, что Ботев мог усвоить только известные элементы марксизма, но, как общее мировоззрение, учение Маркса оставалось ему недоступным¹⁶. Весьма интересна высказанная в этой связи мысль Димитрова (к сожалению, не получившая дальнейшей разработки ни у него, ни у других историков-марксистов) о том, что воздействие марксизма сказалось в усилении элементов гуманизма в творчестве и мировоззрении поэта-революционера. Такое определение не только соответствует исторической истине, но и созвучно нашей эпохе, когда реальный гуманизм связывается с марксизмом.

Решительно возражая буржуазным исследователям, утверждавшим, что Ботев проделал эволюцию от интернационализма к национализму, Димитров пишет, что эволюция действительно была, но «от национализма к социализму и коммунизму»¹⁷. Отвечая народнику Б. Минцесу, который пытался представить идеи Х. Ботева как «своеобразную амальгаму из общечеловеческого союза и чисто болгарского национализма», Димитров замечает, что если взгляды Ботева и составляют амальгаму, то идее «общечеловеческого союза» в ней принадлежит первое место¹⁸.

Вторую и третью части книги автор посвящает личности и творчеству Х. Ботева. Здесь больше, чем в других работах Димитрова, сказалось его увлечение психологией. Относя Ботева к тем «высшим и благороднейшим» объектам, которые подлежат психологическому исследованию¹⁹, М. Димитров дал очень много ценных и интересных наблюдений социальной жизни. Вместе с тем именно в этих разделах немало неверных трактовок. Прежде всего это относится к непомерному преувеличению роли бакунизма в русском революционном движении и влияния Бакунина и Нечаева на Ботева. Встреча последнего с Нечаевым, пишет автор, «приобрела (для Ботева. — А. Б.) значение морального и психологического открытия»²⁰, а несколько далее безоговорочно утверждается, что «Нечаев еще усилил бакунистические черты в мировоззрении Ботева»²¹.

Подводя итоги своего первого крупного исследования, М. Димитров пишет, что болгарский революционер был выразителем «внутренней сущности времени», человеком с темпераментом борца и душой поэта. «Эти две черты, при демократическом его складе характера, составлявшего „внутреннюю сущность времени“, — создали из него не только типичнейшего представителя своего поколения, но и редкую по своей жажде подвига и мученичества, по своей душевной красоте личность»²².

Труд Димитрова — заметный вклад в болгарское ботевоведение. Не случайно его так высоко ценили в досентябрьской Болгарии, ценят и теперь. «Правильный научный метод, — пишет об этом труде Ив. Унджиев, болгарский специалист по Ботеву и Левскому, — глубина и аналитичность, любовь к проблеме, глубокая принципиальность, связывание различных проблем с актуальными вопросами современности и т. п., вот те исследовательские качества, которые М. Димитров ярко проявил в этом труде»²³.

В последующие годы М. Димитров продолжает борьбу против всяких попыток фальсификации личности и наследия Ботева буржуазными националистами, деятельность которых особенно усилилась после спада революционной волны на Западе и в Болгарии, когда в страну хлынули новомодные ультрареакционные теории и веяния.

Еще в 1920 г. появилась статья буржуазного ученого Бояна Пенева²⁴, в которой автор пытался представить великого революционера и поэта как крайнего индиви-

¹⁶ Там же, стр. 127, 132.

¹⁷ Там же, стр. 136.

¹⁸ Там же, стр. 141.

¹⁹ Там же, стр. 149.

²⁰ Там же, стр. 194.

²¹ Там же, стр. 195.

²² Там же, стр. 315.

²³ Зл. Б е л е в а, И в. У н д ж и е в. М. Димитров. Библиография, с уводна статия от Ив. Унджиев. София, 1958, стр. 20.

²⁴ Б. П е н е в. Хр. Ботев. «Златорог», год. I, 1920, кн. 5.

дуалиста, сторонника распространявшегося тогда на Западе культа антиобщественного индивидуализма. М. Димитров выступил с решительной отповедью Пеневу и вскрыл антинаучность его теоретических выводов. В большой статье «Ботев в свете „индивидуализма“ (к значению идеологии)» Димитров показал, что в основе новейшего индивидуализма лежит нищезанятость, ставшее ультрареакционной философией, характерной для упадка класса буржуазии²⁵. К сожалению, статья осталась незавершенной, так как события 1923 г. и последовавшая за ними реакция не позволили автору вернуться к этому вопросу.

В 1924 г., после тщательного критического анализа уже известных в науке источников и новых данных, М. Димитров публикует биографию Ботева²⁶, которую, по всеобщему признанию, можно считать первой научной биографией болгарского революционера²⁷.

В этой работе, как и во всех других своих исследованиях, М. Димитров пытался очистить биографию Ботева от измышлений и умышленных искажений З. Стоянова, Ст. Заимова и Ив. Клиничарова. Написание биографии Ботева, как подчеркивал Димитров, представляло значительные трудности, так как те, кто писал о нем ранее были в плену не только своей мещанской ограниченности, но, что еще хуже, сознательной предубежденности²⁸.

М. Димитров в «Биографии» несколько подробнее останавливается на пребывании Ботева в Румынии, где сосредоточена была значительная часть болгарской эмиграции. Он отмечает, что 1869 год явился поворотным пунктом в истории болгарского революционного движения — начался новый подъем среди эмиграции, который естественно отразился на молодом Ботеве²⁹. Встрече Ботева с Нечаевым автор посвящает специальную главу³⁰, полагая, что именно эта встреча объясняет особенности мировоззрения поэта. Видимо, под влиянием Е. Волкова — русского биографа Ботева, а также и Г. Бакалова³¹, М. Димитров в этом труде даже усилил свои прежние неверные оценки доведя их, в частности, до утверждения, что идеи и взгляды Ботева в значительной мере были лишь приложением к болгарской действительности идей Бакунина³².

Димитров вновь подчеркивает в мировоззрении Ботева утопическо-социалистические черты. «Утопист-социалист у Ботева,— пишет он,— чувствуется на каждом шагу»³³. В доказательство этого автор ссылается на оценку Ботевым государства как олицетворения насилия при всех обстоятельствах и во все времена и на выдвижение им утопической задачи — миновать эру капитализма и сразу шагнуть в социалистическое царство³⁴, опираясь на «самобытность» болгарского народа и его социалистические устремления. В этом исследовании получила также новую аргументацию и прежняя мысль Димитрова о возрастающем влиянии Маркса на Ботева³⁵. Именно с влиянием марксизма он связал тот громадный шаг вперед, который сделал Ботев в «области политического мышления»³⁶.

Если учесть, что книга вышла после поражения Сентябрьского восстания 1923 г., в обстановке, когда преследования коммунистов и травля марксизма приняли государ-

²⁵ «Ново време», год. XXIII, кн. I. Статья напечатана под псевдонимом Борис Младенов.

²⁶ М. Димитров. Биография на Христо Ботев. София, 1924.

²⁷ А. Бурмов. М. Димитров и българската историческа наука. «Вечерни новини», 1951, бр. 127, 27 XII.

²⁸ М. Димитров. Биография..., стр. 3.

²⁹ Там же, стр. 32.

³⁰ Там же, стр. 34—40.

³¹ Е. Волков. Христо Ботев, М — Пг., 1923; Г. Бакалов. Сергей Нечаев и Христо Ботев. София, 1924.

³² М. Димитров. Биография..., стр. 81.

³³ Там же, стр. 84.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 85.

³⁶ Там же, стр. 86.

ственно организованный характер, то станет понятным, какое значение приобретала эта трактовка историком жизни и взглядов национального героя Болгарии.

Почти одновременно с биографией Ботева вышел в свет другой ценный труд Димитрова, в котором он собрал неизвестные до того времени произведения поэта, снабдив их своими комментариями и вступительной статьей³⁷. В этой работе М. Димитров осуществил колоссальную источниковедческую и текстологическую работу по выявлению анонимных публицистических статей, стихотворений, юморесок и других материалов, принадлежавших перу Ботева. Все они относились ко времени издания газеты «Тъпан» («Барабан») в 1869—1870 гг. Проведя стилистический, языковый и идейный анализ печатавшихся в газете материалов, М. Димитров неоспоримо доказал, что Ботев был одним из ее основных сотрудников. Вновь открытые произведения Ботева имели принципиальное значение для характеристики деятельности и мировоззрения болгарского революционера в конце 60-х годов. Как отметил Г. Бакалов «эта книга стала праздником для ботевоведения»³⁸.

Значительный интерес представляет вступительная статья к этому сборнику, в которой автор показал общественную и политическую борьбу в среде болгарской эмиграции в Румынии, раскол ее на две враждующих между собой группировки — «старых» и «молодых». Проанализировав их классовую сущность, Димитров охарактеризовал «молодых» как представителей революционно-настроенной мелкой буржуазии, которые только и могли быть в это время истинными выразителями народных интересов. В «старых» он видел представителей болгарской крупной буржуазии, безмерно далеких от народа. Димитров явился первым историком, который неуклонно и последовательно проводил идею классового характера национально-освободительной борьбы в Болгарии, в отличие от господствовавшей в буржуазной науке концепции «все-народности» этой борьбы.

Анализируя далее роль Ботева в газете «Тъпан», Димитров показал, что Ботев «продолжил революционную проповедь Раковского», объединив вокруг газеты широкие слои эмиграции, заложив тем самым основу будущей революционной партии³⁹.

Опубликованный сборник сразу стал объектом острой идеологической борьбы. Большинство буржуазных исследователей ополчились на Димитрова. Особенно неистовствовал И. Клиначаров, неоднократно подвергавшийся критике со стороны Димитрова⁴⁰ — он обвинил историка в сознательной мистификации⁴¹. Полемика вокруг «Неизвестных произведений» Ботева, в которой М. Димитрова поддерживали Т. Павлов, Ст. Каракостов, П. Динев, затянулась на значительное время. Автор, приведя новые факты и аргументы, неоспоримо доказал сотрудничество поэта в газете «Тъпан» и окончательно разоблачил Клиначарова как фальсификатора Ботева⁴². Наиболее полно он изложил свои взгляды по этому вопросу в брошюре⁴³, направленной против А. Бурмова, который также отрицал принадлежность «Неизвестных произведений» перу Ботева.

Дискуссия не только не отвлекла исследователя от изучения идейного и литературного наследия великого революционера, а, наоборот, способствовала этому. Весьма примечательна статья о Х. Ботеве, напечатанная М. Димитровым в 1926 г. В ней четко поставлен вопрос о соотношении социального и политического начал в

³⁷ Х. Ботев. Неизвестни произведения. Уводна статия и бележки от Мих. Димитров. София, 1924.

³⁸ Г. Бакалов. Х. Ботев. Неизвестни произведения. Нов. път., год. II, 1924—1925, кн. 9, стр. 271.

³⁹ Х. Ботев. Неизвестни произведения, стр. 34.

⁴⁰ См. «Борба», год. II, 1919—1920, кн. 18. Статья напечатана под псевдонимом Дафин Кичев.

⁴¹ И. Г. Клиначаров. Мистификация с произведенията на Хр. Ботйов. София, 1925, стр. 20—21.

⁴² См. статьи: По повод «Мистификация с произведенията на Хр. Ботйов». — «Учителска мисъл», год. VII, 1925—1926, кн. 7—10; «Борба около литературното наследство на Х. Ботйов». — «Изток», 1926, бр. 26, 11 IV.

⁴³ М. Димитров. За литературното наследство на Х. Ботйов. София, 1941.

мировоззрения Ботева. Прежде Димитров считал, что они у поэта были отделены один от другого и на разных этапах одно превалировало над другим, то теперь он утверждает, что «Ботев не отделял политического вопроса от социального». Решение первого было для него условием решения второго вопроса — социального⁴⁴.

Крупным достижением марксистской исторической мысли в межвоенный период явилась вышедшая в 1938 г. специальная историографическая работа М. Димитрова, в которой он подверг критическому разбору литературу о Х. Ботеве⁴⁵. В десяти очерках автор устанавливает единую линию в фальсификации образа Ботева, ведущую начало от З. Стоянова и С. Заимова, которые создали представление о поэте, с одной стороны, как о некоем сказочном герое, сверхчеловеке, а с другой — как о фатально обреченном на бездействие мечтателе, которого «носили бури и стихии»⁴⁶. Не могли понять личности Ботева и его истинного величия И. Вазов и П. Славейков. Если у первого причудливо переплетались две точки зрения; с одной стороны, жизнь Ботева — это цепь «приключенчества», «авантюры» и т. п., а с другой — внутренняя последовательность и убежденность поэта-революционера, то у второго — поэт представлен просто бродягой, лишенным родной почвы.

Особенной глубиной и точностью аргументации выделяются очерки: «Ботев в освещении индивидуализма» и «Ботев в освещении психоанализа». В них Димитров продолжил прерванную в 1923 г. работу. За 15 лет, прошедших после ее опубликования, особенно после прихода к власти в Германии гитлеровцев, взявших на вооружение философию Ницше, проблема индивидуализма стала еще более злободневной и актуальной⁴⁷. Вот почему Димитров вновь обращается к ницшеанству, объясняя его как «реакцию против сильного демократического движения в Европе в 19 веке»⁴⁸.

Вскрыв ницшеанские истоки философии Пенева и доказав несостоятельность его попыток представить Ботева как крайнего индивидуалиста, Димитров противопоставляет свое понимание Ботева-революционера. «Ботев,— пишет он, не только дитя эпохи, но одновременно и человек, чья гениальность и всесторонняя даровитость были наиболее полным и непревзойденным по своей целостности и красоте воплощением этой эпохи»⁴⁹.

Без преувеличения можно сказать, что эта работа, написанная с большим полемическим накалом и литературным блеском, ослабила влияние буржуазного ботевоведения на болгарскую молодежь и значительно способствовала утверждению марксистского направления в изучении идеологии, личности и деятельности Ботева⁵⁰.

Во второй половине 30-х годов М. Димитров выступает с несколькими статьями о Л. Каравелове и В. Левском. Интерес ученого к этим выдающимся деятелям революционной мысли и практики был продолжением все той же благовской линии в изучении национально-освободительной борьбы болгарского народа, которой придерживались деятели БКП и ученые-марксисты.

В это время установка партии на создание народного фронта потребовала пристального изучения опыта революционно-освободительной борьбы прошлого. Между тем традиционная точка зрения сводилась к тому, что Л. Каравелов был идейным вдохновителем В. Левского, который выступал как практик и исполнитель его пред-

⁴⁴ М. Д и м и т р о в. Хр. Ботев. «Златорог», год. VII, 1926, кн. 5, стр. 230.

⁴⁵ М. Д и м и т р о в. Личноста на Ботева. Критически преглед, изд. 2, 1945.

⁴⁶ Там же, стр. 22.

⁴⁷ В 1938 г. М. Димитров публикует специальную работу, в которой раскрывает человеконенавистнические, антисоциальные и индивидуалистические идеи Ницше с его культом силы, эгоизма и сверхчеловека. См. «Нитче като идеолог». София, 1938. Эта книга, говорил акад. Т. Павлов, «сыграла огромную положительную роль в разоблачении фашистской идеологии» в Болгарии. Указ. ст., стр. 109.

⁴⁸ М. Д и м и т р о в. Личноста на Ботева, стр. 60.

⁴⁹ Там же, стр. 126.

⁵⁰ Не без основания еще в 1938 г. Г. Бакалов отмечал, что «борьба вокруг Ботева значительно способствовала его изучению. Особенно активным, как и следовало ожидать, оказался марксистский лагерь, который положил основы научного исследования как Ботева, так и его эпохи». Г. Б а к а л о в. Класова оценка на Христо Ботев. «Звезда», 1933, кн. 20, стр. 891.

начертаний. Подвергнув пересмотру эту искусственную концепцию взаимоотношений двух революционеров, Димитров показал влияние Левского на Каравелова. Отход Каравелова от революционного движения в 1874—1875 гг. объяснялся тем, что он всегда оставался «половинчатым революционером»⁵¹.

В исследовании М. Димитрова о В. Левском (1937 г.) обстоятельно рассмотрены вопросы тактики революционера, его идеи всенародного организованного восстания⁵². Развивая свою мысль о независимости взглядов Левского от идей Каравелова, Димитров доказывает, что замечательный Апостол толкнул Каравелова на революционный путь⁵³ и что именно Левский, а не Каравелов первым выдвинул идею создания комитетов, которые должны были стать единственной осью революционного движения в стране⁵⁴. Автор сумел показать, что тактика Левского оказала положительное влияние на идейные основы революционно-демократической партии Болгарии.

Михаил Димитров исследовал и другие мало изученные вопросы болгарской истории. В 1930 г. он публикует труд о комитете «старых» — «Добродетельной дружине»⁵⁵, история которой к тому времени еще не была написана. Проследившая влияние Крымской войны на болгарское Возрождение, изменения, которые произошли в связи с этим в стране, некоторое ослабление влияния России в Болгарии после войны, усиление там католической пропаганды и другие вопросы, Димитров на богатом фактическом материале разрешил ряд вопросов болгарской истории 50—70-х годов XIX в. Ему удалось доказать в частности, что образование Бухарестского комитета как органа болгарской буржуазной эмиграции было делом самих болгар, хотя комитет и стал проводником политики русского царизма на Балканах. Позднее, в 1861 г., члены комитета, принадлежавшие к партии «старых», реорганизовали его в благотворительное общество — «Добродетельную дружину», что вернее отвечало его новым и весьма ограниченным задачам — воздействовать на общественное мнение балканских стран в благоприятном для России смысле⁵⁶. В 1866—1867 гг. усилились разногласия между двумя политическими течениями эмиграции — партией «старых» и партией «молодых»⁵⁷. В работе показана ожесточенная борьба между двумя партиями по основным политическим и тактическим вопросам на протяжении десятилетия, предшествовавшего освобождению Болгарии.

Научная деятельность М. Димитрова не прекращалась и в годы второй мировой войны. «Несмотря на трудные условия, писал известный болгарский историк А. Бурмов, — в которых довелось работать М. Димитрову, он всегда оставался марксистом и старался применить единственно верный марксистский метод к изучению истории Болгарии»⁵⁸.

Умение Димитрова тесно связывать свои научные интересы с политическими задачами коммунистической партии и народа с полной силой проявилось после победы социалистической революции в Болгарии. В новых условиях широко развернулась научная, педагогическая, пропагандистская и организаторская деятельность выдаю-

⁵¹ М. Д и м и т р о в. Преломът у Любен Каравелов през 1874 година. «Промета», год. I, 1935—1936, кн. 4, стр. 408.

⁵² М. Д и м и т р о в. Пътът на Васил Левски. «Отец Паисий», год. X, 1937, кн. 3.

⁵³ Там же, стр. 90.

⁵⁴ Там же, стр. 93.

⁵⁵ М. Д и м и т р о в. Българската Добродетелна дружина. Българска историческа библиотека, год. III, 1930, кн. 4, стр. 165—198; е го ж е. Комитетът на «старите» — Добродетелната дружина. В сб. България 1000 години. 927—1927. София, 1930.

⁵⁶ М. Д и м и т р о в. Комитетът на «старите» — Добродетелна дружина, стр. 753—757.

⁵⁷ Там же, стр. 776.

⁵⁸ А. Б у р м о в. «Вечерни новини», 1951, бр. 127. Преданность М. Димитрова марксизму отмечена была и буржуазной критикой. Так, один из реакционных критиков, подвергнув разному труды Димитрова о Ботева, обвинил автора в том, что он всегда выступает в своих исследованиях как последовательный марксист. См. Л. Р у с е в. Комичното в ботевистиката и великото в Ботева. «Просветно единство», 1939, бр. 9 (195).

щегося ученого, ставшего во главе созданного в 1945 г. Института ботевоведения (Институт «Христо Ботев»).

Достойна удивления энергия, с какой вел эту громадную работу немолодой уже ученый. Он выступал со статьями в газетах и журналах, значительно перерабатывал для переиздания свои прежние труды о Ботеве и подготовил новое полное собрание его сочинений, группировал вокруг института кадры молодых и старых ботевоведов, выступал перед студенческой аудиторией, принимал деятельное участие в создании Союза научных работников и перестройке Академии наук.

Уже в первом номере нового философского журнала, одним из редакторов которого становится Димитров, он публикует статью об идеологии Ботева, подчеркивая главным образом влияние на него идей утопического социализма⁵⁹. Вообще, проблема идеологии особенно занимает ученого⁶⁰. Видимо, это было вызвано обострением классовой и идеологической борьбы в Болгарии в первые годы после Сентябрьской революции. В ряде статей он пытается выяснить значение идейного наследия революционеров-демократов для современности⁶¹.

Значительную роль в преодолении остатков враждебной пролетариату идеологии сыграла вышедшая в 1947 г. книга М. Димитрова «Возникновение, развитие и идеология фашизма в Болгарии». Книга явилась серьезным вкладом ученого в борьбу партии против буржуазной реакции, расизма, великоболгарского шовинизма и других враждебных течений⁶². Для нас эта работа интересна прежде всего тем, что в ней рассматривается проблема идеологии в связи с отношением различных классов к национальному возрождению.

Эта работа Димитрова позволила многим буржуазным интеллигентам, в том числе и историкам, искренне желавшим освободиться от тяжелого груза прошлого, правильно оценить роль и значение национального возрождения в истории болгарского народа с позиций марксизма.

В творчестве ученого после 9 сентября 1944 г. можно выделить два основных этапа.

Первый (1944—1954 гг.) — почти весь посвящен дальнейшему углубленному изучению революционной деятельности и идеологии Х. Ботева, вовлечению в научный оборот неизвестных еще источников и малоизученных материалов, постановке новых тем и вопросов, касающихся поэта-революционера. Тогда же Димитров написал ряд статей о В. Левском и Л. Каравелове, о роли народных масс в эпоху Возрождения и др.

На втором этапе (1955—1966 гг.) научные интересы М. Димитрова были связаны с изучением личности Л. Каравелова и его мировоззрения. В эти годы ученый написал несколько больших статей о Л. Каравелове и его биографию.

Развивая основные идеи, заложенные в прежних его работах о Ботеве, Димитров переиздал ряд известных уже нам исследований о нем, значительно их дополнив и переработав. В новом издании биографии поэта, увеличенном более чем в два раза⁶³, значительно расширен круг использованных источников и материалов, более четкими стали выводы и формулировки. К сожалению, и в этом издании осталось то же преувеличение влияния Бакунина и Нечаева на Ботева, что и в предыдущих его работах.

⁵⁹ М. Димитров. Върху идеологията на Хр. Ботев. «Философска мисъл», год. I, 1945, кн. 1—2, стр. 176—183.

⁶⁰ М. Димитров выступает со специальной статьей, в которой выясняет, что такое идеология, какова ее роль на различных этапах истории, в чем различие между наукой и идеологией («Що е идеология?» — «Съвременник», год. I, 1945, кн. 4, стр. 163—171).

⁶¹ См. М. Димитров. Опити да се изкористи авторитетът на Х. Ботев за фашиската пропаганда. «Отечествен фронт», 1945, бр. 224; е го ж е. Идеологията на Хр. Ботев. Ботев лист 2 — юни 1945; е го ж е. Българска философска мисъл и връзката с философията на другите славянски народи. В сб. «Славянское братство». София, 1945; е го ж е. Народът в идеологията и дейността на Х. Ботев. «Работническо дело», 1945, бр. 119; е го ж е. Ботев за политическата свобода. Х. Ботйов. Специален лист по случай 70-годишнината от смъртта на Ботев. София, 1946, и др.

⁶² Т. Павлов. Мих. Димитров, стр. 109.

⁶³ М. Димитров. Биография..., София, 1948.

В большом очерке⁶⁴, приведя много интересных данных, верных наблюдений и выводов, указывающих на влияние русских революционных демократов, ученый отнес к их числу и Бакунина. Чрезмерно много внимания уделил Димитров изучению текстуальных совпадений у Ботева и у его русских учителей — Герцена, Чернышевского и Добролюбова, а затем и у Бакунина, Фурье, Прудона и др. Это могло привести к ошибочным выводам и, прежде всего, к отрыву идеологии Ботева от той социально-экономической и политической почвы, которая ее питала.

Конечно, нельзя не видеть огромного влияния на Ботева идей русских революционных демократов, но для формирования Ботева как наиболее крупного мыслителя и революционера Болгарии в предосвободительную эпоху определяющее влияние имели общественно-экономические условия Болгарии 50—70-х годов XIX в., острота общественных противоречий и, наконец, болгарское национально-освободительное движение, стоявшее перед своим высшим этапом. Именно совокупность этих факторов можно считать основой при определении социально-политических, философских и исторических взглядов Х. Ботева, в то время как в творчестве Герцена, Чернышевского и других Ботев нашел духовное оружие для борьбы за цели национально-революционного возрождения Болгарии. Болгарский революционер воспринял и развил ту часть их идеологии, которая наиболее соответствовала обстоятельствам и потребностям революционной борьбы. Восприятие Ботевым этих элементов было обусловлено в определенной степени и некоторыми сходными условиями в социально-экономическом развитии России и Болгарии. Однако в целом исторические условия и задачи, существовавшие в этих странах, были различны по своему характеру. Так, громадная роль в системе взглядов Ботева принадлежала задачам национального освобождения его родины, которая не стояла и не могла стоять перед революционными демократами России.

Большое значение для дальнейшей деятельности Димитрова имело пребывание его в СССР (в 1945 и 1948 гг.), а затем и в Румынии (1950 г.), где он собрал новые материалы о Ботеве и об эпохе Возрождения в целом и установил прямые связи с советскими и румынскими историками.

М. Димитров, который всегда стремился к выяснению вопроса об объективных условиях деятельности Ботева, наиболее полно раскрыл свою трактовку этой темы в большой полемической статье, направленной против Ж. Натана, видевшего в Ботеве прежде всего революционера-демократа эпохи борьбы за буржуазно-демократический переворот в Болгарии, а его социалистические воззрения он отодвигал на второй план⁶⁵. Считая, что этот тезис неправильно представляет не только идеологию поэта, но и характер и задачи эпохи⁶⁶, Димитров подверг критике Натана за то, что он недостаточно изучив болгарскую историческую действительность, подошел к ней с готовой схемой, представляющей якобы обобщение истории других европейских народов. «Это конструктивистское, а не исследовательское отношение к нашей действительности, — замечает Димитров, — имеет своим результатом неправильно поставленный ряд проблем из нашей недавней истории»⁶⁷.

В статье Димитров рассмотрел вопрос о революционности буржуазии вообще и болгарской в частности. Он верно замечает, что революционность буржуазии зависит от революционности крестьянских масс, но выводы, к которым он приходит, кажутся нам недостаточно обоснованными. Если следовать логике Димитрова, то можно предположить, что именно недостаточная революционность крестьянских масс в Болгарии обусловила слабость болгарской буржуазии. Но общеизвестно, что болгарское крестьянство потенциально было наиболее революционной силой в стране, ждавшей лишь руководителя, способного поднять его на решительную борьбу. Без

⁶⁴ М. Д и м и т р о в. Студия върху идеите, живота и творчество на Хр. Ботева. См. Ботев Христо. Съч., т. I, София, 1950.

⁶⁵ М. Д и м и т р о в. Около идеологията на Х. Ботева. В сб. «Хр. Ботев. По случай сто години от раждението му». София, 1949.

⁶⁶ Там же, стр. 135.

⁶⁷ Там же, стр. 141.

такого руководителя революционные выступления крестьянства обречены на поражение.

Кто же мог быть этим руководителем до оформления пролетариата как класса? Опыт истории показывает, что всюду и везде буржуазия пыталась войти в союз с крестьянскими массами, чтобы возглавить их борьбу и направить ее в своих собственных интересах. «Класс, совершающий революцию, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — уже по одному тому, что он противостоит другому *классу*, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он фигурирует в виде всей массы общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это от того, что вначале его интерес действительно еще связан более или менее с общим интересом всех остальных, негосподствующих классов, не успев еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса»⁶⁸.

Нельзя утверждать, что вся болгарская буржуазия с самого начала отказалась от всяких попыток вступить в союз с городскими и сельскими народными массами. Если крупная болгарская буржуазия с самого начала связала себя с турецким феодальным классом и выступила против национально-освободительного движения, то именно это обстоятельство позволило средней и мелкой буржуазии апеллировать к низам, призывая их к борьбе против основных врагов болгарского народа: турецкого феодально-деспотического государства и гнета греческого духовенства. Несмотря на свои колебания, эта часть буржуазии все же шла вместе с народом против сил реакции. Хотя буржуазия не смогла стать движущей силой в антифеодальной борьбе (такой силой стало крестьянство и городские ремесленники), она продолжала добиваться роли гегемона, чтобы свернуть революционную борьбу на путь реформ. В этом споре прав поэтому скорее Ж. Натан, утверждающий, что на определенном этапе буржуазия играет положительную роль, становясь во главе борьбы за просвещение, язык, самостоятельную церковь и т. д., но что в дальнейшем она изменяет делу национального освобождения народа.

Свою точку зрения на роль болгарской буржуазии в эпоху Возрождения (после Крымской войны) Димитров изложил в обстоятельно написанной главе первого тома коллективного труда по истории Болгарии (1954)⁶⁹. Продолжая отрицать какую бы то ни было революционность болгарской буржуазии, он утверждал, что идеологией всего этого класса было просветительство, эволюционизм. При этом Димитров ссылается на то, что буржуазные идеологи в Западной Европе после революционных потрясений 1848 г. также сочли мирный путь развития единственно правильным. Но автор упустил из виду, что в большинстве западноевропейских стран буржуазия либо пришла к власти, либо достигла компромисса с господствующим классом. Этого нельзя было сказать в отношении Болгарии, где интересы буржуазии были значительно ущемлены. Поэтому наряду с крупной буржуазией, которая в своем подавляющем большинстве вела антинародную, соглашательскую политику с турецким султаном, были и элементы средней буржуазии, готовые пойти на риск восстания при условии, что оно будет поддержано вмешательством со стороны других держав.

В этой главе М. Димитров затронул и важные проблемы социально-экономического развития Болгарии в третьей четверти XIX в. Но несмотря на большой фактический материал, приведенный историком, он обошел такие важные вопросы, как первоначальное накопление, развитие капитализма в сельском хозяйстве, не дал четкого ответа на вопрос, какова была степень капиталистического развития Болгарии после Крымской войны.

В 1953 году в Болгарии началась дискуссия вокруг кардинальных вопросов, связанных с идейными позициями Л. Каравелова в революционной и национально-освободительной борьбе, или, более точно, о возможности признания его революционным демократом.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 47.

⁶⁹ «История на България», т. I. София, 1954, стр. 391—451.

За последние годы определилась сравнительно большая группа болгарских и советских исследователей (А. Бурмов, П. Зарев, Н. Кондарев, Л. Воробьев, Л. Ериханов и др.), отстаивающих точку зрения о революционном демократизме Каравелова. Не меньше и группа их оппонентов (сам М. Димитров, Ив. Унджиев, Г. Грозев, В. Велчев, С. Никитин, К. Копержинский и др.), подчеркивающих либерально-просветительские тенденции в мировоззрении Каравелова.

Наиболее убедительно этот взгляд был обоснован в работах Димитрова. В статье к 75-летию со дня смерти Каравелова Димитров указывал, что идеи писателя сформировались под непосредственным воздействием болгарских просветителей и русских либералов и славянофилов. «Просветительство Каравелова,— писал автор.— охватывало не только вопросы практическо-политического характера, а было одновременно выражением его самых общих взглядов»⁷⁰. В других статьях Димитров детализирует, уточняет и аргументирует свою концепцию. Он утверждает, что только соприкоснувшись с болгарским революционным движением (вторая половина 1869 г.), Каравелов становится революционером, не отказываясь от своих прежних взглядов⁷¹ и до конца сохраняя недоверие к способности народных масс своими собственными силами освободить Болгарию⁷². «Классовое наследство,— заключает статью Димитров,— с которым он перешел на сторону народа, его либеральные взгляды и навыки, приобретенные в среде русских славянофилов и либералов, как и его сравнительно позднее приобщение к революционному движению, по своей совокупности, не позволяют ему развиться в последовательного революционера»⁷³.

Полемически острый характер носит статья, опубликованная как дискуссионная на русском языке⁷⁴. На основе обширного скрупулезно проанализированного материала, Димитров приводит читателя к выводу, что «Каравелов не был революционером в социальном плане, а был революционером национального типа и то лишь в течение известного времени»⁷⁵. Хотя Каравелов был одним из воспитателей народных масс в духе протеста и борьбы, как политический деятель, он был весь соткан из внутренних противоречий, «в которых он пребывал и из которых не мог выйти»⁷⁶. Следует сказать, что противоречивость взглядов Каравелова привлекает все большее внимание и оппонентов М. Димитрова. Так, советский исследователь Л. Воробьев пишет: «Упрощение сложного идейного и творческого пути Каравелова, отказ от анализа его противоречий, приводит к неточностям и оплошностям, которыми пользуются сторонники другого взгляда на мировоззрение и творчество болгарского писателя»⁷⁷. Сам Л. Воробьев не уклонился от рассмотрения противоречий и либеральных тенденций в мировоззрении и творчестве Каравелова, но все же у другой стороны пока еще остается преимущество в обилии использованного материала и его интерпретации.

Вместе с тем, нельзя согласиться с некоторыми приемами, используемыми Димитровым в полемике, в частности с обвинениями оппонентов в «слабом знании фактической стороны дела»⁷⁸, в надуманности и предвзятости их выводов⁷⁹ и т. д.

Плодом многолетней работы ученого, завершающей изучение жизни, деятельности и мировоззрения Каравелова, должна была стать обширная монография, пер-

⁷⁰ М. Д и м и т р о в. За дейност та идеите на Л. Каравелов. «Исторически преглед», год. X, 1954, кн. 2, стр. 12.

⁷¹ М. Д и м и т р о в. За идеологията на Л. Каравелов и неговото място в революционното движение. «Известия на института „Ботев-Левски“». София, 1956, кн. 2, стр. 27.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 32—33.

⁷⁴ М. Д и м и т р о в. К вопросу об идеологии Любена Каравелова. Уч. записки Ин-та славяноведения АН СССР. М., т. XVI, 1958.

⁷⁵ Там же, стр. 92.

⁷⁶ Там же, стр. 107.

⁷⁷ Л. В. В о р о б ъ е в. Философские и социологические воззрения Л. Каравелова. Изд-во МГУ, 1962, стр. 9.

⁷⁸ М. Д и м и т р о в. К вопросу об идеологии Любена Каравелова, стр. 78.

⁷⁹ Там же, стр. 79.

вая часть которой, содержащая биографию Каравелова, появилась в 1959 г.⁸⁰ Идеологии и творчеству Каравелова автор предполагал посвятить особый труд⁸¹. Такое разделение представляется нам не только искусственным в формальном отношении, но и ошибочным по существу, ибо биография исторических личностей — поэтов, писателей, политических и общественных деятелей — это прежде всего их творчество, их непосредственная практическая и творческая деятельность. Если у Димитрова этого не случилось, то лишь потому, что автору трудно было держаться в узких рамках биографического повествования и он вольно или невольно привлек материалы о мировоззрении Каравелова. В целом же значение этого труда, написанного на огромном архивном и литературном материале, таково, что ни один исследователь, на какой бы точке зрения он ни стоял, не сможет обойти его.

Все вопросы, связанные с биографией Каравелова, с его идейным и творческим развитием, автор решает в неразрывной связи с конкретной социальной и политической обстановкой, в которой только и могла развернуться деятельность исторической личности⁸². Однако, обрисовав положение народных масс в Турции, возникновение капитализма в Болгарии, турецкие реформы и другие вопросы, автор не смог раскрыть специфику эпохи, так как не показал расстановку сил и, что еще более важно, того, какие классовые силы могли стать в центре эпохи и взять на себя руководящую роль во все возрастающей борьбе народных масс за освобождение. Необходимо было хотя бы бегло очертить задачи, стоявшие перед различными классами в предстоявшей в Болгарии антифеодальной революции. Тем более такое исследование было необходимо в отношении Болгарии, так как некоторые болгарские историки объявляют болгарскую буржуазию только консервативной и даже контрреволюционной силой. Сам Димитров также считает, что в отличие от сербской буржуазии буржуазия в Болгарии, которая «оформилась как класс со своей психологией значительно позднее и которая уже испытывала известный страх перед народными движениями», побоялась стать во главе народных масс в борьбе за политическую независимость⁸³. Но такая общая и недифференцированная характеристика явно недостаточна. Дело в том, что признание за болгарской буржуазией роли прогрессивной силы на определенных этапах национально-освободительной и антифеодальной борьбы могло бы в значительной степени сблизить точки зрения представителей двух направлений в оценке мировоззрения Каравелова, к чему очевидно еще не готова ни одна из сторон⁸⁴.

В споре, который продолжался до недавнего времени, оппоненты исходили из раз и навсегда установившегося представления, что болгарская буржуазия во все времена и во всех отношениях была антиреволюционной и, следовательно, неспособной выдвинуть из своей среды революционеров. Отсюда и наметившаяся полярность точек зрения: либо революционер-демократ, либо просветитель. Но стоит несколько иначе поставить вопрос о роли буржуазии в предосвободительную эпоху, как образ Каравелова предстает в совершенно ином свете. Он прежде всего революционер, но, конечно, и просветитель, буржуазно-классовая ограниченность которого совершенно очевидна.

Пытаясь несколько преуменьшить революционность Каравелова, Димитров значительно преувеличил славянофильские взгляды писателя, считая, что влияние славянофилов на него было столь большим, что, даже порвав со старыми славянофильскими кругами, он до конца оставался верен их идее, что сербо-турецкая война может побудить славянские народы к восстанию и привести к освобождению от турецкого ига⁸⁵. Приведав высказывания Каравелова, по которым «болгария без серба и серб без

⁸⁰ М. Димитров. Л. Каравелов. Биография. София, 1959.

⁸¹ Там же, стр. 4.

⁸² Там же, стр. 7—24.

⁸³ Там же, стр. 93.

⁸⁴ Л. В. Воробьев, приведя замечание К. Маркса, что борьба двух мнений в науке может завершиться либо победой одного из них, либо их синтезом, слиянием, заключает: «В данном случае синтез взаимоисключающих позиций представляется невозможным». (Цит. работа, стр. 21). Нам думается, что подобная категоричность несколько преждевременна.

⁸⁵ М. Димитров. Любен Каравелов, стр. 74—82, 361—362.

болгарина не может»⁸⁶, он противопоставляет их точке зрения Левского, полагавшего, что только посредством массовой организации внутри страны болгарский народ сможет самостоятельно начать борьбу против Турции.

Обстоятельно исследуя годы, последовавшие после гибели Левского, сотрудничество и конфликт между Ботевым и Каравеловым, и другие вехи из жизни последнего, автор в духе своей концепции усматривал причину конфликта между Ботевым и Каравеловым в том, что первый защищал революционный метод, а второй проводил просветительскую линию⁸⁷.

Подробное освещение направления, которому следовал Каравелов, Димитров обещал дать лишь во второй части своего сочинения (оставшейся незаконченной из-за смерти автора). Но уже в первой части он наметил исходные пункты идеологии Каравелова. Перед Каравеловым, пишет биограф, неизменно стояла цель освобождения болгарского народа от турецкого ига. Его конечным идеалом в освободительной борьбе было создание буржуазно-демократического государства. В высказывании Л. Каравелова о том, что «болгары ищут свободы и свободы полной, свободы человеческой, свободы американской» Димитров усматривал исчерпывающее доказательство непонимания Каравеловым социальных задач революции⁸⁸.

В своем последнем труде Димитров полемизировал с теми болгарскими и советскими авторами, у которых проявилась тенденция объяснить определенные стороны деятельности Каравелова чертами его личности. Одни отмечают скептический ум, другие — слабость характера. Болгарский ученый, оспаривая и то и другое, объяснял его колебания особенностями его политического мировоззрения⁸⁹.

Хотя М. Димитров посвящал свои главные работы выяснению характера и роли выдающихся деятелей болгарского Возрождения, изучение их тесно связано с борьбой народных масс, т. е. исторически прогрессивных классов и слоев болгарского общества. В выдающихся личностях этого периода болгарской истории Димитров глубоко и конкретно раскрыл процесс формирования и осуществления социальных и политических интересов этих передовых классов и групп.

Вся долготелая и плодотворная деятельность академика М. Димитрова служит примером беззаветного и бескорыстного служения науке, в которую он внес столь значительный и оригинальный вклад. С огромным уважением относились к нему выдающиеся ученые-марксисты Г. Бакалов, Т. Павлов и др. Еще на заре научной деятельности Димитрова Бакалов писал, что он в восхищении от научного таланта ученого⁹⁰, который уже тогда стремился овладеть марксизмом и применить его в своих исторических исследованиях.

Димитрова-историка отличает глубокое проникновение в сущность изучаемых им явлений, событий и фактов, уважение и научно-критическое отношение к источникам, которые, однако, он никогда не фетишизировал. В своих исследованиях болгарский ученый сумел избежать как грубого эмпиризма, так и ложного теоретизирования. Но на пути становления Димитрова как марксистского ученого были и некоторые отклонения объективистского характера. Далеко не сразу он понял роль и значение марксистско-ленинской партийности в исторической науке, субъективного и объективного факторов в истории и ряд других вопросов.

Оценивая научную деятельность Димитрова за 50 лет, следует признать, что ученый многое сделал для развития болгарской исторической науки. Его труды остаются ее ценным достоянием.

⁸⁶ Там же, стр. 218.

⁸⁷ Там же, стр. 280.

⁸⁸ Там же, стр. 356—358.

⁸⁹ Там же, стр. 353—356. Рецензенты пытались оспорить этот тезис. См.: Л е к о в. Нова биография на Любен Каравелов. «Списание на БАН», 1930, кн. 2; И. К о н е в. Нов труд за Любен Каравелов. «Литературна мисъл», 1960, кн. 1; Д. К о с е в. Нова биография на Любен Каравелов. «Новое время», 1960, кн. 7; Л. Е р и х о н о в. Любен Каравелов. Биография. «Исторически преглед», 1960, кн. 4.

⁹⁰ Г. Б а к а л о в. Избр. произв., т. 3, София, 1964, стр. 357.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. В. ПОПОВ

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК СТАНКОВОЙ ЖИВОПИСИ «ЮГО-ЗАПАДНОЙ» ШКОЛЫ XIV В. ИЗ КОСТРОМЫ

Икона с изображением богоматери с младенцем из костромского Ипатиевского монастыря, хранящаяся в Третьяковской галерее, привлекала внимание исследователей, но не являлась предметом специального изучения. Она рассматривалась то как образец московской живописи середины XIV в., то как пример влияния на московских мастеров Феофана Грека¹. Ни один из специалистов не отметил связи памятника с южнославянской художественной традицией. Между тем для этого имеется ряд оснований.

По сторонам изображения на иконе помещена полууставная киноварная надпись: «Мати Бжиа молбница» (в сокращенном виде она скопирована в клеймах серебряного оклада²). Подобное обращение к Марии не встречается в древней Руси, но с теми или иными вариациями неоднократно фигурирует в южнославянской письменности XIV—XV вв. В изобразительном искусстве надпись имеет параллель в иконе «Умиление» ок. 1350 г. из Дечан³.

Иконографически памятник совмещает в себе черты наиболее представительного типа богородичных икон «Одигитрии — Перивлешты» и отличающегося большей интимностью «Умиления». Подобная иконографическая неопределенность характерна для памятников искусства греко-славянского мира, появившихся не позднее середины — второй половины XIV в. Рисунок рук богоматери и младенца находит аналогию в упомянутом дечанском «Умилении»⁴.

О нерусском происхождении памятника говорят: чередующаяся с густым зеленым тоном красно-охряная подкладка под золотой ассист (шрафировку), играющая роль полимента; самый характер ассиста, каллиграфичного и разветвленного, образующего изощренные, как бы ограниченные формы; ювелирная шрафировка на повое (чепце) богоматери; символические, но приобретающие характер реалий, украшения мафория; наконец, светотеневая моделировка нимбов. Перечисленные особенности в своей совокупности и в том виде, в каком они представлены на иконе, не встречаются

¹ Библиогр. указ. в кн.: В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи, т. I. М., 1963, № 210; см. также: В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 100.

² В размещении клейм автор оклада следовал иконной надписи. Из-за ее сокращения одно клеймо осталось незаполненным. В клеймах довольно точно воспроизведена графика букв основной надписи (ср. начертание «Н»).

³ V. J. Djurić. Icoñes de Yougoslavie. Avant-propos Sv. Radojčić. Belgrade, 1961, p. 36—37, № 30; С. Радочић. Старо српско сликарство. Београд, 1966, стр. 138—140; «Иконы на Балканах». София — Белград, 1967, № 193. Отмечено В. И. Антоновой (указ. соч., стр. 246, прим. 1).

⁴ Отмечено В. И. Антоновой.

Рис. 1. Богоматерь с младенцем. XIV век. Третьяковская галерея

Рис. 2. Введение во храм. Фрагмент двухсторонней иконы. Вторая половина XIV века. Охрид, Народный музей

в древнерусской живописи рассматриваемого периода. В то же время они неоднократно фигурируют в работах византийских и, что особенно важно, южнославянских мастеров XIV — начала XV в., т. е. современных данному памятнику (сюда входят и иконы, выполненные приезжими художниками в России). Ассист на иконе неоднороден — наряду с отмеченной измельченной штриховкой с оранжевым оттенком одежд младенца покрывает и более крупная, светлая шрафировка. Такое сочетание также нередко в южнославянских памятниках, например болгарских. Нерусский характер присущ блеклому, несмотря на плотность красочной поверхности, колориту иконы. Продолжая атрибуционный анализ, необходимо отметить главное — стилистическую общность иконы с живописью «палеологовского ранессанса». При этом памятник далек от его классически-столичного варианта и независим от творчества одной из центральных фигур этого периода, Феофана Грека. Связь автора с палеологовским искусством исчерпывается тенденцией к оживлению иконографического решения, расчлененности характеристик, повышенной пластичности. Наибольшую же близость памятник обнаруживает с росписями Юго-Западной Болгарии, в частности Земена (ок. 1360 г.) и пещерной церкви св. Григория — главным образом первыми, предельно архаичными, но не лишенными отдельных признаков своего времени. Еще определеннее родственность иконы с тяготеющими к указанным росписям (входящим в круг памятников так называемой «юго-западной» школы, отвечавшей вкусам местных сепаратистски настроенных владетелей) произведениями станковой живописи Македонии, «Введением во храм» третьей четверти XIV в. на обороте «Перивленты» (Охрид, Народный музей)⁵, «Благовещением» второй половины того же столетия на обороте «Одигитрии» (Белград, Национальный музей)⁶ и, по-видимому, замыкающим группу «Св. Арсением» (конец XIV в.?) из Рильского монастыря⁷. В их стиле, идентичном рассматриваемой иконе, признаки XIV в. по сравнению с росписями, более определены. Исходя из сказанного, можно предположить, что памятник из Костромы был выполнен мастером, работавшим либо в Юго-Западной Болгарии, либо в граничащей с ней Македонии во второй половине XIV в.

Несколько слов об окладе. Он также находит наибольшее число аналогий среди памятников византийского и южнославянского прикладного искусства XIV в. (в том числе сербской и болгарской резьбы по дереву). Усложненность его фактуры, прихотливый силуэт прорезей орнамента, сквозь которые просвечивают золоченые пластины, не соответствуют плоскостным чеканным окладам русских икон этого периода.

Таким образом, икона богородицы с младенцем из галереи не имеет прямой связи с древнерусской художественной культурой. По-видимому, к XVII в. она находилась в «государевой» казне или «образной» палате, куда поступали многие посольские дары и личные подношения. Оттуда она могла быть передана царем Алексеем Михайловичем в Илатиевский монастырь⁸.

⁵ V. J. D j u r i ć. Ibid., № 8, pl. XXXIV.

⁶ Ibid., № 23; V. M o l è. Umetnost južnih slovanov. Ljubljana, 1965, sl. 124 (в тексте — s. 176 — ошибочно рассмотрен другой памятник).

⁷ К. К р ъ с т е в, В. З а х а р и е в. Стара българска живопис. София, 1960, об. 25. См. также: V. J. D j u r i ć. Ibid., № 22, pl. XXXII—XXXIII.

⁸ Вероятно, в связи с этим на обороте иконы появилось изображение Голгофского креста.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ БКП ЗА ЕДИНЫЙ ФРОНТ В 20-х ГОДАХ

В 1968 г. вышла книга А. Георгиева, посвященная борьбе Болгарской коммунистической партии за единый фронт трудящихся в годы частичной стабилизации капитализма¹. Ранее эта проблема в литературе затрагивалась лишь мимоходом.

В своей монографии А. Георгиев использовал фонды Центрального партийного архива при ЦК БКП, Центрального государственного исторического архива Болгарии, опубликованные документы БКП, труды В. Коларова, Г. Димитрова и других деятелей партии, легальные и нелегальные газеты и журналы БКП и рабочих организаций, а также литературу о рабочем движении.

Центральными в книге являются вторая и третья главы. В них рассказывается о разработке болгарскими коммунистами тактики трудового блока, об идейной борьбе в защиту блока трудящихся, о проведении различных избирательных кампаний. При этом автор показывает успехи, отмечает некоторые недостатки и ошибки БКП и легальных рабочих организаций в практической деятельности по созданию трудового блока.

Тактика трудового блока была разработана на основе идеи, выдвинутой Московским совещанием БКП 1925 г. Решение о создании блока труда принято ЦК БКП в июне 1926 г. (стр. 49—50). В книге достаточно полно анализируются решения Венского пленума ЦК БКП (сентябрь 1926 г.) и II конференции БКП (декабрь 1927 — январь 1928 г.), на которых рассматривались различные вопросы этой тактики. Партия видела в трудовом блоке форму сплочения рабочего класса и трудящихся масс города и села на легальной основе для борьбы против фашистской диктатуры (стр. 58). Однако в решениях II конференции БКП указывалось, что в условиях непосредственной борьбы за социалистическую революцию трудовой блок мог быть лишь средством разобла-

чения руководителей мелкобуржуазных партий и организаций (стр. 141 и др.). Этот недостаток автор связывает с определенными явлениями в международном коммунистическом движении, в частности с ошибочной характеристикой Коминтерном социал-демократии как социал-фашизма.

Представляет большой интерес анализ идейной борьбы БКП в защиту трудового блока. Рассматривая статьи, которые публиковались главным образом в газете «Новини» (легальном органе БКП), А. Георгиев подчеркивает, что они базировались на марксистско-ленинском учении о союзе рабочего класса с трудящимся крестьянством и другими слоями эксплуатируемых, о руководящей роли пролетариата. В них широко использовались данные болгарской действительности. Статьи не были лишены и недостатков.

Автор освещает деятельность БКП по созданию трудового блока, главным образом в связи с избирательными кампаниями 1927—1929 гг. Отмечаются существенные успехи тактики трудового блока, особенно на парламентских выборах 1927 г. Георгиев приходит к выводу о том, что в ходе подготовки к этим выборам трудовой блок утвердился как крупная политическая сила (стр. 86). Вместе с тем автор считает, что отказ от соглашения с руководящими органами социал-демократической партии, а также Земледельческого союза значительно затруднил создание и деятельность трудового блока.

В монографии, на наш взгляд, имеются недостатки и спорные положения. Так, автор неправомерно сузил стоявшую перед ним задачу: реализация идеи трудового блока в его изложении сводится в основном к избирательным кампаниям. Правда, упоминается о массовом движении трудящихся против фашистского террора, за всеобщую и полную политическую амнистию, но не говорится, что в основе этого движения также лежала идея единого фронта. В этом дви-

¹ А. Георгиев. Трудовой блок (1926—1929). София, 1968, 180 стр.

женщи принимали участие не только деятели БКП и легальных организаций, действовавших под ее руководством, но и представители левого крыла БЗНС и других организаций трудящихся². Автор ничего не говорит о кампании, проведенной в начале 1929 г. в связи с подготовкой Международного антифашистского конгресса в Берлине³. Много внимания в монографии уделено I конференции Рабочей партии (стр. 159—160), но ничего не сказано о том, что конференция специально обсуждала вопрос о трудовом блоке и приняла соответствующее решение⁴.

Представляется спорной полемика автора с видным деятелем БКП С. Димитровым-Мареком, считавшим недостатком то, что Московское совещание, сняв лозунг вооруженного восстания, вместе с тем сняло и лозунг рабоче-крестьянского правительства. А. Георгиев полагает, что, хотя в решениях совещания этот лозунг не фигурировал, партия сохранила — он подразумевался (стр. 42—48). Аргументация автора не выглядит убедительной. Да и сам А. Георгиев признает, что отсутствие лозунга рабоче-крестьянского правительства в документах Московского совещания БКП на практике привело к тактическим ошибкам (стр. 47—48).

Автор не в полной мере оценивает значение создания легальной Рабочей партии. Образование этой партии связывается лишь с необходимостью более широкого участия пролетариата и укрепления руководящей роли БКП в трудовом блоке (стр. 71). Рабочая партия с самого начала мыслилась руководством БКП в качестве широкой политической организации трудящихся, выполняющей разнообразные функции, в том числе и функцию укрепления трудового блока. ЦК

БКП подверг критике лозунг трудовой демократической власти за его расплывчатость. Автор считает, что лозунг трудовой демократической власти был для Рабочей партии синонимом лозунга рабоче-крестьянского правительства, но не приводит никаких доказательств в пользу этого; не принимаются во внимание и оппортунистические настроения в руководстве Рабочей партии в первый год ее существования.

Нельзя согласиться с мнением автора о том, что в Болгарии частичная стабилизация капитализма проявилась прежде всего в политической области (стр. 9). На самом деле признаки хозяйственного оживления имели место уже в 1924 г.⁵, а в политическом отношении страна вступила в период капиталистической стабилизации после новой волны фашистского террора, охватившего страну весной и летом 1925 г. Столь же неточно утверждение, что вся болгарская буржуазия проводила продажную и угодническую политику в отношении иностранного империализма (стр. 14, 136). В действительности часть буржуазии прилагала немало сил для того, чтобы не допустить или ограничить приток иностранного капитала. Автор пишет, что правительство Ляпчева своим отношением к трудящимся ничем не отличалось от правительства Цанкова, а несколькими строками ниже признает, что при Ляпчеве было разрешено существование некоторых газет и организаций трудящихся (стр. 19—20). В книге имеются и мелкие фактические неточности.

Несмотря на отмеченные недостатки, монография является серьезным трудом, восполняющим пробел в литературе о героической борьбе болгарского народа против фашизма и капиталистической эксплуатации.

² «Новини», 21 XI, 19 XII 1927; 13, 31 I, 19 IV, 7 VI 1928.

³ «Работническо дело», 22 II, 1 III 1929; «Единство», 6 III 1929.

⁴ Блока на труда. София, 1928; «Работническо дело», 24 IX 1928.

⁵ Статистически годишник на Българското царство. 1931. София, 1931, стр. 267; Мировое хозяйство. Сб. статист. материалов за 1913—1927 гг. М., изд. ЦСУ СССР, 1928, стр. 164—165.

Г. И. Чернявский

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ ЧССР

В 1967 г. Государственная библиотека ЧССР приступила к выпуску серии факсимильных переизданий наиболее ценных памятников чешской книги и письменности прошлого¹. Она предпо-

лагает осуществить выпуск серии в тесном сотрудничестве с Чехословацкой академией наук, Карловым университетом и другими чехословацкими научными учреждениями, а также библиотеками и архивами, в фондах которых хранятся уникальные памятники истории чешской книги и письменности.

¹ Editio «Cimelia bohemia». (Bibliotheca Rei publicae socialisticae Bohemoslovacae Pragensis. Consilio virosum litteris eruditorum moderante dr I. Vinarek). Praha, Pragopress, 1967. 18 p. Издание «Чешские сокровища», осуществляемое

Пражской Государственной библиотекой ЧССР под руководством Й. Випарека. Прага, изд. Прага-пресс, 1967, 18 стр.

Нельзя не заметить, что практика переиздания памятников книжной старины имеет давнюю традицию в чешской культуре, восходящую к 70-м годам XVIII в. Именно тогда, на заре национального возрождения, в период формирования основных идей чешского Просвещения, видные чешские ученые А. Фойт и Ф. Пельцл приступили к пропаганде старинных чешских книг. А. Фойт на страницах журнала «Новая литература» (1771—1772), а затем в издававшихся им с 1774 г. на латинском языке «Литературных актах» знакомил научную общественность и широкие слои тогдашней читающей публики с полузабытыми и по большей части ставшими уже библиографической редкостью произведениями. Среди них были произведения чешского гуманиста конца XV — начала XVI в. Богуслава Гасинштейнского, многие издания замечательного пражского типографа XVI в. Даниэля Адама из Велеславина, ряд публикаций XVI—XVII вв., содержащих сведения о гуситском движении, и т. д. Ф. Пельцл выпустил в 1777 г. на чешском языке интересный памятник чешской предбелогорской литературы «Приключения Вацлава Вратислава из Митровиц в тяжелой неволе у турок с австрийским посольством в 1591 г.», И, хотя этот момент творческой биографии самого Пельцла остался как будто без последствий, не без его воздействия Ф. Прохазка приступил к широкой пропаганде памятников древнечешской литературы, издав в 1786 г. ряд книжек, в том числе «Извлечение из Московской хроники» Гванини, «Болезславскую хронику», «Книгу Эразма Роттердамского», «Путешествие из Праги в Венецию» и др. Спустя непродолжительное время к переизданию некоторых старых чешских книг приступил основатель «Чешской экспедиции» В. Крамериус. Среди изданных им книг первенцы чешского книгопечатания — «Троянская хроника», «Басни Эзопа» и др.

Издательскую деятельность чешских просветителей-книгочеловеческих вдохновляло не простое любованье стариной, а стремление обогатить современную литературу за счет вовлечения в нее наиболее ценных произведений прошлого. Последнее было необходимо еще и потому, что эти произведения долгое время считались еретическими²; находились под запретом и даже уничтожались контрреформистами.

В начале XX в. подобные переиздания удовлетворяли уже чисто научный интерес типологического изучения памятников раннего книгопечатания — инкунабул и палеотипов. Развитие исследовательской работы требовало расширения источниковедческой базы, обращения к книгам, сосредоточенным лишь в отдельных библиотеках и потому доступным только для использования их в пределах данного хранилища. Это натолкнуло

видного чехословацкого историка и книговеда З. Тоболку в 1920-х годах на мысль о научном переиздании факсимиле наиболее ценных памятников раннего чешского книгопечатания. Пожалуй, программа З. Тоболки, реализованная им лишь отчасти, и является непосредственным предшественником плана новой серии, к изданию которой приступила Государственная библиотека ЧССР в 1967 году.

Серия открывается факсимильным переизданием труда видного чешского ученого-естествоиспытателя XVI в. Гадеуша Гайка из Гайка: «Рассуждения о возникновении новой, ранее неизвестной звезды», впервые увиденного свет в 1574 г. во Франкфурте-на-Майне². Этот труд, основанный на экспериментальных наблюдениях и математических вычислениях автора, сыграл важную роль в развитии науки своего времени, а сам Гайк был хорошо известен в европейских научных кругах. Так, на него ссылались в своих трудах Галилео Галилей, а Тихо де Браге, бывший другом Гайка, именно благодаря его рекомендациям был приглашен императором Рудольфом II в Прагу.

Следующая публикация серии — издание тезисов диспутов Пражского Карлова университета³. Это — весьма ценная подборка более чем пятисот тезисов, обсуждавшихся в собрании университетских ученых в XVII—XVIII вв. Ознакомление с этими документами, впервые собранными воедино, позволяет не только лучше понять развитие научно-общественной жизни Праги в период формирования новых просветительских взглядов на естественные, точные и гуманитарные науки, но и показывает конкретные достижения пражской научной школы в области отдельных наук.

В третьем томе серии переиздан трактат Яна Марека Маца о свойствах спектральных цветов с описанием ряда явлений физической оптики, опубликованный автором до появления трудов Гюка, Бойля, Ньютона и других представителей классической физики⁴. Труд Марека, изданный в пражской академической типографии в 1648 г., привлекает к себе интерес по многим причинам. Прежде всего, заслуживает внимания уже сама личность автора, энциклопедиста, труды которого были известны во многих зарубежных странах, в том числе, в Англии. Физик и медик, живший в

² T. H a j e k z H a j k u. *Dialexis de novae et prius incognitae stellae... apparitione*. Ed. Z. Horský. Praha, 1967.

³ *Theses in Universitate Carolina Pragensi disputatae*. Ed. O. Blažěček. Praha, 1967.

⁴ J. M a r e k M a r c i. *Thaumantias, liber de arcu coelesti deque colorum apparentium natura, ortu et causis*. Ed. J. Marek. Praha, 1967.

разгар событий Тридцатилетней войны, он проявлял значительный интерес и к гуманитарным наукам. Он был знаком со Странским, одним из лидеров чешской мещанской антикатолической эмиграции и борцов против Габсбургов. Имеются сведения, что Марек выступил в качестве своего рода посредника между Странским и Б. Бальбином, а историко-политический трактат Странского «Республика Чехия» оказал заметное влияние на Бальбина. Не менее интересен публикуемый трактат Марек Марци и в историко-научном отношении.

Кроме этих, кратко охарактеризованных выше книг, остальные, входящие в серию, пока еще либо остаются в стадии подготовки, либо лишь намечены к опубликованию на ближайшие годы. Среди них, например, находится «Троянская хроника» Гвидо де Колумны, считающаяся одной из первых, если не первой иркунабулой чешского происхождения, отпечатанной по-чешски. Ее первое издание, вышедшее в Пльзне (по одним данным в 1468, по другим — около 1476 г.), сохранилось лишь в двух экземплярах, хранящихся в Государственной библиотеке ЧССР и в пражском Национальном музее. Интересен и намеченный к переизданию комплект «Пражских ученых известий», прогрессивного еженедельника, выпускавшегося в 1771—1772 гг. «Обществом ученых мужей».

Однако значительное место в плане серии занимает факсимильное переиздание не старопечатных книг, а древнечешских рукописей, начиная с Вышеградского евангелия 1085 г. Предусмотрено также воспроизведение ряда уникальных памятников чешской письменности последующего времени: «Градецкой рукописи» 1380 г., содержащей сатирические произведения; старославянского духовного гимна чешского происхождения «Господи, помилуй нас», в рукописи XIV в. с потной пунктуацией; замечательного памятника чешской иллюминированной книги XIV в. — «Велпсавовой библии» и др. Ряд публикаций носит антологический характер, например, «Старинные чешские летописи», «Гуситская антология», чешские иллюминированные бревиарии, «Антология иллюминированных рукописей монастыря св. Иржи», из скриптории которого в начале XIV в. вышел изумительный «Пасионал Кунгуты», и др. Предусмотрено также воспроизведение авторских рукописей Яна Амоса Коменского — «Лабиринт света», «Дверь, открытая всем языкам», «Псалмы». Кроме того, будут воспроизведены книги иностранного происхождения, имеющие большое историко-культурное значение. Таковы, например, хранящийся в фонде Славянской библиотеки русский лубок конца

XVIII в. — «Житие славного баснотворца Езопа» и трактат Н. Коперника, вышедший в Базеле в 1566 г. (Государственная библиотека ЧССР).

План серии широк по замыслу и, судя по первым выпускам, хорошо выполняется. Каждый том включает фототипическое воспроизведение текста памятников по рукописи или первому изданию и краткую статью, посвященную данному произведению, на чешском, английском, французском, немецком и русском языках. Особенно следует упомянуть полиграфическую подготовку, свидетельствующую о желании публикаторов максимально приблизить к читателю первоначальный вид памятника. Впрочем, издателей не смущают некоторые условности, прежде всего касающиеся формата книги. Так, первый выпуск, содержащий трактат Т. Гайка, издан в двух форматах — один близок формату оригинала, а другой — в восьмую долю листа. Последнее, миниатюрное, издание включает только текст памятника.

Как видно, серия, начатая под руководством д-ра И. Винарека, охватывает значительный круг памятников чешской книги и письменности с XI по XVIII в. Однако на наш взгляд, именно этот широкий хронологический охват требует внесения ряда коррективов. Так, недостаточно представлена чешская гуманистическая книга конца XV — начала XVII в.; за исключением «Пражских ученых известий» совершенно отсутствует чешская печатная и рукописная книга XVIII в. и т. д. Следовало бы подумать и о факсимильном издании книг и рукописей чешских писателей эпохи национального возрождения и последующих десятилетий. Несомненно, это имело бы важное историко-культурное значение и содействовало бы более глубокому пониманию истории чешской культуры нового времени. Вместе с тем, на наш взгляд, следовало бы осторожнее подходить к изданию автологий, при которых рукописи искусственно соединяются воедино редактором-издателем. Это может привести не только к смещению исторической перспективы, но и создать иллюзию, будто бы данная антология существовала в качестве сборника в письменной традиции прежде. Некоторые пожелания могут быть высказаны и по поводу оформления книг, особенно в части соблюдения формата оригинала. Все случаи отступления от этого правила следовало бы особо оговаривать в соответствующих издательских аннотациях. И, наконец, следовало бы решить вопрос об имитации бумаги и переплета, что имеет немалое значение при выпуске факсимиле иллюминированных рукописей в будущем.

А. С. Мьяльников

«АФОНСКИЕ АРХИВЫ»

Хорошо известно, что греческие акты, хранящиеся в афонских монастырях, являются первостепенной важности источниками для изучения истории не только Византии, но и сопредельных с ней стран Балканского полуострова: монахи Афона были тесно связаны с Болгарией, Сербией, Валахией. Более того, они поддерживали постоянные сношения с Россией и православным Закавказьем. На Афоне существовали сербский, болгарский, русский (св. Пантелеимова), грузинский монастыри.

Полного издания афонских актов нет. С конца прошлого века сводные издания грамот отдельных афонских монастырей (Ватопеда, Хиландаря, Зографа и др.) начали публиковаться в России, главным образом в приложениях к «Византистскому временнику». Работу эту продолжали греческие ученые М. Гудас и Х. Ктенас, В. Мошин в Югославии и Ф. Дэльгер в Мюнхене¹. В 1949 г. французская экспедиция под руководством Г. Милле сфотографировала многие акты, хранящиеся на Афоне, и эта коллекция дала возможность приступить к изданию серии «Афонских архивов» («Archives de l'Athos»), которая стала выходить в Париже в 1937 г. Серия была основана Милле, преемником которого стал П. Лемерль. До настоящего времени вышло четыре тома серии: I. «Actes de Lavra», t. I, par G. Rouillard et P. Collomp. Paris, 1937; II. «Actes de Koutlumus», par P. Lemerle. Paris, 1945—1946; III. «Actes de Xéropotamou», par J. Bompaire. Paris, 1964; IV. «Actes de Dionysiou», par N. Oikonomidès. Paris, 1968².

Кроме того, в настоящее время подготавливаются: вторая часть актов Лавры (издатели П. Лемерль, Н. Зворонос и А. Гийу), акты монастыря св. Пантелеимова (П. Лемерль) и акты Ксенофонта монастыря и монастыря Пандократора (В. Лоран)³.

Издание «Афонских архивов» — дипломатическое и критическое. Каждый том состоит из текста и альбома фотографий. Текст сопровождается обширным комментарием (палеографическая характеристика, изложение содержания документа, реальные и лексические примечания, датировка, библиография). В каждом томе имеется предисловие, излагающее историю данного монастыря,

и индекс (в первом томе помещена серия указателей: именной, географический, фискальных терминов, правовых терминов и т. д.; начиная со второго тома серии, издатели отказались от этой подробности и ограничиваются общим индексом).

Первый том охватывает документы от конца IX до конца XII в., остальные три публикации относятся по преимуществу к более позднему времени. Несмотря на то, что Ксиропотамский монастырь, основанный, по-видимому, при Романе I Лакапине (920—944 гг.), принято считать более древним, нежели Лавра св. Афанасия, в его архиве сохранились лишь один акт X в. и не более семи, датируемых XI—XII вв. Среди кутлумушских грамот только одна старше XIII столетия; архив монастыря Дионисия, если не считать одной грамоты, начинается с 1347 г. Три эти тома освещают главным образом последний период византийской истории; два из них выходят за хронологические рамки существования Византии: Дионисиев архив завершается грамотой 1503—1504 г., а архив Кутлумуша доходит даже до 1856 г.

Характер документов весьма разнообразен. Здесь и императорские постановления, и описи (практики), и судебные решения, и купчие грамоты, и завещания. Среди документов последнего типа отмечу завещание Феодосия-Феодула Скарана (около 1270—1272 гг.), перечисляющее все имущество завещателя (орудия труда, мебель, скот и пр.) и потому весьма важное для исследования византийского быта и народной лексики (III, № 9).

Акты имеют большое значение для изучения социально-экономических отношений в Византии. Так как материал по византийскому городу донельзя скуден, отмечу прежде всего уникальную грамоту — решение солунских солеваров от 1415 г. (IV, № 14). Из этой грамоты мы узнаем о своеобразном братстве, или корпорации, солеваров, возглавляемых проталикарием (первым солеваром) Панааретом, которые принимают решение выплачивать перомонаху церкви св. Павла ежегодную ругу в размере 100 аспров. Сумму эту проталикарий должен был взимать со всех солеваров пропорционально их доходам.

О сельском хозяйстве грамоты содержат больше сведений. Часто упоминаются в них мельницы. Это по преимуществу водяные мельницы, и грамота 1314 г. излагает любопытную тяжбу между сербским Хиландарским монастырем и Ксиропотамом, возникшую из-за того, что парик (зависимый крестьянин) Хиландаря так построил свою мельницу, что для ксиропотамской уже не стало хватать воды (III, № 17). Но появляются

¹ Об истории публикации византийских актов см. F. Dölger, J. Karayannopoulos, Byzantinische Urkundenlehre, I. München, 1968, S. 11—16.

² Далее в рецензии указывается не название тома, а его порядковый номер и номер соответствующего документа.

³ F. Dölger, J. Karayannopoulos. Ibid., S. 15, Anm. 7.

и ветряные мельницы, впрочем довольно поздно (см. опись 1430 г. — IV, № 25).

Многочисленны и разнообразны сведения о положении крестьян, о налогах и десятинах, крестьянском имуществе, росте монастырской собственности, об отдельных феодальных институтах. Уже давно вошли в научный оборот лаврские акты, касающиеся прони в XII в.⁴ — не буду к ним возвращаться. Вопрос о прони, чаще именуемой икономией, освещают также грамоты из трех более поздних публикаций. В упомянутом уже завещании Скарана отчетливо противопоставлено его движимое и недвижимое имущество, с одной стороны, и его икономия по отношению к парикам, с другой (III, № 9А, стк. 63—64). В хрисовуле Михаила VIII Палеолога от 1275 г. упоминается икономия, исчисленная в 300 перперов, передаваемая Ксиропотамскому монастырю (II, № 10), — еще один известный нам случай пожалования прони не воину, а монастырю. Хрисовул Иоанна VI Кантакузина от 1347 г. жалует Димитрию Кавасиле икономию, опять-таки исчисленную в перперах — в 250 (IV, № 2). Почему издатель (Н. Икономидис) усматривает в этой грамоте «случай превращения прони в наследственное владение», — мне неясно: ведь речь идет о передаче Кавасиле икономии другого лица, об объеме прав которого мы ничего не знаем. Возможно, что и ему эта икономия была пожалована по формуле «неотчуждаемо и наследственно». Проблема прони еще далека от разрешения, и новые афонские акты должны привлекаться при изучении этого института.

Очень любопытно отражение в афонских грамотах политических событий того времени. Только что рассмотренный хрисовул Иоанна VI, датированный 1347 г., жалует Кавасиле земли в районе Солуни. По всей вероятности, это пожалова-

ние было связано с подавлением восстания зилотов, охватившего этот город; возможно, что Иоанн VI щедро вознаграждал своего сторонника. 1438 годом датировано постановление церковного суда в Серрах, по которому монастырю Алипия возвращались его зависимые лица, незадолго до того «присвоенные» серрскими архонтопулами (II, № 24). Не следует ли конфискацию монастырской собственности, осуществленную в Серрах, связывать с влиянием преобразований зилотов и на этот город?

Ряд документов непосредственно относится к истории славянских стран. Таков, например, хрисовул Стефана Душана от 1346 г., переизданный Ж. Бомпером (III, № 25). Группа документов Кутлумушского архива касается Валахии: сюда относится грамота воеводы Иоанна Владислава (II, № 26) и три завещания Харитона, который был в 1378 г. протом Святой горы и митрополитом Угровалахии (II, № 36. Ср. также № 29—30). Н. Икономидис в предисловии к актам Дионисиева архива поднимает важную проблему об усилении славянского влияния на Афоне в середине XIV в.: возникают новые славянские обители, должность афонского прота переходит в руки сербов (сохранился ряд грамот со славянскими подписями протов). Н. Икономидис рассматривает основание монастыря Дионисия, опиравшегося на Константинополь и Трапезунд, как выражение антисербской политики империи в это время. Изучение заслуживает специального изучения. Афонские акты содержат огромный материал по византийской топонимике и ономастике и могут служить источником для исследования славянских элементов в поздневизантийской топонимической и ономастической номенклатуре. Отмечу, например, такие славянские имена, встречающиеся в архиве Ксиропотама (список далеко не исчерпывающий!), как Амаряни, Бяли, Вулкан (т. е. Вукап), Иванков Кнезь, Песяник, Плавич, Смоли, Черементия, Ян Богданович. Встречаются в афонских актах и упоминания русских имен. Грамоты «Афонских архивов» — важнейшие источники не только для византистов, но и для славистов — как историков, так и филологов.

А. П. Каждан

ПОЛЬСКИЙ ТЕАТР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Появлению книги С. Марчака-Оборского «Театр военного времени. 1939—1945»¹ предшествовал ряд статей и пуб-

ликаций этого автора, в течение долгих лет собиравшего и изучавшего материалы по истории польского театра военных лет. Для исследователей этого периода книга является ценным источником, поскольку автор освещает ряд доселе неизвестных или малоизвестных моментов

¹ S. Marczak-Oborski. Teatr czasu wojny. 1939—1945. Warszawa, 1967, 390 s.

из истории польского театрального искусства военного времени и приводит массу новых материалов, архивных или малодоступных, в том числе собранные им лично свидетельства очевидцев. О том, как документированы положения автора, говорит уже тот факт, что почти половину объема книги занимают комментарии, иллюстрации, хроника театральной жизни за период с 2 IX 1939 г. по 8 V 1945 г., библиография, учитывающая, в частности, конспиративные издания, репертуарный каталог, и, наконец, подборка фрагментов рецензий, заметок и статей о польском театре за различные годы.

Развитие польской театральной жизни 1939—1945 гг. рассматривается в книге в хронологической последовательности (выделены три основных этапа: сентябрь 1939 — июнь 1941 г., июнь 1941 — июнь 1944 г., июнь 1944 — май 1945 г.). Автор показывает, как в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, в том числе и от миграций польского населения — перемещался центр польской театральной жизни. В 1940—1941 гг. таким центром были города Белосток, Вильнюс, Львов, в 1942—1943 гг. — Варшава и Краков (в конспиративных условиях), в 1943—1944 гг. — эмиграционные и прежде всего армейские театры, находившиеся за пределами польских земель.

Очевидна публицистическая направленность книги. Польскую театральную жизнь тех лет автор представляет как одну из форм антифашистского сопротивления. При этом он не обходит сложных, а порою весьма щекотливых вопросов, как, например, участие ряда актеров и режиссеров в театрах, действовавших под протекторатом гитлеровских властей. Эти театры, по контрасту с «тайными», конспиративными театрами, создававшимися патриотическими силами, в жизни и литературе получили наименование «явных». Давая им ясную общественно-политическую квалификацию, автор считает, что и с профессиональной точки зрения эти «театрики» «никоим образом не способствовали развитию национального искусства» (стр. 71).

В конспиративной театральной деятельности приняло участие большинство актеров, режиссеров, художников, драматургов — таких, как Л. Шиллер, Э. Верчинский, В. Гожица, А. Пронашко, Л. Сольский, М. Цвиклинская, С. Ярач, Ю. Остерва, К. Адвентович, А. Зельверович, Н. Андрич, Я. Кречмар, Я. Свицерский, о которых автор пишет как о людях высоких гражданских чувств.

В работе рассмотрены основные формы конспиративной театральной жизни в условиях гитлеровской оккупации: тайные коллективы-студии, тайные профес-

сиональные и молодежные коллективы, тайные любительские коллективы, тайные театральные школы, тайные кукольные театры и т. д.

Наиболее драматической страницей в истории польского театра автор книги считает театры, создававшиеся в концлагерях (в том числе в Бухенвальде, Дахау, Равенсбрюке, Освенциме), в тюрьмах (в том числе в Павике, Пусткове), а также — попытки воскрешения рабочего театра, которые были предприняты поляками, вывезенными на работу в глубь Германии.

С. Марчак-Оборский обращает внимание на серьезный репертуар лагерных театров, обращавшихся к произведениям польских писателей (Мицкевича, Словацкого, Норвида, Высянского, Жеромского, Фредро, Ивашкевича и др.) и иностранных (Аристофана, Шекспира, Пушкина, Бомарше, Ибсена, Д. Лондона, Шоу и др.).

Говоря о театрах, создававшихся силами польских военнопленных на территории Германии, автор отмечает участие в них известных литераторов Леона Кручковского, Стефана Флюковского, Владымежа Левика и ряда других драматургов и историков искусства, что, по его мнению, способствовало «поднятию уровня театров» (стр. 75, 78 и др.).

С точки зрения С. Марчака-Оборского лагерным театрам удалось достичь «результатов равно гражданских, как и художественных» (стр. 78). Их представления носили ясный политический антигитлеровский характер.

В особую группу выделены в книге театры, существовавшие за пределами территории так называемого генерал-губернаторства. С. Марчак-Оборский подробно анализирует деятельность польских театров в Гродно, Львове и Вильнюсе, куда с конца 1939 по июнь 1941 г. переместился центр польской театральной жизни (стр. 15, 36 и др.). Следует отметить, что эти театры обращались и к советскому репертуару. Так, на протяжении 1940 г. и до 22 июня 1941 г. в этих театрах были поставлены пьесы «Далекая дорога» и «Таяя» А. Арбузова, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Слава» В. Гусева, «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Беспокойная старость» Л. Рахманова. Особое внимание С. Марчак-Оборский уделяет гродненско-белостокскому театру под руководством Александра Венгерки и пишет, в частности, об интересной инсценизации им «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского (стр. 100).

Из других театров, находившихся вне пределов генерал-губернаторства и внесших значительный вклад в развитие польского театрального искусства (стр. 194), отмечены «гражданский» Театр артистов в Нью-Йорке, «армейский» Драматический театр 2-го корпуса (открыл-

зя в мае 1943 г. в Багдаде, просуществовал более четырех лет, последнее место пребывания — Лондон), ставший самой большой армейской сценой второй мировой войны, не только по количеству премьер, спектаклей и зрителей, но «прежде всего с точки зрения уровня представлений: хороший репертуар, художественное руководство и режиссура» (стр. 96—97), а также ряд музыкальных и эстрадных коллективов.

Несомненный интерес представляют статистические данные, приведенные в книге. Так, в частности, автор отмечает, что в 1939—1945 гг. польские театры существовали кроме Польши в 18 странах мира (стр. 193). Они осуществили 617 постановок, из которых польских пьес было 425, иностранных — 192. Были поставлены произведения 213 ав-

торов (или авторских коллективов), из них 106 польских и 105 иностранных (стр. 272). Приводятся также данные о популярности отдельных пьес и авторов.

Подытоживая свое исследование, С. Марчак-Оборский приводит такой факт: в августе 1940 г. гитлеровцы объявили о ликвидации ими «всех независимых» очагов польской общественной жизни и распустили организации, от политических до спортивных, включая художественно-артистические. Что касается конкретно театра, то книга С. Марчака-Оборского убедительно свидетельствует о другом, именно о том, что, как он сам пишет (стр. 195), «1939—1945 годы, вопреки всему, не стали белым пятном в области польской культуры».

Т. П. Агапкина

С. Б. БЕРНШТЕЙН, В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, Г. П. КЛЕПИКОВА, Т. В. ПОПОВА, В. В. УСАЧЕВА. *Карпатский диалектологический атлас*. М., 1967, 271 стр. + 212 карт

Карпатские славянские говоры уже подвергались лингво-географическому обследованию И. А. Дзензелевским, который составил атлас украинских говоров Закарпатья¹. Авторы рецензируемого Карпатского диалектологического атласа (КДА) значительно расширили круг своих наблюдений, включив в атлас еще и говоры Прикарпатья. Перед нами новый региональный атлас юго-западных украинских говоров, который, однако, не является повторением ни атласа Дзензелевского, ни соответствующего тома подготавливаемого общеукраинского атласа. Он составлен по особой программе, которая преследует цели, выходящие за рамки интереса к собственно украинскому языку, а именно: установление инвентаря карпатско-южнославянских соответствий и территории их распространения.

Особые цели и задачи КДА обстоятельно раскрываются в обширном предисловии проф. С. Б. Бернштейна. Отдавая должное исследователям, впервые заговорившим о карпатско-южнославянских лексических схождениях, он вместе с тем убедительно показывает методологическую несостоятельность постановки ими вопроса, которая сводится к тому, что «изучение генетических связей юго-западных украинских говоров с южнославянскими языками велось без ясного представления всей проблемы в целом, делались далеко идущие выводы и заключения на скуд-

ном и не всегда достоверном материале постоянно смешивались два самостоятельных аспекта — языковый и историко-этнографический» (стр. 15). С. Б. Бернштейн обращает внимание на то, что далеко не все черты, объединяющие языки и диалекты карпатского ареала, могут рассматриваться в качестве доказательства древних языковых и этнических связей южных и северных славян в районе Карпат. Следует строго различать среди этих общих черт древнейшие — карпатизмы, которые являются наследием древних индоевропейских языков на территории Дакии, Паннонии, Мизии и соседних областей, и более поздние — балканизмы, которые получили распространение уже после XIV столетия в связи с колонизационными движениями балканских народов. Разграничению этих общих черт должно способствовать «изучение славянских элементов румынского языка», который «явился основным источником распространения балканизмов в языках карпатского ареала» (стр. 17).

Ситуация оказывается более сложной и в другом отношении. Во-первых, в прежних работах диалектная украинская лексика сравнивалась с литературной южнославянской, между тем как «не все говоры болгарского и сербохорватского языков в одинаковой степени связаны с языками карпатского ареала» (стр. 20); во-вторых, ранее с южнославянскими языками сопоставлялись только юго-западные говоры украинского языка, в то время как лексические совпадения с южнославянскими языками (и с юго-западными украинскими говорами) обнаруживают и северо-западные украинские, а также западные белорус

¹ И. О. Дзензелевський. Лінгвістичний атлас українських народних говірок Закарпатської області УРСР (лексика), Ужгород, ч. 1, 1958; ч. 2, 1960.

ские и северо-западные великорусские говоры. Наконец, «нельзя решить вопрос о южнославянизмах» в украинском языке без изучения аналогичных фактов в словацких и польских говорах, в румынском и венгерском языках. Таким образом, выявляется целый комплекс проблем, выделяемый в особую отрасль языкознания — карпатское языкознание. По мнению С. Б. Бернштейна, только установление точного инвентаря лексических сходжений языков и говоров карпатского ареала и территории их распространения может обеспечить научную постановку и решение вопроса о древних и более поздних языковых связях северной и южной групп славянских языков.

Свой труд авторы КДА рассматривают как некоторый вклад в дело накопления фактов и сведений, необходимых для решения карпатской проблемы в целом. Они сознательно не предлагают никаких решений, но уже теперь богатый и ценный материал КДА может быть использован с успехом для изучения истории болгарского и сербского языков. Однако в связи с тем, что КДА является прежде всего собранием материалов для будущих исследований, вопросы обработки и подачи в нем материала приобретают особое значение, поскольку КДА может служить в какой-то мере образцом для аналогичных региональных атласов, которые целесообразно создавать по единому плану и руководствуясь едиными принципами.

В настоящей рецензии мы в основном остановимся на некоторых вопросах, связанных с принципами картографирования диалектного материала.

КДА содержит карты четырех типов: лексические, семантические, «структурные» (как их условно называют авторы) и, наконец, карты на распространение одного или ряда однокоренных слов без учета или с учетом их значений.

Самую характерную и самую многочисленную группу в Атласе составляют карты последнего типа, которые условно называются «картами на распространение». Таких карт 138 из 212. Их цель «показать территорию, на которой зафиксировано картографируемое явление» (стр. 30). Именно эти карты и богатые комментарии к ним наряду с 39 картами лексическими послужат для исследователей основным источником материала при решении «карпатской проблематики» в указанном выше плане.

Анализ карт на распространение и комментариев к ним показывает, что авторы не всегда тщательно и последовательно проводят свои принципы или при картографировании или при комментировании.

Прежде всего, название карт не всегда правильно раскрывает их содержание. Это в основном касается 60 карт, имену-

емых «Распространение слова...». Из этих карт 42 составлены на распространение лексемы независимо от ее значений. В комментариях к ним приводятся фонетические варианты лексемы и однокоренные с нею слова. Лексемы во всех значениях, зафиксированных собирателями, картографируются одним знаком.

Остальные карты на распространение составлены, по сути дела, на другие темы. Так, на шести картах (11, 54, 75, 105, 136, 177) лексема картографируется только в определенном наборе значений, что специально оговаривается в комментариях, другие карты на эту же тему (10, 41, 43, 89, 158, 160, 172) имеют название, действительно отражающее их содержание: «Распространение слова... в значении...»

На 12 картах с названием «Распространение слова...» одним знаком фактически картографируется не одна лексема, а ряд однокоренных или одноосновных лексем. Так, одним знаком картографируются *осовня* и *відсоу'н'а* (карта 1), *повх* и *повхан* (карта 14), *баник* и *баника* (карта 90), *царок*, и *оцарок*, *царк* (карта 127), *доста* и *задоста* (карта 200), *окидь* и *кидия* (карта 4). Во всех случаях, кроме последнего, это ни в легенде, ни в комментариях никак не оговаривается. На картах, посвященных распространению глаголов, и бесприставочные и приставочные глаголы картографируются одним знаком, например *гожзити* и *згожзит'ис'а* (карта 187), *крятати* и *закрятати* (карта 190), что специально оговаривается лишь в комментариях к карте 194.

На картах 165, 189, 196, которые носят название «Распространение слова...», картографируется не просто ряд однокоренных лексем, но ряд однокоренных лексем с ограниченным кругом значений, что и оговаривается в комментариях. В атласе имеются аналогичные по содержанию карты (60, 149, 186, 188, 203), которые носят название, соответствующее их содержанию: «Распространение слова... и однокоренных в значении».

Имеется 13 карт, где и в названии и в легенде рядом с основным словом дается еще слово, заключенное в скобки, как, например, на карте 109: «Распространение слова *холошні* (*колошні*)». На этой карте, как и на картах 18, 19, 24, 63, 104, в скобках приводится фонетический вариант. Однако лишь карты 24 и 109 имеют название, соответствующее их содержанию: на них действительно картографируется по одной лексеме. На других картах фактически картографируется не одно слово, а, как показывают комментарии, несколько слов, например *костриж* и *костри* (карта 18), *мерена* и *маренка* (карта 19), *лопта* и *лапке* (карта 63). Таким образом, и это — карты на распространение однокорен

ных лексем. В названиях других аналогичных карт в скобках, по сути дела, дается самостоятельная лексема, образованная от того же корня, что и основная, но с помощью другого аффикса — *буба* и *бубка* (карта 29), *печерица* и *печарка* (карта 44), *верхнина* и *звержнина* (карта 96), или лексема, являющаяся производной от основной и имеющая свой круг значений, правда, варьирующий значения основной лексемы — *пасерб* и *пасербица* (карта 57), *вицивник* и *вицивница* (карта 117), *перлесник* и *перлесница* (карта 118). Слова, помещенные в скобках, обозначаются на картах тем же знаком, что и основное слово.

Совершенно очевидно, что в этих случаях темой карт будет распространение не одного слова, а двух, поэтому название таких карт не отражает их действительного содержания.

На картах с названием «Распространение слова... и однокоренных» одним знаком картографируется от двух (например, карта 122) до семи лексем (карта 5). В качестве однокоренных могут выступать слова, принадлежащие к одной части речи (например, к существительным — карты 159, 174 и др.), и к разным (например, к глаголам и существительным — карта 113; к глаголам, существительным и прилагательным — карта 86). Слова картографируются во всех зафиксированных значениях. Таким образом, темой этих карт является распространение не слов, а корня или основы, зафиксированных, в данном наборе слов. В Атласе есть еще две карты на эту же тему, но они имеют другие названия: «Распространение слова *дунда* и родственных» (карта 83) и «Распространение слов с основой *приведен-*» (карта 64). Последнее название представляется наиболее удачным для рассматриваемого подтипа карт.

Принципиально иное содержание имеют карты на распространение двух слов, которые в названии карты соединяются союзом *и*, например: Распространение слов *мерша* и *мерха* (карта 12). Это двухтемные карты. На них картографируются два однокоренных слова, круг значений которых в большинстве случаев совпадает, однако они обозначаются не одним знаком, как на рассмотренных выше картах, а двумя (например, кружком и треугольником). Обе фигуры закрашиваются одинаково — черным цветом, что знаменует единство корня и очерчивает границу распространения корня. Фигурами обозначают различия в картографируемых лексемах и границы распространения этих различительных признаков. Однако различия эти разного порядка.

На одних картах фигурами обозначаются фонетические различия корня или основы, например, *мерша* и *мерха* (карта 12), *кляг* и *гляг* (карта 94), *сук-*

ман и *суман* (карта 107), *либати* и *лимбати* (карта 191), *никати* и *нигати* (карта 193), на других — словообразовательные варианты, как *слимак* и *слимуш* (карта 25), *посестра* и *посестрица* (карта 56), *морква* и *морков* (карта 206). В тех случаях, когда круг значений лексем совпадает, картографирование этих лексем дает всегда достаточно определенные изоглоссы.

Совсем другую картину находим на тех картах, на которых картографируются лексемы, не совпадающие по значению. Никаких изоглосс картографирование различий между существительным *над* и глаголом *надити* (карта 154), между *челядина* и *челядник* (карта 52), между существительным *задуница* и словосочетанием *задушка субота* (карта 116) не дает. По-видимому, в таких случаях целесообразнее давать карты на распространение корня, а не отдельных лексем, обозначая все однокоренные лексемы одним знаком.

Тип карт, которые авторы Атласа определяют как «семантические», составляют карты, различные по содержанию и по названию. Таких карт 33. Темой ряда карт с названием «Значения слова...» является распространение значений одной лексемы. На них используется лишь одна фигура — кружок, что знаменует единство различных фонетических вариантов картографируемой лексемы в плане выражения. Кружок закрашивается по-разному в зависимости от того, какое значение принимает картографируемая лексема в данном пункте. Таким образом, эти карты являются **двуплановыми**: по ним можно судить не только о распространении значений одной лексемы, но и о распространении этой лексемы на данной территории (в том случае, когда лексема картографируется во всех значениях, зафиксированных собрателями). Таковы карты 62, 70, 92 и др., на которых картографируются только предусмотренные Программой значения.

На семантических картах, как и на лексических, рельефнее выделяются более мелкие диалектные группы. Не все карты, однако, в этом отношении достаточно наглядны в основном по причине ограниченности картографических средств (только черный и белый цвет и разного рода штриховка). Но и при таких ограниченных возможностях некоторые карты можно было сделать более наглядными, поступившись принятой последовательностью в подаче цвета и штриховки. Так, карты 22, 55, 92, 125 были бы нагляднее, если бы белые кружки, которыми переданы значения или сочетания значений, были заштрихованы. На сложных картах 131, 173 черный кружок как наиболее выразительный знак следовало бы употребить не для самого редко встречаемого значения, а для

самого распространенного, как это сделано на карте 139 и др.

Указываемые в легенде значения лексем представляют собой известные обобщения конкретных значений картографируемого слова, отмеченных собирателями материала. В большинстве случаев формулировки легендарных значений сделаны достаточно корректно и не вызывают возражений. Но в ряде случаев авторы в стремлении обобщить весь материал переходят границы разумного. Так, на карте 182 п. 21, где собирателями фиксируется лишь выражение *кораво живе* 'плохо живет с женой, ругается', закрашивается знаком, предусмотренным для прилагательного *коравий* 'заскорузлый, покрытый коркой'. Слишком сильным и, на наш взгляд, неоправданным обобщением является значение 'семья' в легенде карты 47, на которой картографируются значения слова *глота*. Дело в том, что из всех пунктов, где слово *глота* встречается в значении 'семья', содержание этого значения в отношении численности семьи не уточняется собирателями только для п. 81, в говоре которого *глота* обозначает понятие семьи, по-видимому, безотносительно к ее составу. В остальных же пунктах слово *глота* обозначает или многолюдную или многодетную семью. Поэтому признак многочисленности состава семьи надо было вынести в легенду хотя бы для набора значений 'давка' и 'семья', для которого в легенде указывается особый знак. Это диктуется другими значениями этого же слова — 'толпа', 'теснота', а также подсказывается значениями близкого по смыслу слова *челадь* (карта 51). Ср., например, комментарий к данным картам для п. 33: *глота* 'большая семья', *глитно* и *чел'ат* 'семья'.

В легенде и в названии карт 142 и 143, посвященных картографированию слов с корнем *ватр-*, значения последних формулируются описательно. (Так же формулируются они и в вопросе 234 Программы). Между тем эти значения могли быть переданы соответствующими русскими эквивалентами. Так, в легенде карты 142 значение 'место, где горит огонь в печи и где пекут хлеб' вполне передается словом *под*, а 'место, где горел (или горит) огонь в поле, в лесу' — словом *кострище*. В легенду карты 125 «Значения слова *стая*» следовало бы ввести и значение 'мера земли', которое картографируется тем же знаком, что и значение 'поле, участок пахотной земли'.

На карте 9 «Значения слова *квочка*» и на карте 39 «Значения слова *чатина*» картографируются не только различия в значениях, но и различия в произношении, которые обозначаются отдельными знаками (например, *квочка* и *клочка* на карте 9, *чатина* и *ичэт'ена*, *ш'от'ена* на карте 39).

В КДА имеется еще шесть аналогичных карт, но на этих картах картографируемые лексемы выносятся в название карт типа «Значения слов *гранка* и *кранка* (карта 40; см. также карты 28, 31, 48, 84 и 123), что лучше отражает их содержание и поэтому представляется более правомерным. Но и на этих картах имеется другого рода неоправданное несоответствие с легендой, касающееся поддачи картографируемых вариантов: в заглавии варианты даются в условной орфографической записи, в легенде — в транскрипции. Их надо было бы привести в соответствие, отдав предпочтение орфографической записи. Дело в том, что варианты, указываемые в легенде в транскрипции, создают впечатление, что ими и исчерываются диалектные различия в произношении соответствующих лексем. Между тем картина представляется более пестрой, если обратиться к комментариям. Так, знаками, которыми обозначен в легенде вариант *ш'риэн'*, на карте передаются все варианты, связанные с варьированием гласного корня (*ш'риш-*, *ш'риш-*), гласного суффикса (*-ен'*, *-ин'*) и согласных корня (*с'ршэн'*, *с'ржен'*). Наконец, этими знаками обозначаются и другие словообразовательные варианты: *ш'ришел'*, *ш'рскин'*. Таким образом, совершенно очевидно, что вариант легенды столь же условен, сколько и вариант, указанный в названии. Под него на карте подводятся все варианты, и фонетические и словообразовательные, которые не содержат суффикса *-ун*.

Что касается содержания этих карт, то благодаря двухтемности некоторые из них (например, карты 9, 28, 39, 40) дают определенные результаты: картографируемыми признаками территория членится отчетливо на ряд диалектных групп. Особенно интересна карта 40, которая наглядно лингво-географическим распределением значений лексемы *гранка* (*кранка*) демонстрирует правомерность гипотезы В. М. Иллич-Свитыча о трансформации значений слов в связи с карпатской миграцией славян². Жаль только, что значение 'хребет' горы обозначается не очень рельефным знаком и потому теряется.

Однако далеко не всегда двухтемность карт оказывается их достоинством. На одних картах отдельные производные варианты (например, вариант *рпница*'а на карте 31) встречаются относительно редко и при этом не образуют компактной группы. В других случаях картографируемые лексемы не яв-

² В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. Изв. АН СССР, Сер. литр. и яз., 1960 г. XIX, вып. 3.

ляются диалектно противопоставленными (например, *грижа* и *гриза* на карте 84, *куча* и *кучка* на карте 123).

Очень ценный и богатый материал содержит комментарий к картам. Здесь скрупулезно приводится весь материал (в том числе и материал, не нашедший отражения на карте), который относится к картографируемым явлениям. Большим достоинством комментариев является их лаконичность и компактность. Это авторам удалось сделать благодаря предварительной обработке по обобщению материала и введению некоторых условных технических приемов его подачи (см. их описание на стр. 31—32 введения). Эти приемы в целом безусловно эффективны и оригинальны, но иногда они создают известные трудности в понимании и карт и комментариев. Особенно затрудняет чтение комментариев то обстоятельство, что авторы не всегда последовательно проводят свои принципы и не оговаривают сделанных отступлений.

В конце первой книги приводится указатель картографируемых в КДА слов. К сожалению, он не отражает в полной мере всего богатства материала Атласа, ибо содержит только слова, указанные в легенде и в названии карты, и то не все. В нем нет слов, данных в легенде и в названии карт в скобках; нет слов однокоренных, не раскрываемых ни в названии карты, ни в легенде, но перечи-

сленных в комментариях к соответствующим картам, не говоря уже о материале, содержащемся только в комментариях: далекие фонетические варианты и однокоренные лексемы, которые не называются в легендах, но которые тем не менее картографируются, что иногда не оговаривается даже в предисловии к комментарию. Теряются в комментариях, например, такие слова, как *леля*, *магура* и др., имеющие побочное отношение к теме карты.

Был бы полезен список слов, картографируемых или только комментируемых в архивных картах, как и список слов, упоминаемых в вопроснике, что особенно важно для таких частей Программы, которые содержат не имена существительные, распределенные по темам, а слова, относящиеся к другим частям речи и распределенные в вопроснике не по тематическому принципу.

В заключение хотелось бы выразить пожелание, чтобы и архивные карты и богатейший материал, который хранится в картоотеках, был бы как можно скорее соответствующим образом оформлен и в ближайшее время опубликован. Надо полагать, что это способствовало бы интенсификации разработки — и в пределах нашей страны и за ее рубежом — новой важной проблематики, которой посвящен рецензируемый Атлас.

И. Бунина

НОВЫЙ СЛОВАРЬ ДРЕВНЕПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В 1968 г. Издательством им. Оссолиньских выпущен в свет однотомный словарь древнепольского языка, составленный доцентом С. Речеком¹. Публикация этого словаря весьма своевременна с точки зрения потребностей польского книжного рынка. У нас эта книга, наверное, заинтересует многих славистов.

Первая попытка создать древнепольский словарь была предпринята еще в начале века лексикографом и издателем М. Арцтом. Его «Словарь древнепольского языка» был издан в 1914 г. и давно уже стал библиографической редкостью.

Начало научной разработке древнепольской лексики положил К. Нитш. Еще до войны им был составлен план создания многотомного словаря древнепольского языка. В настоящее время начатую им работу продолжает большой коллектив лексикографов Польской акаде-

мии наук под руководством проф. С. Урбанчика, подготовивший и опубликовавший уже примерно половину научного «Словаря древнепольского языка». Этот словарь содержит обстоятельную и всестороннюю информацию о древнепольском языке до 1500 г., в том числе и такую, которая рассчитана преимущественно на лингвистов (например, каждая словарная статья содержит полный перечень всех грамматических форм заглавного слова, все формы склонения или спряжения). Из-за большого количества лингвистической информации, в силу орфографической пестроты памятников данного периода (до 1500 г.) и по другим причинам словарь трудно использовать как практическое справочное пособие. Публикация этого словаря не снимала вопроса о необходимости серьезного и компактного справочного издания, рассчитанного на широкие круги читателей, прежде всего на специалистов, которые имеют дело с древнепольским языком, с памятниками древнего периода, с историей польской культуры и литературы, а также с историей других гуманитарных наук.

¹ S. R e c e k. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Ossolineum. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1938, 933 s.

С. Речек, в течение ряда лет готовивший издание «малого» древнепольского словаря, стремился создать пособие для лиц, не имеющих специальной лингвистической подготовки. Автор проделал работу большую, и благодарную. Он бесспорно отдавал должное и научной стороне своего словаря.

Словарь состоит из двух частей: древнепольско-новопольская (стр. 3—677) и новопольско-древнепольская (стр. 679—933). Основной (и по объему, и по значению) в словаре является первая часть, содержащая перевод и толкование древнепольских слов и выражений; в ней около 20 тысяч словарных статей.

Содержащийся в словаре лексический материал охватывает период с XIII по XVIII в. В качестве источников древнепольской лексики использованы опубликованные памятники польской письменности, привлечен большой материал из «Словаря польского языка» С. Б. Линде (памятники с 1550 по 1800 г.), выборочно использована картотека упомянутого «Словаря древнепольского языка» (памятники до 1500 г., несколько миллионов карточек).

Принцип составления словника следующий: в словарь включались древнепольские слова, вышедшие из употребления, а также те, которые известны современному польскому языку в ином словообразовательном облике (например, с другими суффиксами или префиксами) или с иным лексическим значением. Таким образом, словарь С. Речека — дифференцированный, включающий лишь ту часть древнепольской лексики, которая с точки зрения современного языка представляет собой лексические, словообразовательные и семантические архаизмы. Основная лексика польского языка, не претерпевшая значительных изменений на протяжении его истории, остается за пределами данного словаря.

Значения слов, объясняемые в словаре, как правило, иллюстрируются цитатами из памятников древнепольской письменности; цитаты эти в целом удачно дополняют те объяснения значений, которые даются автором. При этом научный аппарат, с учетом целей словаря, сведен С. Речек к минимуму: указывается лишь имя автора, но не сообщается, например, название цитируемого произведения.

Лексический материал, а также цитаты из памятников даются в современной орфографии; однако средствами современной орфографии передаются и фонетические особенности языка памятников.

Положительной стороной рецензируемого словаря является также лаконичность толкований и четкость переводов древнепольских слов на современный польский язык; хорошо раскрыта струк-

тура многозначных слов, даны достаточно полные синтаксические статьи (например, посвященные союзам), отражена и древнепольская фразеология (например, сочетания под заглавным словом *serce*).

Грамматической характеристики древнепольских слов С. Речек не дает, однако в соответствующих словарных статьях он приводит отдельные утраченные формы спряжения и склонения, которые могут вызвать у современного читателя затруднения при чтении древнепольского текста. Для грамматических справок служит также предпосланный словарю краткий очерк особенностей древнепольских грамматических форм.

Наиболее ощутимым недостатком словаря является отсутствие хронологических сведений об архаизмах и о степени их распространенности в древнепольском языке: остается неизвестным, например, встречалось ли данное слово только у того автора, на которого имеется ссылка, или оно зафиксировано у других авторов и в другие периоды существования древнепольского языка.

Вторая, «новопольско-древнепольская» часть словаря тождественна с первой по составу лексики; она представляет собой индекс тех польских слов, которые служили переводами архаизмов в первой части. Это своего рода «перевернутый» словарь мертвого древнепольского языка, составленный по типу двуязычных переводных словарей живых языков.

Свою цель С. Речек видит в данном случае в том, чтобы помочь писателю, который хочет ввести в стилизованный текст художественного произведения древнепольскую лексику. В этом смысле значение «перевернутого» словаря древнепольского языка, видимо, весьма ограничено. Однако эта часть словаря С. Речека занимательна и интересна в познавательном отношении. Лингвистам (прежде всего тем, кто интересуется историей лексики) она может дать многочисленные импульсы к изучению истории слов благодаря возможности ретроспективного взгляда на развитие лексики, благодаря наглядному сопоставлению современной и древнепольской лексики, вышедшей из употребления. Сказанное означает, что вторая часть словаря может дать толчок к исследованию, но ее, конечно, нельзя рассматривать как материал для научного исследования, поскольку содержащиеся в ней данные не документированы.

Основное достоинство рецензируемого словаря в том, что он дает возможность легко и точно прочитать древнепольский текст; он несомненно необходим историкам польской культуры и литературы и является для них надежным практическим пособием.

З. Н. Стрекалова

П. ПАШОВ. *Българският глагол*. 1, София, 1966. 249 стр.

П. ПАШОВ *Болгарский глагол*

Рецензируемая работа П. Пашова посвящена классификации, описанию морфологии, видообразования и отчасти словообразования глагола.

В основу классификации глаголов П. Пашов, как и его предшественники, кладет деление на три спряжения по типу презентной основы, оканчивающейся гласными *e*, *и* или *a*. Внутри спряжений глаголы подразделяются на разряды по соотношению аористной и презентной основ с учетом тематического гласного аористной основы и чередований согласных. Дальнейшее подразделение глаголов осуществляется с учетом места ударения, чередований корневых гласных и характера чередований конечных согласных основ. Глаголы III спряжения делятся на группы в зависимости от словообразовательных суффиксов.

В сущности классификация глаголов у П. Пашова, изложенная им в главе «Классификация болгарских глаголов по их презентной и аористной основе» мало чем отличается от классификации Л. Андрейчина и других ученых. Но работа Пашова имеет одно очень важное преимущество: в ней дана наиболее детальная и, можно даже сказать, исчерпывающая морфологическая классификация глаголов современного болгарского литературного языка. П. Пашов приводит полный список глаголов, относящихся к данному разряду (группе) с подробным описанием особенностей (морфологических и акцентных) их парадигмы.

В работе перечисляются все простые глаголы, составляющие данный разряд (группу), и указывается число образуемых от них приставочных глаголов¹. В таблице «Классификация болгарских глаголов» (стр. 65—69), кроме перечня классификационных признаков, указывается и общее число относящихся к соответствующим разрядам простых и приставочных глаголов. Количественные данные чрезвычайно ценны, они характеризуют удельный вес каждого из морфологических типов в общей системе глагола и убедительно свидетельствуют о продуктивности одних и непродуктивности или малопроductивности других типов.

Интересны данные о количестве глаголов III спряжения, образованных с

¹ Естественно, что исчерпывающие списки могут быть даны лишь для непродуктивных типов глаголов. Что касается продуктивных типов, то полнота их списков может быть более или менее относительной главным образом ввиду постоянного образования новых глаголов.

разными словообразовательными суффиксами (стр. 51 и след.). Любопытно, что число глаголов III спряжения, включая вторичные несовершенные, не столь велико и что сочетание этих глаголов с приставками почти в три раза меньше, чем глаголов I и II спряжения. Интересно, что глаголы на *-ирам* и *-изирам* обнаруживают очень слабую способность к префиксации: при 530 глаголах на *-ирам* и 115 глаголах на *-изирам* отмечено соответственно только 407 и 65 приставочных, при этом большая часть глаголов на *-ирам* (400) и *-изирам* (82) не имеет ни одного приставочного образования.

Достоинством рецензируемой работы является также подробное описание морфологических и акцентных особенностей каждой группы глаголов. Особое внимание уделяется характеристике чередований в парадигме всех рассмотренных глаголов. Эта работа послужит хорошей и надежной основой для всестороннего морфонологического анализа болгарского глагола.

Описание морфологической структуры типов глаголов, однако, выглядело бы строже и яснее, если бы автор был более внимателен к терминологической четкости и к отдельным деталям морфологии и словообразования. Наблюдаемая в ряде случаев терминологическая нечеткость, возможно, отражает состояние разработки соответствующих вопросов. Так, один и тот же элемент — гласный, предшествующий личным окончаниям, — называется то тематическим гласным (стр. 26 и др.), то формантом (стр. 27 и др.), то суффиксом (стр. 35 и др.). В результате этого и важнейший классификационный признак глаголов определяется по-разному: «тематический гласный» (*-e-* и *-a-*) — для глаголов I и III спряжения (стр. 26, 51), но «суффикс» (*-u-*) — для глаголов II спряжения (стр. 40). В любом случае соответствующий гласный не относится Пашовым к флексии. Но с этим трудно согласуются его утверждения о чередовании «предфлексийных согласных» при образовании форм многих глаголов.

Следует отметить стремление П. Пашова отказаться от широко принятой в болгарской лингвистической литературе практики обозначения суффиксов слитно с окончанием 1 л. ед. ч. настоящего времени — «суффикс *-вам*» вместо более правильного «суффикс *-ва-*» и др. Правда, ему не удалось полностью отказаться от сложившейся традиции, о чем свидетельствуют такие обозначения, как «суффикс *-сам*», «суффикс *-кам*» (стр. 105) или выражения как «суффикс был *-ясам* (*-йясам*)» (стр. 63) и др.

В качестве исходной основы П. Пашов принимает основу формы 1 л. ед. ч. настоящего времени (стр. 6); все же отсутствие такой оговорки при описании морфологических типов иногда может ввести читателя в заблуждение. Так, на стр. 28 говорится, что в глаголах на *-та* (*чета*, *мета* и др.) «ударение всегда падает на последний слог в настоящем времени и переходит на предпоследний слог в аористе» (ср., однако, *четà*, и *чѣтох*, но *четѣте* и *чѣтохле*, *чѣтохте*, *чѣтоха*).

Спорной нам представляется точка зрения автора на состав суффиксов словообразования. П. Пашов выделяет два таких суффикса: *-а-* (орфографически и *-я-*) и *-в-*, выступающий в ряде расширенных вариантов («с разширения»). На наш взгляд, суффикса *-в-* нет, а есть суффикс *-ва-*. Аргументация, которую приводит А. В. Исаченко в пользу *-в-* и которую, по-видимому, полностью разделяет П. Пашов, нам не представляется убедительной. Нельзя в этой связи не обратить внимания на то, что суффиксом имперфективации автор почему-то признает уже не *-в-*, а *-ва-* (стр. 72 и др.). Кажется, у автора нет строгой концепции и по важному вопросу о соотношении основных (самостоятельных) суффиксов и их вариантов. Возможно, такое впечатление складывается из-за того, что в книге этот вопрос специально не рассматривается.

Имеются в работе и более частные неточности. Укажем на некоторые из них. О глаголах со «сложным» суффиксом *-ствувам* говорится, что все они непереходные (стр. 56). В действительности, и среди приведенных на стр. 56—57 глаголов есть несомненно переходные, например, *заимствувам*, *честувам* и др. О бесприставочных глаголах 2 разряда II спряжения говорится, что все они, кроме *видя*, непереходны. На самом деле есть и другие переходные глаголы этого разряда, в частности *търпя*, *въртя*, *твърдя*, *шетя* и др., что не позволяет согласиться с утверждением П. Пашова о том, будто переходность и ударение на последнем слоге служат достаточным указанием на принадлежность глаголов на *-я* к первому разряду II спряжения (стр. 40). Явным преувеличением является утверждение, что с помощью суффикса *-к* «в принципе почти от каждого болгарского глагола» может быть образован глагол с уменьшительно-ласкательным значением.

В главе «Классификация болгарских глаголов по способу образования вторичного несовершенного вида» рассматривается распределение имперфективов, в основу которого положены суффиксы имперфективации. Дальнейшее их подразделение осуществляется с учетом типов чередований согласных и гласных.

П. Пашов устанавливает следующие суффиксы имперфективации: *-ва-* (понаболее продуктивный в настоящее время), *-ава-* с орфографическим вариантом *-ява-*, *-а-* с орфографическим вариантом *-я-* и *-ува-* (наименее продуктивный а точнее — вовсе непродуктивный). В работе дано почти исчерпывающее описание всего разнообразия способов образования имперфективов, подробно рассмотрены все морфологические типы их с указанием чередований и случаев переноса ударения. Несомненный интерес представляет список дублетных имперфективов (стр. 86—90). В современном болгарском литературном языке существует значительная нестрога в образовании имперфективов от некоторых типов глаголов, поэтому учет существующих дублетов-имперфективов имеет большое значение для изучения их функционирования в языке.

Очень важную сторону проблемы имперфективации П. Пашов, к сожалению, рассматривает слишком кратко. Речь идет о том, какая основа — презентная или аористная — в процессе имперфективации выступает в качестве производящей. Автор очень осторожно высказывается в том смысле, что «может быть, было бы более правильно в качестве исходной по отношению к имперфективной основе взять аористную (старую инфинитивную) основу» (стр. 71). Однако П. Пашов предпочитает следовать сложившейся традиции и признает производящей презентную основу, точнее — основу формы 1 л. ед. ч. настоящего времени, хотя и считает, что лучше было бы принять в качестве производящей именно аористную основу (стр. 71). Такой способ описания сам по себе не может вызвать возражений, так как вряд ли нужно доказывать, какая из основ — презентная или аористная — является главной, исходной. Выбор одной из них в качестве исходной, собственно говоря, условен. Это же самое следует сказать и о выборе одного из вариантов основы настоящего времени. Однако при любом выборе исходной основы важно, чтобы весь материал был описан последовательно с избранной точки зрения. В этом отношении работа П. Пашова не всегда безупречна (см. объяснение образования производных от *(из)ям* на стр. 79, производных от глаголов на *-ия*, *-уя*, *-юя*, *-ея* на стр. 72 и 75).

При достаточно подробном анализе образования имперфективов от разных типов глаголов все же не учтены некоторые случаи чередований особенно согласных, например, не рассматриваются чередования мягких и твердых согласных при имперфективации с помощью суффикса *-ва-* (стр. 72—75); ср. также сказанное об образовании глаголов *смилам*, *застилам* (стр. 79), глагола *заколвам* (стр. 81) и др.

Большую часть книги (стр. 107—245) занимает глава «Морфемный анализ болгарских глаголов». В ней в алфавитном порядке дается список простых основ и для каждой основы указывается расчлененная на морфемы форма (или формы, если эта основа выступает в ряде глаголов) 1 л. ед. ч. настоящего времени, окончания 2 л. ед. ч. этого же времени и 1 л. ед. ч. аориста, видовое значение форм и место ударения в них, а также принадлежность данного глагола к морфологическому разряду и группе (подгруппе) по классификации Пашова. Последнее дает возможность быстро получить полную информацию о парадигме данного глагола в соответствующем разделе книги. В статье для каждого глагола приводятся также список сочетающихся с ним приставок, суффиксальные образования и основа имперфективов. После производных основ в скобках указываются слова, от которых они непосредственно образованы, или так называемые сопроизводные слова, с которыми глаголы имеют общий корень (основу), но непосредственная деривативная связь с которыми отсутствует или представляется неясной.

Ценность этого списка определяется прежде всего почти исчерпывающим перечнем употребляющихся в литературном языке глаголов. В его основу положены глаголы, содержащиеся в трехтомном «Словаре современного болгарского литературного языка», изданного в 1955—1959 гг. Болгарской академией наук. Кроме них, П. Пашов привлек большое число глаголов, по разным причинам не вошедших в этот словарь, но широко употребительных в художественной литературе, в газетах, научных трудах и других произведениях, а также целый ряд глаголов, употребляемых преимущественно в разговорной речи, включая и некоторое число диалектных глаголов. Он ясно сознает, что установить единый критерий включения глаголов, не зафиксированных в нормативных лексикографических трудах, и последовательно провести этот критерий на практике, — дело очень сложное и трудное. Естественно, что включение в данную работу всех глаголов, составляющих авторскую коллекцию, было невозможно, и П. Пашову пришлось производить необходимый отбор. В этой операции он стремился соблюсти «разумную умеренность», особенно в отборе глаголов, широко употребительных в разговорном языке и просторечии, очевидных индивидуальных образований отдельных авторов, не говоря уже о потенциально возможных, но не документированных глаголах. В общем, к списку глаголов трехтомного толкового словаря П. Пашов прибавил «умеренное, но все же значительное количество» бесприставочных (262) и в два раза больше по сравнению с

этим словарем — приставочных глаголов (10 127). Именно привлечением нового и столь значительного конкретного материала, впервые подвергнутого словообразовательному и особенно морфологическому анализу, и определяется значение работы болгарского языковеда.

П. Пашов отдает себе отчет в том, что при отборе огромного числа анализируемых глаголов возможны «ошибки и пропуски» (стр. 97). И они действительно есть. Укажем лишь на отсутствие многих глаголов с частицей *се*.

Можно отметить и отдельные случаи несоответствия между тем, что говорится в описательной части книги и в морфемном списке глаголов (ср., например, сказанное о производных глаголах с основой *-къмна* на стр. 72 и 161, о приставочных глаголах с основой *-гнета* на стр. 28 и 129 и др.).

П. Пашов ограничивает, хотя и не очень строго, фонетические и морфологические дублетные глаголы. Имеются и «комбинированные случаи фонетических и морфологических дублетов», а также «скорее орфографические, чем фонетические дублеты» (стр. 102). В качестве заглавного слова статьи в морфемном списке указываются основы 1 л. ед. ч. настоящего времени дублетных глаголов, например, *гложг-/гложд-* глаголов *гложгам* и *глождя*, за которыми следуют принятые в списке данные отдельно о *гложгам* и *глождя*. Кроме того, самостоятельной статьей дается основа *гложд-* со ссылкой на *гложг-/гложд-*. Такая система подачи с некоторыми оговорками могла бы быть принята, пожалуй, для «фонетических дублетов» типа *излуля* и *излуля*. Для «морфологических дублетов», на наш взгляд, была бы более удобной подача каждого из дублетов в самостоятельной статье, ибо каждый из них имеет свою парадигму, хотя у некоторых глаголов она может частично и совпадать (как, например, у *гложгам* и *глождя*).

Морфемный список глагола представляет большой интерес и в плане собственно словообразования. Известно, что словообразование болгарского глагола, исключая некоторые аспекты префиксации и суффиксации, в целом изучено еще слабо. Работа Пашова представляет серьезный опыт установления деривационных отношений между глаголами и соответствующими словами других частей речи. Решение вопроса о характере этих отношений во многих случаях наталкивается на большие трудности (о чем пишет и сам автор на стр. 103), преодолеть которые при современном состоянии исследования глагольного словообразования не всегда возможно².

² Подробнее вопросы словообразования автор рассматривает в другой ра-

При установлении производящего слова решающим для Пашова является наличие или отсутствие осознаваемой деривационной связи между данным словом и глаголом. Такой подход в принципе не вызывает возражений, хотя определение деривационных отношений между глаголом и соответствующим именем или другой частью речи в ряде случаев представляется спорным. Это касается отдельных глаголов II спряжения, например, *дела, зобя, мисля, говоря*, которые Пашов склонен считать дериватами существительных соответственно *дял, зоб, мисъл, говор* (стр. 103), а также отдель-

ных глаголов на *-стоувам* (типа *кандидатствоувам, царствоувам*) и *-нича* (типа *безделнича, лентяйнича*) и др.

В заключение надо отметить, что «Болгарский глагол» П. Пашова, несмотря на отмеченные и другие недостатки и неточности, представляет собой важный вклад в исследование морфологии болгарского глагола. Главное достоинство этой работы — в исчерпывающем описании глаголов, составляющих усатанавливаемые автором морфологические типы. Книга П. Пашова будет служить полезным справочным пособием для всех изучающих болгарский язык, одним из трудных разделов которого как раз и является морфология глагола. Она несомненно заинтересует и лексикографов, ибо в ней содержится значительное число глаголов, особенно приставочных, ранее не фиксированных словами.

Г. К. Венедиктов

боте. См., например, его статью «Глаголи със суфикс -'ø||-и- в съвременния български език с оглед на някои морфологични явления при образуването им» в «Годишник на Софийския университет», т. LXI, 2, 1967.

H. SCHUSTER-ŠEWC. *Sorbische Sprachdenkmäler XVI—XVIII Jahrhundert*. Bautzen, 1967, 512S.

Г. ШУСТЕР-ШЕВЦ. *Памятники серболужицкого языка*

Сборник, подготовленный лужицким лингвистом Г. Шустером-Шевцем и опубликованный в трудах Лужицкого института народоведения при Германской академии наук (ГДР), представляет собой хрестоматию верхне- и нижнелужицкой письменности XVI—XVIII вв. Хрестоматия включает 91 печатный и рукописный текст (полностью или во фрагментах) — важнейшие источники верхне- и нижнелужицкого языков XVI—XVIII вв. Выход в свет этого сборника-хрестоматии имеет большое значение для дальнейшего исследования серболужицких языков. В условиях возросшего интереса лингвистов к этим языкам издание возможно большего числа памятников серболужицкой письменности становится особенно необходимым.

До сих пор мы располагали лишь четырьмя полностью изданными нижнелужицкими памятниками XVI в. (Вольфенбюттельская псалтырь, Сборник песнопений и Катехизис Альбина Моллера, недавно вышедший перевод Нового Завета М. Якубцы), верхнелужицким Катехизисом Варихля (XVI в.) и Агендой (XVII в.). Большинство же источников XVI—XVIII вв. оставалось недоступным для исследователей, в том числе серболужицкие переводы библии XVIII в. и небольшие фрагменты, опубликованные на страницах малоизвестного журнала «Casopis Mačicy Serbskeje». Вышедшая не так давно «Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa» (Berlin — I, 1956; II, 1957), включавшая произведения разных нижнелужиц-

ких авторов XVI—XX вв., не меняла положения. Хрестоматия давала самое общее представление о развитии нижнелужицкой литературы в указанный период. Материал хрестоматии исследователями языка мог быть использован лишь частично, так как включенные в нее тексты XVI—XVII вв. были транскрибированы на современный нижнелужицкий литературный язык.

Хрестоматия, составленная Г. Шустером-Шевцем, состоит из двух частей: первая включает верхнелужицкие источники (целиком или фрагменты), вторая — нижнелужицкие. В каждой из частей источники распределены по разделам, составленным с учетом письменных вариантов серболужицких языков и диалектной принадлежности памятников: в верхнелужицкой части — протестантский и католический письменные тексты, в нижнелужицкой — западно- и восточнонижнелужицкие тексты. Обе части примерно равны по объему. Верхнелужицкий раздел хотелось бы видеть более обширным, так как даже самые крупные верхнелужицкие памятники продолжают оставаться малодоступными. К особому разделу отнесены три памятника XVII—XVIII вв., стоящие вне письменной традиции (верхне- или нижнелужицкой). Язык их представляет или смесь элементов верхне-нижнелужицких, или смесь элементов разных диалектов нижнелужицкого языка, или отражает один из верхнелужицких диалектов. Материал в каждом разделе располагается в строго хронологическом порядке.

Хрестоматия является первым собранием памятников верхне- и нижнелужицкого языков, подготовленным на основе строгих научных принципов и рассчитанным прежде всего на исследователей языка. Она содержит материалы для изучения не только литературных языков, но и диалектов (некоторые древние источники отражают черты определенных диалектов, в настоящее время исчезнувших или онемеченных).

Составитель хрестоматии проделал огромную работу по собиранию источников, 55 источников в хрестоматии публикуются впервые. Ценным является и переиздание сохранившихся фрагментов тех памятников, которые бесследно исчезли или были уничтожены во время войны. Им найдены и подготовлены к печати неизвестные до сих пор серболужицкие источники XVII—XVIII вв. В ряде случаев составитель подверг серьезной критической оценке уже публиковавшиеся тексты.

Г. Шустер-Шевц последовательно придерживается избранных им принципов издания памятников. Свою задачу он видит в том, чтобы дать как можно более точное отражение состояния языка соответствующего периода. Поэтому в качестве основы для публикации он берет рукописный экземпляр или первое печатное издание. Стремясь быть максимально точным, он оставляет без изменения орфографию оригинала. Вмешательство издателя в текст памятника минимально. Он лишь упрощает диакритические значки, а все исправленные слова в их исходном (ошибочном) напи-

сании приводятся в списках или примечаниях. Расшифрованные слова или части, отсутствующие в оригинале, заключены в скобки. К транскрипции текста в современной верхне- или нижнелужицкой орфографии автор прибегает лишь в тех случаях, где возникают трудности при чтении текста, или там, где данный источник существует лишь в литературной транскрипции.

Значение данного сборника еще больше увеличивается и в связи с тем, что все публикуемые фрагменты или полные тексты памятников сопровождаются ценными комментариями издателя. Комментарии включают библиографическую информацию о памятнике (данные о его местонахождении, об имеющихся публикациях полного его текста или фрагментов и литературе о памятнике), сведения о его языковых особенностях (морфологических, синтаксических и т. д.), его диалектной принадлежности, об орфографии, а также текстологический комментарий.

Впервые исследователь получает сборник, где представлены разные по жанровым темам произведения (конфессиональные, деловые, научные), хотя преобладают в нем все же образцы церковной литературы.

Подготовленная на высоком уровне современной издательской техники, хрестоматия серболужицких памятников XVI—XVIII вв. дает надежный в научном отношении материал для исследователя верхне- и нижнелужицких языков.

М. И. Ермакова

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1968 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения и внешняя политика. Экономическое соревнование двух систем

Европейская безопасность и отношения государств двух систем (Международная конференция. Москва, 1968) М., (1968), 277 с.

Константинов Ф. Т. Развитие идей интернационализма на опыте мировой социалистической системы. «Знание», 1968, 33 с.

Лола М. И. Экономическое соревнование двух систем. (Материал для лектора). Вильнюс, 1967, 19 с.

Мировая социалистическая система и антикоммунизм. «Наука», 1968, 311 с. Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). «Наука», 1968, 287 с.

Проблемы совершенствования внешнеэкономических связей социалистических стран. Тезисы к научн. конференции. М., 1968, 91 с.

Проблемы социально-экономического развития стран двух мировых систем. (Материалы конференции.) М., 1968, 300 с.

Санаков Ш. П. Мировая система социализма. Основные проблемы и этапы развития. Междунар. отношения, 1968, 271 с.

Сорокин Г. М. Мировая система социализма — воплощение идей марк-

сизма-ленинизма. «Знание», 1968, 30 с.

Сурин В. И. Превращение мировой системы социализма в решающий фактор общественного развития. Учебн. пособие для студентов вечерних и заочн. вузов к II разд. курса. Изд-во ЛГУ, 1968, 64 с.

Экономические основы мировой социалистической системы. Сб. статей. «Мысль», 1968, 214 с.

Ягодовский Л. С. Народный фронт в европейских странах социализма. Междунар. отношения, 1968, 192 с.

2. Сотрудничество социалистических стран. Экономические связи

Герцович Г. Б. Совершенствование методов хозяйствования в европейских странах — членах СЭВ. «Наука», 1968, 220 с.

Ладыгин Б. Н., Моторин И. Ф. Проблемы сотрудничества стран СЭВ в развитии топливно-сырьевой базы. «Экономика», 1968, 200 с.

Новые методы планирования и управления в строительстве в странах — членах СЭВ. Стройиздат, 1968, 154 с.

Проблемы координации народнохозяйственных планов стран СЭВ. Междунар. отношения, 1968, 325 с.

Ресурсы и международное сотрудничество. Междунар. отношения, 1968, 288 с.

Рыбаков О. К. Методология сравнения экономических показателей стран социализма. «Мысль», 1968, 189 с.

Семенов Е. К. Сотрудничество во имя прогресса (Страны социализма и индустриализация Индии). «Наука», 1968, 116 с.

Степаненко С. И. Организация сотрудничества стран — членов СЭВ в области стандартизации. М., 1968, 100 с.

Экономика европейских стран — членов СЭВ. «Наука», 1968, 230 с.

3. Строительство основ социалистической экономики

Галецкая Р. А. Индустриализация и пропорции народного хозяйства социалистических стран. «Наука», 1968, 159 с.

Грузинов В. П. Материальное стимулирование труда в странах социализма. (Вопросы теории и практики стимулирования труда.) «Мысль», 1968, 271 с.

Евстигнеев Р. Н. Экономические реформы в европейских странах социализма. Политиздат, 1968, 126 с.

Зубков, А. И. Международное разделение труда и развитие металлургии социалистических стран. «Наука», 1968, 197 с.

Коровкин И. П., Рогачев С. В. Новое в методах руководства сельским хозяйством в социалистических странах. Обзор лит-ры. М., 1968, 47 с.

Максаковский В. П. Топливные ресурсы социалистических стран Европы. «Недра», 1968, 191 с.

О механизации сельского хозяйства Чехословакии и Венгрии. Вопросы электрификации сельского хозяйства Польши. (Отчеты советских с.-х. делегаций.) М., 1968, 48 с.

Поярков К. М. Развитие энергопотребления сельского хозяйства социалистических стран. М., 1968, 78 с.

Проблемы развития хозрасчетных отношений в системе социалистических стран и ценообразование на мировом социалистическом рынке. Материалы конференции. Изд-во МГУ, 1968, 265 с.

Проблемы развития экономики социалистических стран Европы. Под общ. ред. Н. Г. Климко. Киев, Политиздат, 1968, 452 с.

Рудаков Е. В. Экономическая реформа в сельском хозяйстве социалистических стран. Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия. «Экономика», 1968, 183 с.

Совершенствование организации и планирования заготовок сельскохозяйственных продуктов в социалистических странах. Обзор. М., 1968, 102 с.

Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. Сб. «Наука», 1968, 376 с.

Ценообразование на мировом социалистическом рынке. Под ред. В. П. Дьяченко. «Экономика», 1968, 167 с.

Черкасов Н. А. Международное социалистическое разделение труда и индустриализация страны. (На опыте индустр. развития Чехословакии.) Изд-во, ЛГУ, 1968, 96 с.

Экономическая география зарубежных стран. Пособие для студентов. Ч. 1. «Просвещение», 1968, 446 с.

Экономические проблемы транспортных связей социалистических стран. Л., 1968, 123 с.

4. Государственное строительство. Право

Законодательство социалистических стран о прокурорском надзоре. Душанбе, 1968, 246 с.

Карпенко О. Некоторые организационно-правовые вопросы сотрудничества Академий наук социалистических стран. М., 1968, 11 с.

Обзор текущего законодательства зарубежных стран. М., 1968, 120 с.

Общественные суды в европейских социалистических странах. Сб. статей. Изд-во МГУ, 1968, 152 с.

Трахтенгерц Л. А. Изобретательское право социалистических стран и право на открытие. М., 1968, 148 с.

Федоров К. Г. История государства и права зарубежных стран. Учебн. пособие. Изд-во Ростовского ун-та, 1968, 387 с.

5. Международное сотрудничество в области научных и технических исследований

Богуславский М. М. Применение договорной формы при проведении странами — членами СЭВ совместных научных исследований. М., 1968, 18 с.

Гаврилов В. Формы научно-технического сотрудничества при международном кооперировании производства. М., 1968, 11 с.

Герцович Г., Шамрай Ю. Хозрасчет и научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1968, 17 с.

Иовчук С. Об экономических критериях в научно-техническом сотрудничестве стран социализма. М., 1968, 17 с.

Кормнов Ю. Взаимосвязь международной специализации производства и научно-технического сотрудничества. М., 1968, 22 с.

Организация управления научно-исследовательской деятельностью в зарубежных странах. М., 1968, 69 с.

Синягин И. И. Опыт координации научных исследований по сельскому хозяйству в странах — членах СЭВ и международное социалистическое разделение труда в области научных и технических исследований. М., 1968, 20 с.

Эмануэл П. Международное сотрудничество — важнейший фактор научно-технического прогресса. М., 1968, 14 с.

6. Справочники

Библиографические материалы к книжной выставке от СССР на VI Международном съезде славистов. М., 1968, 131 с.

Мир социализма в цифрах и фактах 1967. Справочник. Политиздат, 1968, 158 с.

Народное хозяйство социалистических стран в 1967 г. Сообщ. стат. упр. «Статистика», 1968, 139 с.

Парламенты зарубежных стран. Справочник. Политиздат, 1968, 384 с.

Экономика стран социализма. 1967. «Экономка», 1968, 272 с.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. Экономика

Аперьян В. Е. Социализм и трудовые ресурсы. Из опыта соц. стр-ва

в Народной Республике Болгарии. Междунар. отношения, 1968, 214 с.

Донков В. Новая система хозяйственного руководства в Народной Республике Болгарии и ее применение в отраслях легкой промышленности. Обзор. М., 1968, 44 с.

Луканов К. Пути повышения эффективности использования основных фондов сахарной промышленности в Народной Республике Болгарии. М., 1968, 68 с.

2. История

Абрамовичус В. Е., Дьяков В. А., Валерий Врублевский. «Мысль», 1968, 159 с.

Балканский исторический сборник, т. 1, Кишинев, 1968, 300 с.

Бернов Ю. В. 50 лет независимости Польши. «Знание», 1968, 64 с.

Брежнев Л. И. Речь на V съезде Польской объединенной рабочей партии 12 ноября 1968 г. Политиздат, 1968, 23 с.

Верность интернациональному долгу. (В помощь пропагандистам и агитаторам). Сб. «Красная звезда», 1968, 64 с.

Ветрогонский В. А., Шестинский О. Н. Сестра наша — Болгария. Л., Сов. художник, 1968, 87 с. с илл.

Дранг-нах-Остен и историческое развитие народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. (От эпохи раннего феодализма до конца XVIII в. Проспект.) М., 1968, 94 с.

Дьяков В. А. Маркс, Энгельс и польское освободительное движение. «Наука», 1968, 192 с.

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Изд-во МГУ, 1968, 598 с.

К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. Вып. 1. М., 1968, 159 с.

Кашлев Ю. Б., Орлов В. И. До встречи, София! «Молодая гвардия», 1968, 127 с.

Климовский Д. С. Зловещий пакт. Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия. Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1968, 175 с.

Котляр М. Ф. Галицка Русь. У другой половины XIV — первой четверти XV ст. I ст. — нумизматичне дослідження. «Наукова думка», 1968, 143 с.

Лещиловская И. И. Иллиризм. К истории хорват. нац. Возрождения. «Наука», 1968, 338 с.

Любенов В. И. Народная Болгария. «Просвещение», 1968, 123 с.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина XI в.). Ист.-арх. очерки. Л., «Наука», 1968, 192 с.

Маевский, В. В. В землях польских. Полит. репортаж. Политгиздат, 1968, 128 с.

Макаев В. К. Робітничий клас Галичини в останній третині XIX ст. Вид-во Львівського ун-та, 1968, 206 с.

Макаренко Я. И. Повинуясь велению сердца. Польские очерки. «Правда», 1968, 48 с.

Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. «Наука», 1968, 326 с.

Овчанин С. В. Армяно-болгарские исторические связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в. Ереван, 1968, 380 с.

Октябрь и революционное движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917—1923 гг.). Указатель лит.-ры. 1945—1965. «Наука», 1968, 318 с.

Путь длиной в 1000 лет. Сб. «Знание», 1968, 192 с.

Пухлов Н. Н. Из истории польской социал-демократической партии (1893—1904). «Наука», 1968, 256 с.

Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян в XV—XVI вв. «Наука», 1968, 323 с.

Связи революционеров России и Польши. XIX—начало XX в. (Материалы симпозиума 1966 г.) Под ред. В. А. Дьякова и др. «Наука», 1968, 420 с. с илл.

Славяне и Русь. «Наука», 1968, 471 с.

Сміяи П. К. Революційний та національно-визвольний рух на Закарпатті кінця XIX—початку XX ст. Львівськ. ун-т, 1968, 209 с.

Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939. Из истории гос., дипломат., экон. и культурных связей. Сб. статей. Под ред. С. И. Прасолова и П. И. Резонова. «Наука», 1968, 228 с.

Тезисы докладов и сообщений десятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград, 1968 г.) М., 1968, 166 с.

Тимашев А. К. Варшава. «Провсвещение», 1968, 111 с. с илл.

Толубков Ф., Барышев Н. И. От Видина до Блграда. Ист.-мемуарный очерк о боевых действиях советских танкистов в Белградской операции. Под ред. и с предисл. ген.-полк. В. Ф. Чижка. «Наука», 1968, 240 с. с илл.

Чернявский Г. И. Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма (1925—1929 гг.). Изд-во Харьков. ун-та, 1968, 200 с.

Шнитман А. М. Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии (1896—1923 гг.). Мурманск, 1967, 478 с.

3. Культура

Білодід І. К. Леонід Арсенійович Булаховський. Б-фія складена Н. Ф. Королевич. «Наукова думка», 1968, 79 с.

Булаховська Ю. Л. и др. Багатство і різноманітність форм літературних взаємин в сучасній слов'янській поезії. «Наукова думка», 1968, 30 с.

Булаховська Ю. Л. Проблематика польської сатири 30—50-х років XX ст. Поезія і худож. проза. «Наукова думка», 1968, 182 с.

Вервес Г. Зустріч з Міцкевичем. Літ. критичний нарис. Рад. письменник, 1968, 162 с.

Вервес Г. Д. Про традиційне і новаторське в слов'янській поезії XX ст. «Наукова думка», 1968, 45 с.

Гора до неба. Українські народні казки Східної Словащини. Ужгород, 1968, 38 с.

Грица С. Й., Дей О. І. Принципи класифікації і наукового видання української словесно-музичної народної творчості на сучасному етапі. «Наукова думка», 1968, 37 с.

Зенченко Н. С. Народное образование в странах социализма. Лекция. Л., 1968, 24 с.

Історико-типологічні та генетичні зв'язки в епічній пісенній творчості слов'ян (XVII—XIX ст.). «Наукова думка», 1968, 25 с.

История зарубежной литературы конца XIX—начала XX века (1871—1917). Изд-во МГУ, 1968, 567 с.

История, культура, фольклор и этнография славянских народов (VI Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации). «Наука», 1968, 351 с.

История польской литературы, т. 1. «Наука», 1968 г. 615 с.

Кабашнікаў К. П. Беларуская казка ў казачым эпасе славян. «Навука і тэхніка», 1968, 27 с.

Киноискусство социалистических стран Европы. Информационно-метод. сб. Вып. 1, М., 1967, 83 с.

Кирилюк Е. П. Український реалізм і літератури слов'янських народів у XIX ст. «Наукова думка», 1968, 47 с.

Крутікова Н. Е., Чалий Д. В. Форми реалізму в східнослов'янських літературах другої половини XIX—початку XX століття. «Наукова думка», 1968, 32 с.

Малевич О. М. Карел Чапек. Критико-биограф. очерк. Худож. лит.-ра, 1968, 207 с.

Малкевич Е., Лещик А. Общенациональная информационная система в Польше. М., 1968, 13 с.

Марков П. А. В театрах разных стран. Сб. статей. М., 1967, 395 с. с илл.

Никольский С. В. Роман К. Чапека «Война с саламандрами». (Структура и жанр). «Наука», 1968, 208 с.

Новиченко Л. М. Проблеми стилізованої диференціації в сучасних східнослов'янських літературах. «Наукова думка», 32 с.

Полякова Л. Оперное творчество Леоша Яначка. «Музыка», 1968, 325 с.

Риманов И. Ф. Ярослав Гашек среди чувашских красноармейцев. Чебоксары, 1968, 153 с. На чувашск. яз.

Ровда К. И. Чехи и русские в литературных взаимосвязях. 50—60-е годы XIX в. «Наука», 1968, 247 с.

Русакієв С., Шабліовський С. С. Становлення і розвиток соціалістичного реалізму в національних літературах. «Наукова думка», 1968, 30 с.

Русский фольклор, т. XI. Исторические связи в славянском фольклоре. «Наука», 1968.

Славянская филология. Сб. статей. Вып. 6, 7. Изд-во МГУ, 1968, 2 т.

Славянские литературы (VI Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации). «Наука», 1968, 647 с.

Славянские литературные связи. Сб. статей. «Наука», 1968, 285 с.

Слов'янська філологія на Україні (1963—1967 рр.). Бібліографія. Ч. I—II. «Наукова думка», 1968, 3 т.

Слов'янське літературознавство і фольклористика. Вып. 4. «Наукова думка», 1968, 176 с.

Стефан Жеромський в Українській РСР. Бібліографічний покажчик. Склад В. П. Кулик. Львів, 1968, 86 с.

Стрыцкевич Ф., Шрамкевич К. Выставка произведений. Ленинград, 1968. Каталог. Скульптура. Живопись. Вступ. ст. Б. Бенюлис и Б. Ковальска. Сов. художник, 1968, 22 с.

Тананаева Л. И. Польское изобразительное искусство эпохи Просвещения. Живопись. Рисунок. «Наука», 1968, 147 с. с илл.

Топалова Ю. И. Боевая трибуна. Коммунистическая печать Болгарии в годы фашистской диктатуры. «Знамя», 1968, 48 с.

Труды Института русской литературы. Вып. 23. Литературные связи древних славян. Л., «Наука», 1968, 343 с.

Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XIX—начало XX в.). Сб. ст. «Наука», 1968, 475 с.

Шагинян М. С. Иозеф Мысливечек. Изд. 2, доп. Мол. гвардия, 1968, 319 с.

Шерлаимова С. А. Витезслав Незвал. Высш. школа, 1968, 103 с.

Шпилева Я. В. Героика и лирика. О становлении послевоенной болгарской поэзии. «Наукова думка», 1968, 156 с.

Юлпус Фучик (1903—1943). Метод. материалы к вечеру, посвящ. 25-летию со дня смерти (Сост. Г. Г. Чернова). М., 1968, 23 с.

4. Языкознавство

Аванесов Р. И. Отчетный доклад Общеславянского лингвистического атласа VI Международному съезду славистов в Праге (7—13 авг. 1968 г.). М., 1968, 22 с.

Белодед И. К. Контакты украинского языка с другими славянскими и унификация его устной литературной формы. «Наукова думка», 1968, 35 с.

Болгарско-русский политехнический словарь. Около 37 000 терм. Сов. энциклопедия, 1968, 560 с.

Влчек Й. Русско-чешский словарь. 40 000 слов. Сов. энциклопедия, 1968, 896 с.

Вопросы славянского языкознания. Сб. статей. Под ред. доп. Л. И. Барапниковой. Изд-во Саратов. ун-та, 1968, 193 с.

Гумедька Л. Л. Питання стандартизації слов'янських писемно-літературних мов стародавньої доби. «Наукова думка», 1968, 13 с.

Коломієць В. Т. Спільні тенденції розвитку лексики слов'янських мов у післявоєнний період. «Наукова думка», 1968, 31 с.

Лекмцева М. И. Типология структур слога в славянских языках. «Наука», 1968, 224 с.

Лексика Польесья. Материалы для полесского диалектного словаря. «Наука», 1968, 476 с.

Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, 182 с.

Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. «Наука», 1968, 240 с.

Митронова И. Н., Синицына Г. В., Ликес Г. Карманный польско-русский и русско-польский словарь. Изд. 5 стереот. Сов. энциклопедия, 1968, 564 с.

Нещименко Г. П. История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII—XX вв. (Прилагательное). «Наука», 1968, 284 с.

Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). «Наука», 1968, 303 с.

Рачинская Ч. С., Рачинский З. З. Польско-русский строительный словарь. Около 36 000 терминов. Сов. энциклопедия, 1968, 702 с.

Русанівський В. М. Порівняльно-типологічна характеристика дієслівного стану в сучасних слов'янських літературних мовах. «Наукова думка», 1968, 37 с.

Скиба Ю. Г. Союз как служебное слово в русском и славянских языках. Конспект лекций. Спец. курс для студентов-филологов. Кн. 2. Черновцы, 1968, 43 с.

Славянское языкознание (VI между-

нар. съезд славистов. Докл. советской делегации). «Наука», 1968, 428 с.

Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Саратов. 1968, 28—31 мая. Тезисы докладов. М., 1968, 55 с.

Стрекалова З. Н. Из истории польского глагольного вида. «Наука», 1968, 176 с.

Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языковедению. (Библиогр. указатель), т. 2. 1958—1967. Изд-во МГУ, 1968, 353 с.

Успенский Б. А. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литург. произношения в России). Изд-во МГУ, 1968, 156 с.

Цілуйко К. К. Засади створення національного атласа гідронімії. «Наукова думка», 1968, 21 с.

Цыхун Г. А. Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках. Минск, 1968, 134 с.

Цыхун Г. А. Эпкліза і пракліза ў структуры славянскага сказа. «Навука і тэхніка», 1968, 24 с.

*ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ
В КОНЦЕ 1968 — НАЧАЛЕ 1969 г.*

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения,
взаимоотношения
братских стран и партий,
внешняя политика.

Борецкий Ю. Бдительность и единство. «За рубежом», 1968, № 46.

Варзин Н. Взаимное сотрудничество. Экон. газета, 1968, № 50.

Во имя мира и социализма. Парт. жизнь, 1968, № 21.

Гамуоз Ф. Прочная основа (К 25-летию Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между ЧССР и СССР.) «За рубежом», 1968, № 52.

Гомулка В. О событиях в Чехословакии. «Новое время», 1968, № 42.

Договор между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Чехословацкой Социалистической Республики об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословацкой Социалистической Республики. «Ведомости Верховного Совета СССР», М., 1968, № 43.

Залетный А. ФРГ и события в Чехословакии. Междунар. жизнь, 1968, № 11.

Интернациональный долг стран социализма. Коммунист Сов. Латвии, 1968, № 10.

Нашковский М. Основные направления польской политики. «Новое время», 1968, № 45.

Недорезов А. Основы нашего союза. К 25-летию советско-чехословацкого договора. «Новое время», 1968, № 50.

О визите делегации КПСС в Чехословакию. «Правда», 1969, 11 января.

Петер Я. Залог мира в Европе. «За рубежом», 1968, № 52.

Теоретические проблемы социалистического интернационализма. Научн. докл. высш. школы. Философ. науки, 1968, № 6.

Циранкевич Ю. О польских и международных проблемах. Интервью. «Новое время», 1969, № 1.

Шмелев Н. Актуальные проблемы развития социалистической системы и борьба за сплоченность стран социализма. «Коммунист Белоруссии», 1968, № 9.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Башкиров А. Иран и страны СЭВ. «Азия и Африка сегодня», 1968, № 12.

Беляев Ю. Сотрудничество стран СЭВ на современном этапе. Междунар. жизнь, 1968, № 12.

Бокров Г. Всегда вместе. «За рубежом», 1968, № 46.

Братанчук И. И. Паростки социализму в польском селі. Укр. іст. журн., 1968, № 11.

Бух М. Интенсификация сельскохозяйственного производства в зарубежных европейских социалистических странах. Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, 1968, № 11.

Былев Н. Слагаемые успехов. Экон. газета, 1968, № 48.

В интересах сотрудничества. Экон. газета, 1968, № 49.

В Исполнительном Комитете Совета. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1968, № 5.

Вакс А. Проблемы научно-технического прогресса в европейских странах СЭВ. «Вопросы экономики», 1968, № 10.

Валовой Д. Накануне партийного съезда. «Экон. газета», 1968, № 44.

Варзин Н. Закон повышающейся производительности труда в мировой социалистической системе хозяйства. На-

учн. докл. выпш. школы. Экон. науки, 1968, № 11.

В и р с к и В. Производство и внешняя торговля. Экон. газета, 1968, № 48.

В и т и н Ю. За совершенствование конструкций многоэтажных зданий. «Строительство и архитектура Москвы», 1968, № 12.

В о я к о в и ч З. Организованная рационализация. Экон. газета, 1968, № 43.

24-е заседание комиссии СЭВ. Экон. газета, 1968, № 49.

Деятельность МБЭС в 1967 году. Внешн. торговля, 1968, № 11.

Д о м б р о в с к а я М. Одноразовые расчеты за готовый объект. Экономика стр-ва, 1968, № 11.

Д у д и н с к и й И. Уверенной поступью. «За рубежом», 1968, № 52.

Д ы л б о к о в С. Проблемы экономического развития НРБ и новая система руководства народным хозяйством. Экономика Сов. Украины, 1968, № 10.

Е в с т и г н е е в Р., К а й е В. Хозяйственные реформы в странах СЭВ. «Вопросы экономики», 1968, № 10.

З н а м е н с ь к а М. В. Зв'язки громадськості УРСР з трудящими зарубіжних соціалістичних країн. Укр. іст. журн., 1968, № 10.

И в а н о в С. Морской флот Народной Республики Болгарии. Мор. флот, 1968, № 11.

Изучение конъюнктуры рынка в Югославии. «Торговля за рубежом», 1968, № 10.

Иран. Торгово-экономические отношения с социалистическими странами. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1968, 28 дек., № 155—156.

К о з ь м и Ю. Н., А г а н с о н Э. Я. Методы и средства планирования и управления металлургическим производством с использованием вычислительной техники в странах — членах СЭВ и СФРЮ. «Сталь», 1968, № 11.

К о л д о б с к и й В. По пути прогресса. Экон. газета, 1969, № 2.

К о м и с с а р о в А. В. Некоторые проблемы совершенствования структуры и повышения эффективности торговли Советского Союза со странами — членами СЭВ (На прим. торговых отношений СССР с ПНР). Автореф. канд. дисс., М., 1968.

Коммюнике об одиннадцатом заседании Постоянной комиссии Совета Экономической Взаимопомощи по статистике (Москва, 25—29 ноября 1968 г.). Экон. газета, 1968, № 49.

Коммюнике о тридцать седьмом заседании Исполнительного комитета Совета Экономической Взаимопомощи (Москва, 25—28 ноября 1968 г.). Экон. газета, 1968, № 49.

К р а в ц о в а И. Г. Методы определения экономической эффективности внешней торговли в Польской Народной

Республике. Вестник Моск. ун-та. Экономика, 1968, № 6.

К р у т и к о в Ф., П о н о м а р е н к о В. Потребитель и производство. Экон. газета, 1968, № 42.

К у к у л ь с к и й М. Главные порты Польши. Мор. флот, 1968, № 9.

Л а з а р е в а Л. Международное значение опыта КПСС в организации социалистического соревнования (на примере Чехословакии). Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1968, т. 215. История КПСС, вып. 13.

Л у к и н И. В Постоянной Комиссии СЭВ по валютно-финансовым вопросам. «Финансы СССР», 1968, № 9.

М а л ю г и н В., К о з л о в В. Братское сотрудничество. К 10-летию Постоянной комиссии СЭВ по строительству. Экономика стр-ва, 1968, № 11.

М и л о в Е. Принципы экономического стимулирования внешней торговли ПНР. «Финансы СССР», 1968, № 10.

М и с ю н а В. Преобразования в сельском хозяйстве народной Польши. Экономика сел. хоз-ва, 1968, № 10.

М и х е е в В. Сотрудничество умножает силы. Экон. газета, 1968, № 45.

М о л ч а н о в а И. Пловдив-68. Экон. газета, 1968, № 42.

Некоторые данные о развитии химической промышленности в 1970 году. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1968, № 5.

Некоторые результаты координации важнейших научных и технических исследований, представляющих взаимный интерес, в 1967 году. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1968, № 5.

Н и к о л а е в Н. Постоянные комиссии СЭВ в действии. Внешн. торговля, 1969, № 1.

П и н А. Морское хозяйство Польши. «Новое время», 1968, № 52.

Планы 1969 годы. Экон. газета, 1969, № 1.

Планы 1969 годы. Экон. газета, 1969, № 2.

Пловдив, 1968. Внешн. торговля, 1968, № 12.

П о п о в И. Социалистическое строительство и технический прогресс. Экон. газета, 1968, № 46.

Развитие торговой сети в Болгарии. «Торговля за рубежом», 1968, № 10.

Р о м а н о в Ю. Экономическое сотрудничество Марокко со странами социализма. Внешн. торговля, 1968, № 10.

Р я б у ш к и н Т. Экономика Чехословакии за пятьдесят лет. Мировая экономика и междунар. отношения, 1968, № 11.

С е м е н о в а Л. Технический прогресс и структура промышленного производства стран — членов СЭВ. «Вопросы экономики», 1968, № 12.

Сенин М. Развитие международных экономических связей. Полит. самообразование, 1968, № 11.

Сергеев В. К вопросу о показателях расширения и углубления международного социалистического разделения труда. Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, 1968, № 10.

Сергеев Ю. Международные фрагменты операций стран СЭВ. Внешн. торговля, 1968, № 12.

Спняков Ю. СЭВ — для каждого и для всех. Лит. газета, 1968, 20 ноября.

Совершенствование организации и планирования заготовок сельскохозяйственных продуктов в социалистических странах (Обзор). М., 1968.

Советско-чехословацкие экономические переговоры. «Правда», 1968, 23 декабря.

Солдатова Н. Международный банк экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. «Коммунист Вооруженных Сил», 1968, № 23.

Таков П. Торговля в болгарском селе. «Советы депутатов трудящихся». 1968, № 12.

Фадеев Н. Братское сотрудничество. Совету Экономической взаимопомощи — 20 лет. «Правда», 1969, 24 января.

Чехословакия — Болгария. Бюл. инстр. коммерч. информации., 1968, № 153.

Шаренков С. Болгария в международном социалистическом разделении труда. «Вопросы экономики», 1968, № 11.

Шишков А. На основе договоров. Экон. газета, 1968, № 50.

3. Партийная жизнь

Гяуров К. Народная интеллигенция — верный помощник коммунистической партии. (Из опыта Пловдивской окружной организации БКП). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1968, № 12.

Заявление Президиума ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 5 января.

Коломейчик Н. В борьбе за интересы трудящихся Польши. «Вопросы истории КПСС», 1968, № 12.

Комюнике Президиума ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 9 января.

Луковец А., Аверченко Б. Боевой авангард польского народа. С V съезда Польской объединенной рабочей партии. Парт. жизнь, 1968, № 23.

Пленум ЦК КПЧ. «Правда», 1969, 19 января.

Пленум ЦК Компартии Словакии. «Правда», 1968, 24 декабря.

Полвека во главе трудящихся масс. К 50-летию образования Коммунистической партии Польши. «Коммунист Белоруссии», 1968, № 11.

4. Государственное строительство и право

Ворожейкин Е. Новый семейный кодекс Народной Республики Болгарии. Сов. юстиция, 1968, № 23.

Георгиев Ю. Югославия: «Новый вариант социализма»? — «Коммунист», 1968, № 15.

Дудоров Д. И. Правовое положение депутата верховного представительного органа государственной власти Народной Республики Болгарии. Уч. зап. Всесоюз. юрид. заочн. ин-та. М., 1968, вып. 17, ч. 2.

Осифов Н. К. Новый уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. Вестник Моск. ун-та. Право, 1968, № 6.

Куричев А. П. Институт самоуправления — форма участия трудящихся Польши в управлении промышленными предприятиями. В кн.: Свердловский юридический институт. Конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1967 год. Материалы... Свердловск, 1968.

Лебедев Л. К. Некоторые вопросы строительства социализма в европейских странах народной демократии на современном этапе. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1968, т. 364. Некоторые проблемы науч. коммунизма.

Матеев Е. Концепции различных «моделей» социализма. Экон. газета. 1968, № 44.

Новое правительство ЧССР. «Правда», 1969, 2 января.

Патрушев В. Д. Бюджет времени городского населения социалистических и капиталистических стран. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1968, № 5.

Побірченко І. Г. Правові проблеми управління народним господарством. Вісник Київськ. ун-ту. Серія права, 1968, № 9.

Провозглашение Словацкой Социалистической Республики. «Правда», 1969, 3 января.

Радев Я. О развитии социалистической демократии в Болгарии. Сов. государство и право. 1968, № 12.

Раковский С. Внутренняя миграция населения в зарубежных социалистических странах Европы. Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, 1968, № 10.

Свобода Л. Выступление Л. Свободы. «Правда», 1969, 22 января.

Синельникова Р. Д. Система органов державного управления у Польской Народной Республики. Вісник Київськ. ун-ту. Серія прада, 1968, № 9.

Черник О. Выступления О. Черника. «Правда», 1969, 23 января.

Шелепин В. Изменение государственного устройства ЧССР. «Новое время», 1968, № 46.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

- Барякторович М. Травестизм у черногорцев и албанцев. Сов. этнография, 1968, № 6.
- Белякевич И. И. Польские трудящиеся в российском революционном движении накануне Февральской революции. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Борис В. А. Некоторые вопросы русско-польских и межславянских связей 20—40-х годов XIX в. В кн. Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- В. П. Видатний історик-славіст. (До 90-річчя з дня народження академіка В. І. Пічети). Укр. іст. журн., 1968, № 10.
- Валев Л. Б., Гришина Р. П. Начало работы комиссии историков СССР и Болгарии (27—28 июня 1968 г.). «Вестник АН СССР», 1968, № 12.
- Галчин В. Ю. Становище Закарпаття в складі буржуазної Чехословацької (1919—1920 рр.). Укр. іст. журн., 1968, № 10.
- Гербильский Г. Ю. Галиция в «Колоколе» А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В кн. Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Греков И. Б. Встреча польских и советских историков (10—12 июня 1968 г.). «Вестник АН СССР», 1968, № 12.
- Гроссман Ю. М. Аграрные отношения в Русском и Белзском воеводствах Речи Посполитой. (Вторая половина XVI — первая половина XVII веков). Автореф. Докт. дисс., Львов, 1968.
- Гусак Г. К 50-летию образования Чехословакии. «Коммунист», 1968, № 16.
- Данишевский Т. Первые Советы в Польше. «Новое время», 1968, № 49.
- Злупко С. М. До питання про зв'язки Буковини з Наддніпрянською Україною та Галицією (друга половина XIX — початок XX ст.). Укр. іст. журн., 1968, № 11.
- Калишевич Э. Е. Польский журнал «Архейон». Сов. архивы, 1968, № 5.
- Кандевич Я. ППС и революционное движение в России в 1893—1903 гг. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Коларов В. В. Коларов о Г. Димитрове на Лейпцигском процессе. «Вопросы истории КПСС», 1968, № 11.
- Манусевич А. Я. Великий Октябрь и образование в 1917—1918 гг. новых государств в Европе. (К историографии проблемы). «Вопросы истории», 1968, № 11.
- Марахов Г. И. Деятельность «Союза польского народа» на Правобережной Украине в 1835—1839 гг. (По материалам киевского архива). В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Мартиненко А. К. Революция 1905—1907 гг. та російсько-болгарські дипломатичні відносини. Укр. іст. журн., 1968, № 11.
- Мельничук Я. С., Стеблій Ф. І. Трибул поневоленого люду І. О. Капушак. Укр. іст. журн., 1968, № 10.
- Мюнхенский договор: история и современность. Междунар. жизнь, 1968, № 11.
- Недорезов А. Октябрьская революция в России и образование Чехословакии. Междунар. жизнь, 1968, № 12.
- Нефедов И. М. О революционной агитации в частях австрийской армии накануне Краковского восстания 1846 г. и участия в нем солдат украинцев. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Озолин А. И. Политическое развитие Чехии в XIV — начале XV в. Идеологи бюргерской оппозиции и королевской власти и сословной монархии. В кн.: Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Саратов, 1968.
- Орехов А. М. Из истории революционных связей Москвы и Варшавы (1891—1892 гг.). В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Охманьский Е. Деятельность и роль Ф. Держинского в литовском и польском рабочем движении в конце XIX в. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Патрушев Е. Новое об Олего Дундиче. «Простор», 1968, № 11.
- Пивоваров М. Сторінка братерської дружби. «Всесвіт», 1968, № 9.
- Писарев Г. Роль русских и украинцев в жизни и творчестве Элварда Желиговского. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Рашковский Е. Б. Польские революционные демократы и первые польские социалисты. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.
- Рябоконтъ С. И. Салонское соглашение 31 июля 1938 г. Уч. зап. Урал. гос. ун-та, Свердловск, 1968, № 63. Серия ист., вып. 6.
- Сардачук П. З історії спільної боротьби західноукраїнських і польських селян проти буржуазно-поміщицького ладу. «Архіви України», 1968, № 5.
- Сахарчук І. М. Борьба КПЗУ проти буржуазного націоналізму (1929—1933 гг.). Укр. іст. журн., 1968, № 11.

Стеблій Ф. І. Перші робітничі барикади на вулицях Львова. (До 120-річчя збройного львівського повстання). Укр. іст. журн., 1968, № 11.

Топалова Ю. И. Газеты «Новини» и «Работническое дело» — проводники линии Болгарской коммунистической партии в массах. Вестник Моск. ун-та. Журналистика, 1968, № 6.

Трусевич С. М. Из истории украинско-польских прогрессивных связей в Восточной Галиции начала 60-х годов XIX в. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.

Фалькович С. М. Газета «Правда» Генрика Каменского. В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М. 1968.

Фильгус В. Е. Деятельность польского освободительного движения 60-х годов XIX в. в Тобольской губернии. В кн. Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.

Чемпалов И. Н. Итало-германская агрессия на Балканах в конце 1940 г. Уч. зап. Урал. гос. ун-та, Свердловск, 1968, № 63, Серия ист., вып. 6.

Червінкіп-Корольов І. І. До питання про роль Паризької конференції в окупації Східної Галичини буржуазною Польщею в 1919 р. Укр. іст. журн., 1968, № 11.

Щурат С. В. Про зв'язки Т. Падури з декабристами. Укр. іст. журн., 1968, № 11.

Язькова А. Империализм и государства Восточной Европы. Из истории Малой Антанты. «Новое время», 1968, № 48.

2. Культура и наука

А. К. і І. К. IV наукова міжвузівська конференція істориків-славистів. (Минск, 1968 г.) Укр. іст. журн., 1968, № 11.

Вагнер Г. У истоков портрета в древнеболгарском искусстве. «Искусство», 1968, № 12.

Вервес Г. Д. VI Міжнародний конгрес славистів. (Прага, 6—13 авг. 1968 г.) Рад. літературознавство, 1968, № 11.

Владимиров Н. К чему же призывают «Листы». Лит. газета, 1968, 4 декабря.

Воєйкова И. Революционная эстафета в болгарском искусстве. «Искусство», 1968, № 11.

Вылов Т. Субъективный фактор развития системы общества. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки. М., 1968, № 5.

Гиневский Я. М. По страницам болгарского журнала «Проблемы на висшето образование». Вестник высш. школы, 1968, № 9.

Головня В. В коротком метраже. «Искусство кино», 1968, № 10.

Гурвич Ф. Г. Проблемы планирования и организации научных и технических исследований. (Симпозиум ученых социалистических стран в Москве, 21—24 мая 1968 г.) «Вестник АН СССР», 1968, № 11.

Даскалова Е. Максим Горький и болгарин Роман Аврамов. «Волга», 1968, № 11.

Еремип Ю. Е., Иванова В. М. По страницам журнала «Праксис» за 1967 г. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки. 1968, № 5.

Зидаров Л. Художники-иллюстраторы Болгарии. Дет. лит-ра, 1968, № 10.

Иванов В. Крупнейшее в Болгарии. Кн. обзрение, 1969, № 1.

Искусство, приносящее радость. «Искусство», 1968, № 11.

Кардаш О. Д. Зближення національних культур як історична необхідність. (На матеріалах чехословацько-українських культурних зв'язків.) «Проблеми філософії», 1968, вип. 8.

Каролев С. О стиле современной болгарской прозы. Иностр. лит-ра, 1969, № 1.

Киселев И. Н. Творческое содружество советских и болгарских ученых. «Вопросы истории», 1968, № 12.

Корлятану Н. Проблемы изучения славяно-молдавских языковых литературных и фольклорных связей. Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1968, т. 27, вып. 6.

Кравцов Н. И. Тургеневский тип романа и славянские литературы XIX века. Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1968, т. 27, вып. 6.

Куприян А. П. Журнал польских социологов в 1967 году. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1968, № 6.

Маклярский. Из чехословацкой тетради. «Искусство кино», 1968, № 12.

Марков Д. Ф. Съезд славистов в Праге (7—13 авг. 1968 г.). «Вестник АН СССР», 1968, № 12.

Международный комитет славистов. XI пленарное заседание в Праге 6 и 11 августа 1968 г. в течение VI Международного съезда славистов. Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка, 1968, т. 27, вып. 6.

Милков М. Роздуми драматурга. Розмова з болгарським письменником Георгием Джагаровим. «Всесвіт», 1968, № 9.

Минкина Е. С. Дни просвещения в Польше. Информация о библиотечном деле и библиографии за рубежом. М., 1968, вып. 5.

Николюкин А. Н. Международные связи советской литературы 40-х — начала 50-х годов. В кн.: История русской советской литературы. 1917—1965. В 4-х т. М., 1968.

Открытое письмо писателям Чехословакии. Лит. газета, 1968, 23 октября.

Пандурский В. Выставка «Древнеболгарское искусство» в Москве. «Искусство», 1968, № 12.

Петров С. Субстрат, структура, свойства. «Вопросы философии», 1968, № 10.

Попова К. Современная болгарская драма. «Театр», 1968, № 11.

Путилов Б. Видання творів Вука Караджича. Нар. творчисть та етнографія. 1968, № 5.

Свирида И. Польский плакат. Иностр. лит.-ра. 1968, № 11.

Стойчев Т. Относительно предмета научного атеизма. Вопросы научн. атеизма. 1968, вып. 5.

Сурков А. Слово и дело поэта-революционера. К 120-летию со дня рождения Христо Ботева. Лит. газета, 1969, 8 января.

Тананаева Л. И. Развитие польского изобразительного искусства эпохи Просвещения. Автореф. канд. дисс. М., 1968.

Тарлев В. Г. Успіхи і перспективи болгарської школи. Рад. школа, 1968, № 10.

Тиханова В. Пленерная скульптура Польши. «Декоративное искусство СССР». 1968, № 11.

Уразова Л. Божидар Якац — художник и человек. «Искусство», 1968, № 10.

Цыбенко Е. З. Физиологический очерк и польский социальный роман 40—50-х годов XIX века. Научн. докл. выпш. школы. Филол. науки, 1968, № 6.

Черненко М. «Дансинг в ставке Гитлера». «Искусство кино», 1968, № 10.

Шафер Н. Г. Романы Бруно Ясенского. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965.

Штекли А. Смерть Коперника. «Прометей», М., 1968, № 5.

3. Языкознание

Журавлев В. К. К проблеме балто-славянских языковых отношений. «Baltistica», Вильнюс, 1968, № 4 (2).

Казлаускас И. О балто-славянской форме дательного пад. мн. и дв. ч. «Baltistica», Вильнюс, 1968, № 4(2).

Клепикова Г. П., Попова Т. В. О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка. «Вопросы языкознания», 1968, № 6.

Кондрашов Н. А. Лексический состав словацкого литературного языка на начальном этапе развития. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1968, т. 194. Иностр. языки, вып. 19.

Проппчев В. П. Обращение и понятие (На материале сербохорватского и русского языков). Вестник Ленингр. ун-та, 1968, № 20. История. Язык. Лит.-ра, вып. 4.

Радзиховская В. К. О семантических и морфологических структурных ограничениях при образовании отаъективных прилагательных с суффиксом -оват(-aw-, przy-) в русском и польском языках. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1968, № 292.

Рупосова Л. П. Кальки русских слов и выражений в современном словацком литературном языке. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1968, т. 194. Иностр. языки, вып. 19.

Рупосова Л. П. Отглагольные имена существительные с возвратным местоимением в современном словацком литературном языке. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1968, т. 194. Иностр. языки, вып. 19.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1968, № 5

№ 6

Решение Политбюро ЦК БКП о создании многотомной истории Болгарии; Р. Попов. Политика Сербии по отношению к Болгарии в период Балканского кризиса (1908—1909 г.); З. Пляков. Демографический облик болгарского города в XV — середине XVII в.; А. М. Шипман (СССР). Христо Кабакчиев и процесс против ЦК БКП в 1925 г.; Н. Кондов. О количестве населения в Болгарии к концу XIV в.; С. Радулов. Об идеологии болгарского фашизма; Д. Казасов. Фашизм и болгарские партии.

Ж. Патав. Польский пленум ЦК БКП и общественные науки; Х. Христов. Освобождение Болгарии и Кресненско-Разложское восстание; Л. Беров. Новые данные о роли Фердинанда как агента германского империализма; М. Г. Манолова. Временное русское управление в Болгарии в 1877—1879 гг. и почтовое дело; В. Гюзелев. Добруджанская надпись и события в Болгарии в 943 г.; Н. Цонев. Фашистская диктатура и Народный блок; В. Хаджиниколов. Еще раз о фашизме и его особенностях в Болгарии.

«Литературна мисъл», 1968, № 5

В. Ангелов. Роль ассоциаций в процессе эстетического восприятия; З. Петров. Новое перевоплощение Паленко; Х. Дудевски. Фельетоны Алеко Константинова и традиции русской литературы; Е. Мутафов. Об органичности беллетристического мышления; Г. Димов. Наука — призвание и жизненная судьба; Л. Цветков, Л. Грашева, Х. Иордаков. Научный форум мировой славистики.

«Български език», 1968, № 6

М. Коспартова. Случаи градационной детерминации; Р. Русinov. Употребление препозитивного несогласованного притяжательного определения в современном болгарском языке; Р. Нидолова. К вопросу о транспозиции предложений в болгарском языке; П. Пенкова. Синонимическое употребление приаждективного родительного и дательного падежа в древнеболгарском; М. С. Младенов. Вероятностное наклонение в говоре с. Ново село, Видинско; М. Выгленов. Произношение и транскрипция иранских имен в болгарском языке; Н. Вылчкова. Эмоционально-словообразовательный тип в болгарской глагольной системе; М. Хардалов. О приблизительном определении энтропии печатного болгарского текста; П. Асенова. Из местной гидронимии.

«Език и литература», 1968, № 5

Е. Шаблиовский. Творческий путь украинского ученого Михаила Драгоманова; А. Давидов. Неизвестный список «Похвального слова патриарха Евтимия» Григория Цамблака; Г. Климонова. Снятие многозначности словесных классов типа «наречие (предикат) краткое прилагательное» при автоматическом анализе русского языка; Л. Бучков. Перелом в творчестве Йордана Йовкова; Ц. Младенов. Стихотворение Яворова «Армяне»; А. Гербман. Заметки о романе Лермонтова «Герой нашего времени».

«Kwartalnik Historyczny», 1969, № 1

Б. Влодарский. Польско-русские отношения во времена Казимежа Справедливого; З. Кухович. Общественные последствия прогрессирующего вырождения польской олигархии в XVII—XVIII вв.; В. Вуазе. Историческая мысль в XVII в.; Е. Куманецкий. Санкционирование восточной границы Польши Советом послов; Нужды и перспективы развития польской исторической науки; Г. Лябуда. Несколько слов о генезисе средневекового германского го-

сударства; А. Гонсёровский. Призыв в народное ополчение 1433 г. в Великопольше; Я. Ющик. Об исследованиях над юдаизмом (ересь жиловствующих); Г. Кокай. Отклики костюшковского восстания в венгерской печати того времени.

«Przegląd Historyczny», 1968, № 4

Я. Тышкевич. Заселение района верхнего Нарева в I тысячелетии н. э.; Г. Самсонович. Торговля Люблина на рубеже XV—XVI вв.; Т. Менцель. Участие общественности в политической жизни Королевства Польского в 1815—1830 гг.; М. Вержбицка. «Очерк социальной истории Польши» Казимира Горжицкого; Г. Малиновский. Из истории освобождения польских земель в ноябре 1918 г.; А. Деруга. К истории белорусской проблемы в 1917—1918 гг.; Р. Руссоцкий. Гордское вече в Восточной и Западной Славянщине; Я. Канцевич. Сложные вопросы польского рабочего движения в 1929—1935 гг.

«Z pola walki», 1968, № 2

Н. А. Бах. К характеристике Маркса как руководителя Интернационала; Г. Катц. «Капитал» Карла Маркса — историческая реальность (к 150-летию со дня рождения); Р. А. Ермолаева. Ленин и польские революционеры в сибирской ссылке (1897—1900); Ю. Лавник. Безработица в Варшаве в межвоенный период на фоне безработицы в Польше.

№ 3

М. Малиновский. К вопросу о роспуске КПП; К. Май. Деятельность польских групп Французской коммунистической партии во время гитлеровской оккупации; Б. Геберт. Польские левые эмигранты в США в годы второй мировой войны.

№ 4

Б. Дыmek. Дело Сильвестра Воевудского; А. Калужа. Ноябрь 1918 г. в Домбровском бассейне (полемиические заметки); Е. Павлович. Программная декларация Польской рабочей партии (ПРП) «За что мы боремся?»; Б. Сыздэк. Объединительный съезд ПРП и ППС — создание Польской объединенной рабочей партии (идеологические дискуссии и этапы подготовки); Я. Щебелевский. К проблеме организационного развития ПОРП между I и II съездами; 50 лет компартии Польши.

«Pamiętnik Literacki», 1968, № 3

А. Добаk. Старопольская идиллия. Очерк проблематики; Т. Бепьков-

с к и й. Из исследований по восприятию античности в Польше до конца XVIII в.; Я. П е л ь ц. Ренессансная концепция человека в «Тренах» Яна Кохановского; Б. О т в и н о в с к а я. «Concor discordia» Сарбевского в теории концептизма; С. Д о м б р о в с к и й. Образы, фразы, слова (в связи с вопросом о литературных отзвуках в творчестве Мицкевича); Т. Д о б ж и н ь с к а я. Из проблематики голосового исполнения литературного текста; Д. Д а н е к. Высказывания в произведениях о произведении (в повествовательных формах).

«*Slavia Orientalis*», 1968, № 3

Р. П ш и б ы л ь с к и й. О «Разгроме» Александра Фадеева; С. П о л ь к. В поисках мифа героя. Первое десятилетие творчества Тихонова; А. В о л о д ь к о. Поэмы из Оберю; Р. С л и в о в с к и й. К изучению литературного наследия Андрея Платонова; Я. С а л а й ч и к. О «Конармии» Исаака Бабеля; С. П о р е м б а. Литературный дебют Лидии Сейфуллиной; Я. Ш и м а к. Охотничьи рассказы Юрия Нагибина; Ф. Н е у в а ж н ы й. У истоков украинской советской поэзии. Лирика Чумака и Эллана.

«*Język Polski*», 1968, № 3

Е. О с т р о в с к а я. К семидесятилетию Витольда Ташицкого; В. Т а ш и ц к и й. Местное название *Powązki* — фамилия *Powęski* (*Pawęski*); М. К у ц а л а. Отражение общеупотребительной лексики в древнепольских личных именах; К. П и с а р к о в а. Местоимение в польском предложении; Б. К р е я. Экспрессивные существительные на *-sko* в польском языке; Е. М о с ь к о. О названиях *Płock* и *Peltew*; Я. К в е к - О с ь в с к а я. Станислав Ключевский — защитник польского языка.

№ 4

З. К л е м е н с е в и ч. Главные черты развития связей письменности и языка в Польше 1770—1939 гг.; М. К а р а с ь. Ягеллонский университет. 2. Названия зданий; А. З а р е м б а. О задней артикуляции *y* в польском языке (на общеславянском фоне); Ю. Р е ч е к. Из проблематики древнепольской лексикографии. 2. *Pasczrzewie*; 3. *Łątnia*; 4. *Łapka tekce tysego*; Б. К о м о р о в с к и й. Университетское преподавание языкознания глазами студентов-полонистов; А. С т е ф ф е н. Заглавное слово (*Kregiel*) *Kregiel* и *Kreł* или *Skreł* в Древнепольском словаре.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1968,

№ 5

И. С п е в а ч е к. Неизвестные обстоятельства борьбы маркграфа Карла за рим-

скую корону; Ф. К у т н а р. Предыстория большого леопольдовского сейма 1790 г.; К. Е х о в а. Левые реалисты и чехословацкий пролеткульт; Ф. Л у к е ш. Заметки о чехословацко-советских связях в сентябре 1938 г.

№ 6

Ф. Ш м а г е л. *Universalia realia sunt heresis semineria* (Философия пражского экстремного реализма в свете доктринально-институциональной критики); Й. К о р ж а л к. Образование Чехословацкой республики в 1918 г. и официальная политика Германской империи; З. С л а д е к. Чехословацкая политика и Россия в 1918—1920 гг.; В. О л и в о в а. Чехословакия в тридцатые годы.

«*Historický časopis*», 1968, № 3

Я. Н о в о т н ы й. Чехи и словаки в национально-политической борьбе от Славянского съезда до подавления революции 1848—1849 гг.; Б. К р и з м а н. «Белеградское перемирие» 13 ноября 1918 г.; М. Г о с и о р о в с к и й. К некоторым вопросам об отношениях между чехами и словаками в политике Коммунистической партии Чехословакии.

«*Slovanský přehled*», 1968, № 5

Ю. К р ж и ж е к. Славянские народы и крушение монархии Габсбургов; Я. В а в р а. Наши первые книги об Октябре, ленинизме и Ленине; В. К р а л. Критические дни сентября; Т. С и л л а б а. К проблематике отношения Т. К. Массарика к Октябрьской революции; П. П о л л а к. Словацко-русское общество памяти Л. Штура; М. Ч у т к о в а. К чехословацко-югославянским связям в 1938 г.

№ 6

Ю. К р ж и ж е к. Славянские народы и крушение монархии Габсбургов (ч. II); В. Б а л ц е р а к. К чехословацко-польским отношениям в 1921—1925 гг.; И. К о л е й к а. «Идея Европы» и «идея средней Европы» в XIX и XX вв.; З. С л а д е к. Т. Г. Массарик и революционная Россия.

«*Ceská literatura*», 1968, № 4

М. О т р у б а. Поэзия, миф и оценка (конкретизация и эстетическая оценка «Краледворской рукописи»); В. К а р ф и к о в а. Превращения волшебных мастеров; И. П и н к а в а. Философские основы марксистской теории искусства и структурализм; М. К о з л и к о в а. Польские работы об эпике и поэзии; М. Б а х т и ц. Эпос и роман; Г. К о -

ре ц к а. Значение «газетной колонки» в творчестве Чапека; Й. Чермак. Чешская культура и Франц Кафка.

№ 5

М. Томчик. Отношение эстетической функции к внеэстетическим функциям в словацкой литературе после первой мировой войны; В. Форст. Историзм чешской и словацкой литературы после 1918 года; Г. Кучерова. Проза словацкого экспрессионизма в первые годы после первой мировой войны; З. Айс. О романе Урбана «Живой бич» в чешской печати; Ц. Краус. Проблемы развития словацкой литературы в свете чешских журналов эпохи Возрождения; П. Блажек. «Вещественность Красноармейцев» Голана.

«Slovenská literatúra», 1968, № 5

Л. Новомеский. Обращение при пятидесятилетиях; М. Томчик. Отношение эстетической функции к внеэстетическим функциям в словацкой литературе после первой мировой войны; З. Айс. О романе Урбана «Живой бич»; Г. Пифко. Воспитательные тенденции в равном творчестве Горака; Э. Хароус. Словацкие элементы в прозе Милоша Иранка; Т. Иванова. Поэтизм — или своеобразие?; Я. Штевчек. Подпольские рассказы Гронского; В. Майер. О роли чешских педагогических журналов межвоенного периода в словацкой литературе для молодежи.

№ 6

Ц. Краус. Синтезирующие усилия в штурмовской литературе; М. Дзубакова. Поэтические зачины Гведослава и народная песня; П. Либя. «Народная литература» второй половины XIX столетия в Словакии; В. Турчаны. Что такое душа поэзии?; Н. Краусова. Структурализм в современном литературоведении; И. Плинтович. К вопросу о литературоведческой регионалистике; Я. Худак. Ян Валашик.

«Slavia», 1968, № 3

Т. Бух. Из истории литовского консонантизма; Д. Кшицова. Франтишек Таборский как переводчик и пропагандист русской народной словесности; В. Куделка. От экспрессионизма к социальному реализму (Некоторые проблемы словацкой литературы в 1918—1941 гг.); О. Кралак. Новая фаза дискуссии о славянской культуре в Чехии Пржемыслидов; Я. Кадлец. К датировке Жития Прокопия; О. Зильнский. Шевченко на стра-

ницах немецкой печати в Чехии; В. Бехинёва. Черты барокко в литературе болгарских католиков.

«Slavica Slovaca», 1968, № 1

Р. Крайчович. К теории так называемых словенско-словацких изоглос; В. Кучера. О синтагматике русского винительного (винительный времени и винительный объекта); Е. П. Васильева. К вопросу о месте бессоюзного сложного предложения в системе сложных предложений; Г. Н. Акимова. К истории трехчленного сказуемого; Э. Секанинова. Лексическое значение в двуязычном плане русско-словацком; М. О. Маликова. Словообразовательная структура слов с лексикальной морфемой *много-* в русском языке; Ф. Буффя. К характеристике конца слов латинского и греческого происхождения в словацком и польском языке; М. Майтанова. О названиях мухомора в чешских диалектах.

№ 3

Й. Мистрик. К количественной характеристике славянских народных песен; Г. Балаж. Конструкции с формами страдательных причастий в современном русском языке; И. Котгай. Значения форм условного наклонения в русском и словацком языках и его место в рамках нереальных накоплений; А. П. Груцо. Придаточные определительные с относительными наречиями и союзами в белорусском языке; Я. Станислав. Частица и союз *da* в словацком языке; Й. Штольц. К вопросу об интерференции языковых явлений; А. Габовштяк. К характеристике словарного состава словацкого говора в с. Г. Митрополия (Болгария); И. Котулч. Из старой лингвистической литературы; Я. Доружя. О языке административно-юридической письменности добернолаковского периода.

«Slovenská reč», 1968, № 4

Л. Новак. Конвергентное развитие словацких личных местоимений и глаголов; Ш. Пецяр. Функции глагольных приставок *nad-*, *pod(o)-*, *pred(o)-* в словацком языке; Я. Доружя. Из истории слова *vadit'(sa)*; А. Габовштяк. О создании картотеки Словацкого диалектного словаря; Я. Рыбак. О сочетаниях типа *tuto Katra*; М. Лациок. О языковедческой деятельности Штефана Лешки и его отношении к словацкому языку; Л. Двонч. О сокращении слова *beskoslovenský* в аббревиатурах; Й. Яцко. Правильно ли название *Dukla*?

№ 5

Я. Горецкий. Фонологическая система словацкого литературного языка; А. Кралак. Фонетическая систематика

гласных и дифтонгов в словацком языке; Я. С а б о л. Консонантно-вокалическое сложение словацких слов; Й. Р у ж и ч к а. Написание приставок *s-*, *z-*, *zo-*, *vz-*; Й. М и с т р и к. Приставки как параметры стиля; Ш. П е ц и а р. Количество существительных на *-ár/-iar* и *-áreň/-iareň*; Л. Д в о н ч. Еще раз? *Marks, Engel's* или *Marx, Engels?*; Я. Д в о н ч о в а. Заметки о некоторых фонетических терминах.

№ 6

Пятьдесят лет словацкого языкознания (1910—1968): И. М а с а р. Словацкая профессиональная терминология в 1918—1968 гг.; Ш. П е ц и а р. Дистрибуция вариантов суффиксов *-ár/-iar*, *-áreň/-iareň*; П. М л а ц е к. О второстепенном предложении-приложении; Л. Д в о н ч. О написании собственных имен государств; В. У г л а р. Из проблематики литовских местных названий.

1969. № 1

П. Ш т о л ь ц. К шестидесятилетию проф. Е. Йоны; Л. Д в о н ч. Список трудов проф. Е. Йоны за 1934—1968 гг.; Ф. Б у ф ф а. Полстолетия изучения словацких диалектов; Ш. П е ц и а р. Количество существительных на *-ec*; Я. С а б о л. Четырехчленные консонантные группы в словацком языке; Я. М и х а л. Происхождение некоторых существительных; М. М и к л а ш. О характере выражений *hyba/hybá (ho) в pod' (ho)*; Ю. Р ы б а к. К изучению союза *lebo*; Й. М л а ц е к. Заметки об однородном сказуемом.

«Slovo a slovesnost», 1968, № 3

Б. Г а в р а н е к. 50 лет чешского языкознания; М. Д о к у д и л. Состояние и задачи изучения морфологического строя современного чешского языка; Й. В а х е к. О динамическом понимании фонологии, преимущественно чешской; А. С т и х. Чешское языкознание и культура языка в истекшее полстолетие; Й. Ф и л и п е ц. О задачах чешской лексикологии; Е. М и х а л е к, И. Н е м е ц. Пятьдесят лет чешской исторической лексикологии; Я. Б е л и ч. Неотложные задачи чешской диалектологии; М. Р о м п о р т л. К пятидесятилетию чехословацкой фонетики.

№ 4

Б. Г а в р а н е к. К шестидесятилетию проф. К. Горалека; К. Х а у з е н б л а с. К понятию «современный язык»; Б. П а л е к. Предложение и денотат; М. Т е ш и т е л о в а. О поэтическом языке с точки зрения статистики; В. М п х а л к о в а. К интерференции языковых структур в настоящее время; Я. К о р ж е н с к и й. Структура высказывания с точки зрения изображения

действительности языком и категория падежа; Й. Ш т е п а н. К проблематике сложного предложения в современном чешском языке. Опыт динамического описания; Б. Б о р о в и ч к о в а, В. М а л а ч. Использование искусственного акустического сигнала слова в экспериментальной фонетике.

«Jugoslovenski istorijski časopis», 1968, № 1—2

В. С т о я н о в и ч. Георгиев Саво Раковский и проблема болгаро-сербского сотрудничества в борьбе за освобождение балканских народов от турецкого владычества; Д. Д ж о р д ж е в и ч. Распад габсбургской монархии в 1918 г. — случайность или неизбежность; Б. К р и з м а н. Сербская военная миссия в США (декабрь 1917 — февраль 1918 г.); С. Ф и д а н о в а. Действия КПЮ в Македонии в борьбе за массы и установление политического единства в 1941—1942 гг.

«Izraz», 1968, № 6

Р. В у ч к о в и ч. О поэзии А. Б. Шимича; П. В о л к. Форма как цена свободы; Н. П е т к о в и ч. Народия; С. Л е о в а ц. Йован Стерид Попович; Ю. П ш и б о ш. О понятии «авангарда»; М. М и т р о в и ч. Свидетельства Эдварда Коцвека.

№ 7

И. В и д м а р. Судьба драмы; Б. А. П о п о в и ч. Васко Попа: путь к универсальному; П. В о л к. Освобождение фигуры; С. Л е о в а ц. Бранко Радичевич; Г. Г а м у л и н. Magnifico vir, messer Niccolo; М. Н р а ж и ч. Игра как поэзия; М. М а р ь я н о в и ч. О творчестве М. Тодорович; И. К и р к. «Падение» Камю в свете полемки вокруг экзистенциализма.

«Jezik in slovstvo», 1968, № 5

П. К о р у з а. Шестидесятилетние юбилеи — истории словенской литературы [Янез Логар и Лино Легиша]; Ф. П е т р е. Словенские писатели Триеста; Б. П о г о р е л е ц. Развитие простого предложения в словенском литературном языке; П. К о р у з а. О возникновении сборника рассказов Прежиха «Слезинки»; М. П и р е в е ц. Женские образы в новеллах Воранца.

№ 6

Ф. Я к о п и н. Карелу Оштиру — восемьдесят лет; Т. Л о г а р. Штаерское наречие; Ш. Б а р б а р и ч. Когда явилась золотая птица...; Б. Г о л о б. Школьные задания и исправления; Й. Т о п о р и ш и ч. Сочинительные отношения в словенском литературном языке; Я. Р и г л е р. Проблематика акцентации в словенском литературном языке.

НА VI МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Средневековой тематике на съезде было посвящено три заседания исторической секции. Заседание по проблеме «Образование раннефеодальных славянских государств и их взаимоотношения» (9 августа) было открыто докладом И. Дуйчева «Болгарская культура IX—X вв. и культура других славянских стран». Болгарский ученый развивает тезис о том, что зародившиеся под благотворным влиянием византийской культуры болгарские литература и искусство на рубеже IX—X вв. быстро приобрели черты самобытности.

В процессе развития связей между православными народами древнеболгарская культура, в свою очередь, оказывала определенное влияние на культурное развитие этих народов.

Болгарские археологи Ж. Важдарова, С. Георгиева и С. Станчев («Раннесредневековая культура Болгарии и культура Великоморавского государства в свете археологических исследований»), сопоставляя архитектуру, керамику, украшения и погребальные обряды на территории Болгарии VI—VIII вв. с аналогичными памятниками, найденными на территории Великоморавского государства, нашли между ними много общего. Эти наблюдения послужили основанием для вывода, что болгарская раннесредневековая материальная культура, возникшая на базе общеславянской культуры, имеет свою специфику. Авторы объясняют это близостью болгарской материальной культуры к византийской. Имея широкий ареал распространения, болгарская материальная культура находилась в непосредственном соприкосновении с культурой Великоморавского государства и являлась связующим звеном между культурами Византии и Великой Моравии.

Болгарский историк Д. Ангелов («Параллели в социально-экономическом развитии Болгарии и Сербии в период средневековья») на основе анализа архивного материала и законодательных памятников отмечает ряд общих моментов и специфические различия в развитии феодальных отношений на территории Болгарии и

Сербии в период с VIII по XIV вв. и пытается дать им оценку с точки зрения исторического материализма. Д. Ангелов стремится доказать, что поскольку у болгар государство сложилось раньше, чем у сербов, то и развитие феодальных отношений в болгарском обществе шло более быстрыми темпами. По мнению автора, становление феодализма в Болгарии следует относить к концу IX — началу X в., а в Сербии — только к XI—XII вв.

Определяясь законами внутреннего развития общества, развитие социально-экономических отношений в этих странах в то же время испытывало определенное влияние византийских феодальных порядков. Особенно сильно это проявлялось в болгарских землях, которые в течение почти двух веков находились под византийским гнетом. Наличие несравненно более широкого и разнообразного круга источников XIII—XIV вв. позволило автору подробнее и более аргументированно осветить вопросы о крупном феодальном землевладении, о положении феодалов и крестьянства, о феодальной ренте в Болгарии и Сербии данного периода.

Румынский археолог Мария Комза в своем выступлении «Влияние римской провинциальной культуры на культуру славян в эпоху формирования государств» с позиций исторического материализма пытается обосновать тезис, что контакт славянского населения с римским провинциальным миром на Балканском полуострове и других соседних областях в VI—VIII вв. послужил толчком для развития обработки железа, гончарного и других ремесел. Таким образом, влияние римского провинциального мира на развитие материальной культуры славян, по мнению М. Комзы, активизировало процессы образования классов в государстве.

Выдающийся польский славист академик Г. Ловмянский в своем докладе «Генезис Полоцкой земли» рассмотрел важнейшую проблему образования племенных объединений и государств у восточных славян. История Полоцкой земли прослежена в докладе польского ученого как по археологическим данным, так и по

письменным источникам. Полоцкая земля была древнейшим центром племени кривичей, что, по мнению Г. Ловмянского, в значительной степени объясняется исключительной выгодным географическим положением Полоцка. Эта была в значительной мере обособленная по отношению к Киеву государственная единица, объединявшая не только славянские племена, но и литовцев, латышей и финское племя ливов. Эта обособленность наметилась к концу XI в. До этого же времени Полоцк поддерживал тесный контакт с Киевом. Разрыв наступил в связи с усилением связей Новгорода и Смоленска с Киевом. Полоцк постоянно соперничал с этими городами в борьбе за землю кривичей.

Западно-славянской историко-юридической тематике на съезде было посвящено два доклада польских ученых — Ю. Бардаха «Исчезновение смердов на русских землях Короны и Литвы» и Т. Лялика «Рало и жребий». Проф. Ю. Бардах проследил изменения содержания понятия смерд с древнейших времен до XVII в., главным образом по источникам XV—XVI вв. Исследователем привлечен широкий материал, позволяющий судить о смердах как в Польше и Литве, Галицкой Руси, так и в Новгородской и Псковской землях. Появление термина «смерд» Ю. Бардах связывает с пренебрежительным отношением формировавшегося господствующего класса к крестьянам, первоначально эксплуатируемым государством, а затем по мере развития феодальных отношений — светскими и духовными феодалами.

Т. Лялик рассмотрел по документальным источникам использование терминов «рало» и «жребий», означавших размеры землевладения и соответственно налогового обложения в Восточной Европе, преимущественно у чехов и поляков. Особое внимание Т. Лялик уделил вопросу о рабах и наделении их земель в Западной Европе и у славян. Если на Западе им запрещено было строить дом и делать ограду, то у славян таких ограничений не существовало. В целом рабство было мало распространено в Польше и Чехии, тогда как в соседней Венгрии оно было заметным явлением.

Доклады Ю. Бардаха и Т. Лялика убедительно показали, сколь ценным источником для изучения социальной истории эпохи средневековья могут послужить чисто терминологические наблюдения.

Проблемам славянского самосознания и взаимности на съезде было уделено особое внимание.

Польский историк Р. Хецк рассмотрел эту проблему применительно к истории чешско-польских политических отношений в средневековье. Р. Хецк считает, что идея славянского единства более всего осознавалась в Чехии по отношению к

Польше и в Польше по отношению к Чехии. Особенно заметно эта идея проявляется в чешско-польских отношениях в XI, XIII и XV вв. По мнению автора, сознание славянского единства скорее выявлялось в практике политических отношений, чем отражалось в историографии. С последним положением, однако, весьма трудно согласиться. Как показал В. Д. Королюк¹, уже древнейшие славянские хроники свидетельствуют о ясном понимании славянского единства. Об этом же говорят и исследованные А. Грабским памятники польской средневековой историографии. Им польский ученый посвятил доклад «Чувство славянского единства и национальное сознание в средневековой Польше». А. Грабский показал, что это сознание в первую очередь выражается в чувстве языковой общности, тесно связанной с чувством племенной связи.

VI съезд славистов, как и предыдущий V съезд, в отличие от предшествовавших, проходил при активном участии историков. Славистика теперь неотъемлемой и исследованной по славянской филологии. Это ярко и убедительно было показано в докладе виднейшего чешского слависта Й. Мацурека «Функция исторических наук при решении славистической проблематики». Как показал Й. Мацурек, перед исторической наукой в одних случаях стоят частные задачи, а в других — задачи более общего значения. Ее методы могут быть использованы при исследовании социальных, экономических и культурных вопросов, в изучении условий славянского языкового единства и родства. Й. Мацурек привел ряд примеров, показывающих роль истории при решении славистических проблем. Он остановился, в частности, на украинской и молдавской лексикологиях, разработка которых оказалась невозможной без сравнительно-исторических исследований.

Доклад И. Мацурека был, к сожалению, единственным докладом от ЧССР по медиевистике.

¹ Подготовленный к съезду доклад В. Д. Королюка «К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.» на съезде не зачитывался. В этом докладе В. Д. Королюк показал, что славянское самосознание не только существовало, но и играло активную роль в национальном развитии восточных и западных славян в раннефеодальный период их истории. Об этом неопровержимо свидетельствуют такие важнейшие памятники славянской средневековой историографии, как хроники Козьмы Пражского, Галла-Анонима и «Повесть временных лет». Сознание славянского единства не только не противоречило, но напротив, способствовало формированию национального самосознания отдельных славянских народов.

Основная мысль выступления Б. Видеры (ГДР) «Русь и Польша в X в.» сводится к тому, что в историографии до сих пор недооценивают роль древлян в процессе формирования древнерусского государства. По мнению автора, организацией администрации в русском государстве начала заниматься только княгиня Ольга, а ее предшественники Олег и Игорь были только полководцами.

А. И. Рогов (СССР) в своем выступлении «Чешское наследие в культуре древней Руси» на ряде конкретных примеров показал наличие культурных связей средневековой Чехии с Киевской Русью, куда через Чехию проникали памятники западной литературы и, в первую очередь те, которые связаны с именами святых Вацлава и Людмила.

На заседании по проблеме «Значение богомилства, реформации и гуманизма в славянских странах» (9 августа) был прочитан доклад проф. Я. Тазбира (ПНР) «Славянские источники реформации в свете вероисповедной полемики». Докладчик уделил особое внимание идее родственности славян в сочинениях виднейших деятелей реформации в Польше. Не только идеи критики католической церкви, как показал докладчик, вдохновляли польских полемистов-реформаторов, но и постоянное напоминание о необходимости развития культуры на национальной славянской основе.

В докладе «Богомилство в Болгарии и славянских странах и его значение в средневековой Европе» болгарский историк Б. Примов, подойдя по-новому к ряду вопросов данной проблемы, прежде всего, пытается опровергнуть господствующее мнение, что богомилство берет свое начало из малоазийских областей Византийской империи.

Он отрицает традиционную точку зрения о том, что среди богомилов были как абсолютные, так и умеренные дуалисты. Примов утверждает, что богомилы были только умеренными дуалистами. Умеренный дуализм как разновидность богомилства, по мнению автора, возник в Болгарии и явился определенным вкладом в дуалистическую философию вообще. Богомилство, по мнению болгарского ученого, проникло в ряд славянских стран и прежде всего в Сербию и Боснию. Болгария, Византия, Сербия и Босния стали важными еретическими центрами всей Европы. По наблюдениям автора, богомилские догмы имели определяющее значение и в организационных началах катаризма в Италии, Франции и других странах Западной Европы.

Определяя общественно-политическое значение богомилства для истории средневековой Европы, Б. Примов подчеркивает, что это еретическое учение было международным проявлением антицерковной оппозиции и протестом против общественных порядков.

Из советских историков в дискуссии

принял участие А. И. Рогов, который отметил большое значение наблюдений Я. Тазбира над польскими материалами. Выводы Тазбира бесспорно будут иметь большое значение и при изучении истории реформации у других славянских народов, прежде всего Чехии. Особенно показательны в этом отношении мысли Гуса и Иеронима Пражского, относившихся с глубоким уважением к русской культуре прежде всего потому, что она базируется на основе национальной славянской письменности.

На заседании 13 августа были сгруппированы сообщения по проблеме «Раннефеодальное общество у славян».

Заседание открывается сообщением Л. Е. Гавлика (ЧССР) «Раннефеодальные gentes у славян». Автор не без основания считает, что термин gens на разных этапах истории славян обозначал различные понятия. Если в период поселения славян этим термином обозначали роды или племена, то для более позднего времени его лучше толковать как «национальность» или «раннефеодальная нация».

В. П. Грачев (СССР) в сообщении «Жупная организация у славян и ее роль в развитии государственности» обращает внимание на тот факт, что в историографии до сих пор необоснованно сохраняется схема политической организации южных и западных славян, которая была разработана еще в середине XIX в. Согласно этой схеме, славянские народы в период раннего средневековья разделялись на племена. Каждое племя занимало территорию, которая называлась «жупой», а ее глава — «жупаном». Являясь «первичной формой политической жизни», «жупная организация» могла быть основой лишь для примитивных государств племенного типа. Анализ источников (преимущественно сербских) позволил автору прийти к заключению, что указанная схема не соответствует фактическим материалам, а ее исходные положения представляют собой логическую конструкцию, созданную на основе теоретических представлений начала XIX в. Это подтверждает точку зрения тех исследователей, которые справедливо ищут корни государственной организации у славян (в том числе и у сербов), по крайней мере ранее IX в.

В развернувшейся дискуссии по сообщению В. П. Грачева выступил академик Г. Ловмянский. Обратив внимание на важность и актуальность проблемы, академик Г. Ловмянский поддержал все положения, выдвинутые в сообщении В. П. Грачева. Наряду с этим он высказал ряд соображений, которые, по его мнению, могли бы способствовать дальнейшей разработке поставленной проблемы. С большим интересом к затронутой В. П. Грачевым проблеме отнеслись и другие историки: Л. Лане (СФРЮ), О. Голага (ЧССР), В. Костахел (СРР).

В. Грачев, А. Рогов

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Вопросы сравнительного изучения литератур занимали весьма значительное место на VI Международном съезде славистов. В сущности они составляли стержень всей его литературоведческой программы. Только один специальный раздел тематики «Основные методологические и исторические проблемы сравнительного славянского литературоведения...» (включавший в себя два подраздела: А. Славянские литературы в мировой литературе. Б. Сравнительная история славянских литератур и межславянские связи) содержал 21 доклад. Кроме того, несколько десятков докладов, посвященных конкретно-историческому сравнительному изучению отдельных литературных явлений, вошло в другие разделы литературоведческой части программы съезда. В небольшом сообщении невозможно не только охарактеризовать все доклады по сравнительному литературоведению, но и просто перечислить их¹. Поэтому мы ограничимся лишь самой краткой информацией о некоторых из них, по преимуществу имеющих теоретический и методологический характер.

В докладе, с которого началась работа литературоведческой секции съезда — «La littérature Générale», ее функция мировая и межславянская», Ф. Вольман (ЧССР) обратился к рассмотрению содержания понятия «генеральная» или «всеобщая» литература в его историческом развитии и отношении к существующим представлениям о «всемирной литературе», «мировом литературном процессе», а также отдельных «национальных литературах». Докладчик высказал мысль, что всевозможные проявления литературных связей — признак закономерности мирового литературного процесса. По его мнению, мировая литература или мировая словесность — «синтез структур форм, возникших из взаимосвязей, соединений, влияний, и тех же структур форм в историческом процессе». «Генеральную литературу» при этом Ф. Вольман понимает как интернациональную. «Интернациональная генеральная проблематика, — говорится в докладе, — которая соединяет несколько, иногда много литератур, существует перед нашими глазами. Лучшим примером интернациональной генеральной литературы, т. е. того соединения между некоторыми литературами, которое обнаружено при сравнении, и того, которое еще предстоит обнаружить, является советская литература». В док-

ладе подчеркнуты значение и роль восточнославянских литератур в развитии всей советской литературы, их возросшее воздействие на Запад, Среднюю Европу и особенно славянские литературы. Крайне важной задачей филологии в связи с этим считает Ф. Вольман создание сравнительной славянской поэтики.

Задачам общего и сравнительного литературоведения посвятил свой доклад «Принципы общего и сравнительного славянского литературоведения» Э. Георгиев (НРБ). Эти задачи докладчик видит в том, чтобы вскрыть общее в развитии славянских литератур, славянскую литературную типологию, выяснить предпосылки взаимодействия между славянскими литературами, показать особенности восприятия произведений одной славянской литературы другой славянской страной, значение художественных переводов с одного славянского языка на другой, характерные особенности отражения жизни одного славянского народа в литературе другого. Необходимым условием построения научной истории славянских литератур, как полагает Э. Георгиев, должно быть исследование общих закономерностей в развитии славянских литератур.

Ю. Доланский (ЧССР) в докладе «Специфичность славянских литератур в литературах Восточной Европы» ставит вопросы: «Представляют ли славянские литературы нечто специфически особенное в рамках мировой литературы? Не являются ли они естественной частью большой региональной группы остальных литератур Восточной Европы? Имеют ли они в своем развитии некоторые общие особенности, которыми существенно отличаются от творчества других восточнославянских народов?» В результате тщательного рассмотрения территориально-географических и социально-общественных условий жизни народов, населяющих Восточную Европу, докладчик приходит к заключению, что эти условия способствовали сближению славянских литератур. Но главный фактор, обусловивший возникновение специфики славянских литератур, Ю. Доланский усматривает в «национальном и языковом родстве». Он с особой силой проявил себя, по словам докладчика, в эпоху Великой Моравии, когда солунские братья Кирилл и Мефодий заложили там основы литературной культуры. С тех пор фактор «родства» постоянно влиял на развитие межславянских литературных связей, что в XIX в. привело к образованию глубоко продуманной программы «Славянской литературной взаимности». В заключение доклада Ю. Доланский приходит к выводу: «Само собою разумеется, что ни одна национальная литература не живет в безвоздушной изоляции, что ее струк-

¹ Полный перечень литературоведческих докладов содержится в книгах: VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Резюме докладов, выступлений и сообщений. Praha, 1968; Program VI Mezinárodního sjezdu slavistů. Praha, 1968.

тура развивается в постоянном контакте с литературами иными, из чего ясно выступает основополагающее значение межславянских связей для спецификации славянских литератур среди остальных литератур Восточной Европы. Вся славянская письменность является естественной частью ее литературной жизни и ее литературной культуры. Однако каждая из славянских литератур в отдельности и все они вместе как совокупность близких национально и по языку письменностей в процессе развития восприняли в себя из славянского родства столько плодотворных элементов и общих особенностей, что в силу этого занимают специфически особое место на карте мировой литературы в обширной региональной группе восточноевропейских литератур».

С докладом Ю. Доланского тематически перекликается доклад К. Крейчи (ЧССР), озаглавленный «Миф и диалог в исторических связях славянства с Западом». «Национальным мифом» в нем называются те «комплексные представления», «которые народы создают о себе самих и о других народах». Докладчик указал на необходимость учета этих представлений при решении вопросов становления всех славянских литератур и специализированного изучения взаимных связей между ними, а также их «диалогов» с Западом. В докладе затрагиваются проблемы этноцентризма (оценка других народов, исходя из опыта своего народа) в ее отношении к международным литературным контактам.

Проблемы исторической преемственности, как объективной закономерности культурного и литературно-художественного развития общества, были рассмотрены в докладе А. С. Бушмина (СССР) — «Преемственность в истории литературы как проблема исследования». «В своем закономерном поступательном движении литература ассимилирует весь предшествующий опыт», — говорится в этом докладе. И далее: «Понимая преемственность литературного развития как синтез, мы, следовательно, не можем считать его исчерпанным, раз навсегда завершенным даже по отношению к наследию самых отдаленных эпох. Далекое по времени может быть актуальнее близкого. Великие художественные творения минувших эпох подобны посевам многолетних растений — каждое поколение собирает свою жатву». В заключение А. С. Бушмин говорил о необходимости продолжить разработку методологии и методики изучения вопросов преемственности и новаторства.

Р. Паролек (ЧССР) выступил с докладом «Заметки о неравномерном развитии славянских литератур», в котором выдвинута проблема отражения общего процесса развития мировой литературы на отдельных национальных литературах.

Отношение последних к мировой литературной системе докладчик рассматривает как «отношения структур к макроструктуре». В докладе отмечается: «Когда взаимодействие национальной и мировой литературы развивается нормально, то результатом такого взаимодействия является максимальное их взаимообогащение. Если, однако, контакты ослабевают, то развитие национальной литературы приобретает замедленный или односторонний характер».

О единстве и дифференцированности южнославянских литератур говорил в своем докладе «К проблематике сравнительного изучения южнославянских литератур XIX и XX в.» З. Урбан (ЧССР).

Отдельные вопросы теории и методики сравнительного литературоведения пашли также отражение в докладах М. Бакоша (ЧССР) «Историческая поэтика и история литературы», И. Бадалича (СФРЮ) «К вопросу о характере литературных отражений и влияний», Д. Дюришина (ЧССР) «Вопросы сравнительного изучения литературы и анализ метода перевода», Н. И. Балашова (СССР) «Система испанско-славянских связей XVII в. и вопросы сравнительного литературоведения» и других участников съезда.

Историко-теоретический характер имел доклад Г. Цигенгейста (ГДР) «Германия как центр распространения славянской литературы в Европе в начале XIX в». Прогрессивную традицию проникновения славянской культуры и литературы в Германию и Западную Европу автор связывает со всем тем, что плод от немецкого просвещения и немецкого романтизма. Начавшийся в эпоху войн против Наполеона и отражавший стремления немецких романтиков процесс немецко-славянского сближения давал, как говорится в докладе, «сильные импульсы для проникновения славянских народно-поэтических и национальных литературных сокровищ в немецкую духовную жизнь». Но этим значение немецко-славянского сближения не ограничивалось. Оно было гораздо шире, ибо благодаря посредничеству немецких просветителей и романтиков оказывало большое влияние на соседние страны, став, по словам докладчика, «фактом общеевропейского значения в истории литературы XIX в.».

Участники съезда прослушали и целый ряд других докладов, в которых вопросы сравнительного изучения славянских литератур рассматривались не только в теоретическом, но и в историческом плане. К числу таких докладов принадлежат: «Вклад восточных славян в разработку так называемых "мировых образов"» П. Н. Беркова (СССР), «Творчество Льва Толстого после 1880 г. и его влияние за границей» В. Эджертона (США), «Древнеславянские литературы как система» Д. С. Лихачева (СССР), «О чешском лите-

ратурном барокко в контексте славянском и общеевропейском» И. Грабака (ЧССР), «Русские „очерки“ и сербский реалистический рассказ XIX в.» В. Вулетича (СФРЮ), «Особенности восприятия русской литературы в Румынии в XIX и XX вв. в сопоставлении с Западной и Восточной Европой» Т. Николеску (СРР), «К проблематике словацко-украинских литературных связей» М. Молнара (ЧССР), «Апология в старославянских литературах» К. Куева (НРБ), «Литература Киевской Руси среди средневековых литератур» А. Н. Робинсона (СССР), «Единство и различия в развитии древнеславянских литератур» П. Динеква (НРБ), «О взаимосвязях между древней сербской и русской литературами» Р. Милича (СФРЮ) и многие другие.

Проблематика сравнительно-исторического изучения славянских литератур применительно к XX в. получила освещение по преимуществу в докладах советской делегации.

Д. Ф. Марков в докладе «Социалистические литературы в славянских странах 20—30-х годов и мировой литературный процесс» остановился на общих вопросах сравнительного изучения литератур XX в., вопросах интенсивности развития социалистических литератур в славянских странах, динамики сходных художественных структур. В итоге автор пришел к выводу, «что изображение народной массы, нового человека истории — различное в различных социалистических литературах — несло в себе и сходные черты, обусловленные сходством задач, которые ставили перед собой писатели». Далее, в заключительной части доклада сказано: «Есть основания говорить о сходных художественных структурах, в которых отразилось историческое движение поэтики социалистического реализма».

Проблема связей и взаимоотношений творческих методов и литературных течений в ее историческом аспекте получила раскрытие в докладе М. Н. Пархоменко «Закономерности перехода от критического реализма к социалистическому в славянских литературах СССР».

Помимо названных докладов проблематика сравнительного изучения славянских литератур в XX в. нашла отражение в докладах Г. Д. Вербеса «О традиционном и новаторском в славянской поэзии XX в.», С. А. Шерлаимовой «Некоторые особенности чешской поэзии XX в. (в сопоставлении с русской)», а также Ю. Л. Булаховской, И. Е. Журавской и

В. А. Захаржевской «Многообразие форм литературных взаимосвязей в современной славянской поэзии».

Литературные явления XX в. в сравнительном плане рассматривались также в докладах болгарских литературоведов С. Божкова и Х. Дудевского «Типологические особенности и проблема взаимоотношения советской и болгарской литератур», П. Зарева «Развитие болгарской литературы 20-х лет в сопоставлении с советской литературой», в докладе Е. С. Шаблювского (СССР) и С. Русакиева (НРБ) «Становление и развитие социалистического реализма в национальных литературах» и др.

Существенную особенность большинства произнесенных на съезде докладов, посвященных теории, методике и истории сравнительного изучения литератур, составляет то, что сравнительное литературоведение, как одна из областей литературоведения, трактовалась в них широко, включая в себя и сравнительно-типологические изучения, и исследование литературных связей, и выяснение отношений между мировой литературной системой и отдельными, входящими в нее литературами, и осмысление истории международных литературных наследований, а также другие виды научных исканий, касающиеся, как правило, познания не одной, а нескольких литератур в их соприкосновениях и сосуществовании.

Все это показывает, как сильно возросло значение сравнительного литературоведения в современной науке о литературе. Можно не сомневаться, что вопросы более точного определения самого понятия «сравнительное литературоведение», международной литературной преемственности, национального своеобразия литератур (в их отношении к сравнительно-типологическому изучению литератур и изучению межславянских литературных связей), методологии всевозможных аспектов сравнительно-исторического изучения литератур, проникновения в тайну творческих контактов, поиска путей создания сравнительной славянской поэтики, выяснения роли славянских литератур в литературном развитии человечества и множество других будут и впредь волновать литературоведов-славистов всего мира. VI съезд со всей очевидностью показал необычайную актуальность проблем сравнительного литературоведения в настоящее время и настоятельную необходимость их дальнейшей разработки.

Л. С. Кишкин

ПРОБЛЕМАТИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ

В последнее время в литературоведении славянских стран заметен повышенный интерес к проблемам исторической поэтики. Эти проблемы заняли видное место и на VI съезде славистов. Программа съезда предусматривала, в частности, рассмотрение комплекса вопросов, связанных с развитием и изменением жанровых систем в славянских литературах. На съезде работала специальная подсекция, обсуждавшая эти вопросы. Часть докладчиков непосредственно посвятила свои выступления обоснованию необходимости и плодотворности расширения исследований в области жанра и исторической макропоэтики вообще. Так, М. Бакош (ЧССР) в докладе «Историческая поэтика и литература» развивал мысль о том, что изучение исторической поэтики, жанров и стилей может послужить базой для построения истории отдельных литератур, и для типологических сопоставлений и, в конечном счете, для историколитературных обобщений, охватывающих целые комплексы национальных литератур. Словацкий ученый М. Пишут выступил с докладом «Значение жанровой типологии для синтетической истории славянских литератур» и отметил, что прежние попытки создания общей истории славянских литератур сводились как правило к простому параллельному изложению национальных литературных процессов, к сумме отдельных историй национальных литератур и не вскрывали в должной мере сходство и различия художественного литературного развития славянских народов. Привлекая наблюдения Ф. Вольмана, В. М. Жирмунского, Э. Георгиева, А. В. Чичерина, Д. Дюришина и других исследователей, М. Пишут поделился соображениями о путях и способах сопоставления национальных славянских литератур как художественных систем в их эволюции, общности и различиях и высказал мысль о возможности создания комплексной истории славянских литератур на основе жанровой типологии. В докладе было подчеркнуто, что подобный путь, естественно, предполагает проникновение в социально-исторические истоки литературных явлений и их общественную сущность. Предварительным условием такого рода обобщающей работы автор доклада считает создание частных исследований типа книги К. Крейчи «Героикомика в славянской поэзии» (Прага, 1964), прослеживающего судьбы героикомиического жанра в славянских литературах на широком фоне европейского литературного процесса и в тесной связи с общей динамикой национального литературного развития.

Обширный круг теоретико-методологических проблем был освещен в докладе Сл. Вольмана (ЧССР) «Жанровые структуры славянских литератур». Автор док-

лада дал характеристику традиций и различных тенденций в истории исследования жанра и изложил современную научную теорию жанра, широко привлекая как чехословацкую, так и зарубежную, особенно советскую научную литературу. Исходя из последовательно исторического понимания литературных форм, Сл. Вольман подчеркнул их содержательность, отражение в них специфики идейно-художественных тенденций эпохи и литературных течений, диалектики общего и индивидуального. Докладчик коснулся проблемы индивидуальности творческой активности и избирательности писателя в отношении к традициям, вопроса о национальном и интернациональном элементе в развитии и преобразовании жанров и т. д. Во второй части доклада был дан общий обзор эволюции жанровых систем в славянских литературах (с преимущественным вниманием к периоду до XIX в.)

В самостоятельную группу можно выделить доклады, авторы которых «крупным планом» анализировали те или иные явления жанровой системы на материале отдельных эпох и этапов. Глубокие обобщения о характере жанровой системы древнеславянских литератур содержал доклад Д. С. Лихачева «Древнеславянская литература как система». Советский ученый продемонстрировал специфику древнеславянских жанров, особенности которых были тесно связаны с «практическим» назначением различных типов произведений, и остановился на особом виде взаимодействия жанров, характерном для эпохи и состоявшем в появлении обильных произведений — ансамблей. Массив таких произведений включал разные жанры, стили, методы, сохранявшие в рамках целого относительную самостоятельность. В докладе была показана различная степень устойчивости и изменчивости различных жанров древнеславянских литератур и раскрыты принципы эволюции жанровой системы, ее наиболее «подвижные» сферы, в которых прежде всего и происходило накопление новых элементов и возникновение новых тенденций.

Ф. Водичка (ЧССР) в докладе «Антиномия поэзии и прозы в системе жанров XIX в.», высказав ряд положений о природе жанра в связи с проблемой нормативности в литературе, анализировал затем динамику жанровой системы чешской литературы XIX в., процесс становления «объективных» повествовательных жанров в их диалектическом взаимодействии с поэтической, «идеальной» тенденцией, заданной уже в эпоху формирования чешской литературы после сильного ослабления отечественных литературных традиций и поддерживавшейся затем национально-воспитательной направленностью

чешского искусства, которое развивалось в условиях национального гнета. На примере нескольких опытов создания романа в стихах, относящихся к началу, середине и концу XIX в., а также прозы Я. Неруды и Б. Немцовой докладчик показал, как подчинилась общей тенденции развития жанровой системы, в одних случаях прозаические произведения воплощают в той или иной мере функции поэзии, в других поэтические формы преломляют стремление к созданию объективированной картины жизни и отражают доминирующую тенденцию движения литературы к прозе.

С проблематикой доклада Ф. Водички отчасти перекликался доклад Г. М. Фридендера (СССР) «О закономерностях развития жанров в эпоху реализма (на материале славянских литератур XIX — начала XX вв.)», в котором была охарактеризована качественная трансформация всей жанровой системы в эпоху формирования реализма и выдвинуты на первый план в литературном процессе повествовательных жанров. Докладчик раскрыл изменение характера и функции сюжета (появление на месте прежних условных сюжетных схем индивидуального сюжета, специфического для каждого произведения и вместе с тем вбирающего в себя познание широких и общезначимых явлений социально-исторической, культурной и психологической жизни эпохи). В докладе были также рассмотрены явления дифференциации и интеграции жанров, обогащение жанровой шкалы, возникновение новых жанровых типов и жанровых разновидностей и вместе с тем тенденция к художественному синтезу в реалистическом романе широкого охвата.

А. Спасов (СФРЮ) поделился наблюдениями над развитием жанров в современной македонской литературе в специфических условиях литературного развития, когда многие тенденции только еще обозначаются.

Автор настоящего обзора выступил с докладом о жанровом синтезе в чешской литературе XX в., остановившись на проблеме обновления и синтеза жанров и на зависимости этого процесса от глубинных изменений художественного сознания и представлений о мире, обусловленных в свою очередь изменениями объективной действительности. (Более подробно был рассмотрен своеобразный тип глобальной утопии, возникший в литературе с конца XIX — начала XX в. и типичный, в частности, для творчества К. Чапека, а также явления социально-эпического синтеза в революционной литературе межвоенного двадцатилетия).

В различных подсекциях съезда были также заслушаны доклады и сообщения о развитии отдельных жанров в разных славянских литературах. Древний пе-

риод оведался в выступлениях Р. Маринковича (СФРЮ) — проблемы средневекового романа, К. Куева (НРБ) — апологетические жанры, О. А. Державиной (СССР) — драма XVII в., Н. Ингхэма (США) — проблема биографического жанра, Р. Кирхнера (ГДР) — направления и жанры в украинской литературе XVII—XVIII вв.

В литературе XIX в. наибольшее внимание привлекли прозаические жанры. Исключение составляли доклады К. Генова (НРБ) о романтической поэме в славянских странах и Е. Рейснера (ГДР), проиллюстрировавшего изменения в структуре драматургических жанров на рубеже XIX и XX вв. на примере творчества Л. Украинки. Что касается прозы, то малые эпические формы получили освещение (на материале русской литературы) в докладах К. Штеды (ГДР) и Д. Бровна (США). Сопоставление русского очерка XIX в. и сербского реалистического рассказа и их функций в литературе своего времени сделал В. Вулетич (СФРЮ). Обстоятельно был обсужден жанр исторического романа. Доклады на эту тему — И. Кристинека (ЧССР), коллектива авторов под руководством Я. Кульчицкой — Салони (ПНР), Л. Шиклай (ВНР) — отличались широтой сопоставлений и вниманием к эволюции жанра. Г. Дудек и Г. Варм (ГДР) представили доклад о типологии русского романа конца XIX — начала XX в. В. Велчев (НРБ) проанализировал роман И. Вазова «Под игом», проводя аналогии с развитием романа-эпопеи в европейской литературе. Некоторых методологических вопросов типологии романа и исследования поэтики эпических форм коснулся в своем выступлении Н. Тун (ГДР).

В докладах, посвященных литературе XX в., заметно преобладал интерес к тем явлениям в области жанра, которые были вызваны к жизни формированием новой, революционно-социалистической литературы. Многие участники съезда анализировали жанры советской литературы. Б. Гиллер (ГДР) посвятил свое выступление советскому роману 30-х годов, К. Каспар (ГДР) — функции рассказчика в советской прозе последнего десятилетия, Е. Даскалова (НРБ) — революционной поэме в советской и болгарской литературе, Г. Шауманн (ГДР) — советской драматургии. Интересное сопоставление жанровой структуры драм Маяковского с общеевропейской традицией сделал М. Миклашек (ЧССР). С докладом «Развитие чешского романа XX в. и европейский роман» выступила И. А. Бершштейн (СССР), охарактеризовавшая основные формы романа в чешской литературе XX в., этапы и тенденции его развития вплоть до наших дней.

Проблематика жанров так или иначе затрагивалась и во многих других выступлениях, особенно посвященных воп-

росам методов и стилей, литературных связей.

Подводя итоги, можно сказать, что съезд дал немало импульсов для дальнейших исследований в области жанра и макропоэтики. Выявился большой интерес к специфике жанрообразования на разных этапах развития литературы, к за-

конам изменения, синтеза, дифференциации жанров, к функционированию жанровых систем, к конкретной поэтике различных жанровых типов и разновидностей, и наконец, к методологическим проблемам типологии и сравнительного исследования жанров.

С. Никольский

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

6 марта 1968 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР Т. А. Марусенко успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Названия рельефа в украинском языке (на славянском фоне)».

Работа Т. А. Марусенко построена на диалектном материале, собранном ею по специальной программе на всей территории УССР, и на данных лексикографических источников. В ней всесторонне исследуются украинские названия рельефа. Автор детально описывает основные словообразовательные и семантические модели в украинской терминологии рельефа. Подробно освещаются в диссертации вопросы этимологии названий рельефа, устанавливается пласт исконно славянских слов и пласт заимствований (румынизмы, унгаризмы, тюркизмы и т. п.). Большую ценность представляет значительный по объему и тщательно документированный словарь аппелятивов (около 1000 словарных статей).

● 12 июня 1968 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук научным сотрудником Института рабочего движения Сербии (г. Белград) Надеждой Светозаровной Иванович.

Над темой диссертации: «Политический кризис в Югославии в 1928 г. и рабочее движение» Н. С. Пюванович начала работу еще в Советском Союзе как аспирантка, а затем научный сотрудник Института славяноведения АН СССР, а закончила ее уже в Югославии.

Равностороннее использование как исторической, так и мемуарной литературы, широта источниковедческой базы исследования Н. С. Пюванович, единодушно отмеченные официальными оппонентами — доктором исторических наук В. М. Туроком-Поповым и кандидатом исторических наук В. Г. Карасевым, позволили диссертантке самостоятельно оценить те сложные процессы, которые происходили в 1928—1929 гг. в политической жизни Югославии.

Оппоненты подчеркнули интересную по-

Официальными оппонентами по диссертации выступили д-р филол. наук Ф. Т. Жилко (Институт языковедения АН УССР) и канд. филол. наук Н. И. Толстой (Институт славяноведения АН СССР). Оппоненты отметили, что работа Т. А. Марусенко является серьезным исследованием, которое выполнено на высоком научном уровне. Оппоненты единодушно подчеркнули, что эта работа представляет собой ценный вклад в разработку ряда важных вопросов славянской лексикологии, а также имеет большое значение для украинистики, в частности для определения дифференциации и группировки украинских говоров по лексическим признакам.

Ученый совет Института славяноведения АН СССР присудил Т. А. Марусенко ученую степень кандидата филологических наук.

Г. П. Клепикова

становку автором диссертации вопроса о характере диктатуры, установившейся в Югославии в январе 1929 г.

В. М. Турок-Попов отметил, что диссертантка хорошо показала, как югославские коммунисты в период 1926—1929 гг. искали решения национального вопроса на путях интернационализма.

В. Г. Карасев, отметил обстоятельное освещение сложного периода истории Коммунистической партии Югославии, в период между III и IV съездами КПЮ. Однако, по мнению оппонента, автором диссертации не совсем правильно оценена роль интеллигенции при рассмотрении вопросов социального состава коммунистических организаций. Кроме того, недостаточно показана связь югославского рабочего движения с международным, мало сказано о специфике рабочего и крестьянского движения в разных областях страны.

Ученый совет единогласно присудил Н. С. Пюванович ученую степень кандидата исторических наук.

Т. П. Блинова

CONTENTS

<i>E. Kuszko</i> (Poland). V. I. Lenin and the Polish National Question. <i>V. D. Koroľjuk</i> . V. I. Lenin's memorial places in Poland and Czechoslovakia in K. S. Koslovsky's engravings. <i>G. M. Slavin</i> . Soviet public opinion and the Antifascist Council of People's Liberation of Yugoslavia. <i>L. Havlík</i> (Czechoslovakia). Notions of the kinship of Slavic peoples in Old Moravia and Czechia. <i>E. P. Naumov</i> . On the authorship of an anonym Bulgar chronicle of 15-th century. <i>N. B. Jakovleva</i> . Yugoslavian poetry in the years of the people's liberation struggle (1941—1945). <i>A. V. Lipatov</i> . Problems of classicism. <i>L. S. Kishkin</i> . An article on Russian literature in the «Karlsbad Almanach» for 1831. <i>I. I. Revstin</i> . On the hierarchy of grammatical categories in slavic languages (exemplified by noun categories)	3
---	---

Questions of historiography

<i>A. S. Beilis</i> . M. Dimitrov's investigations on the history of the Bulgarian Renaissance	79
--	----

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

<i>G. V. Popov</i> . A little known monument of easel painting of the «South-west school» of the 14-th century from Kostroma	92
--	----

BIBLIOGRAPHY

Review-articles and reviews

<i>G. I. Čern' avskij</i> . From the history of the struggle by BKP for United Front in the twenties. <i>A. S. Mylnikov</i> . New book series of the State library of the CSSR. <i>A. P. Každan</i> . The archives of Athos. <i>T. P. Agapkina</i> . Polish theatre during the World War II. <i>I. Bunina</i> . S. B. Bernstein, V. M. Illich-Switych, G. P. Klepikova, V. V. Usachewa. The Carpatian dialectological atlas. <i>S. N. Strekalova</i> . A new old polish dictionary. <i>G. K. Venedictov</i> . П. Пашов. Българският глагол. <i>M. I. Jermakova</i> . H. Schuster-Šewc. Sorbische Sprachdenkmäler XVI—XVIII Jahrhundert	95
--	----

Bibliography

Books on the present state, history, culture and languages of the foreing Slav peoples published in the USSR during 1968. The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in Soviet periodicals in the end of 1968 — beginning of the 1969. The contents of foreign periodicals	112
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

From the VI-th International Congress of slavists

<i>V. Grachev</i> , <i>A. Rogov</i> . The problems of medieval history of slavic countries. <i>L. S. Kishkin</i> . Questions of comparative literature. <i>S. Nickoljski</i> . Problems of literary genres	127
--	-----

In the Institute of Slavic and Balkanic Studies

<i>G. V. Klepikova</i> , <i>T. P. Blinova</i> . The defence of dissertation theses	135
--	-----

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 18.IV.69 г.	Т-05731	Подписано к печати 17/IV-1969 г.	Тираж 1160 экз.
Зак. 1858	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 11,9	Бум. л. 4 ¹ / ₄
			Уч.-изд. листов 13,3

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17

Р

Цена 1 руб.

В ОРДЫНКА

Д 34/38 КВ 40

Индекс 70891

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12